

9(М)

Д-36

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

АКАДЕМИК Н. С. ДЕРЖАВИН

И С Т О Р И Я
Б О Л Г А Р И И

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

Академик Н. С. Державин

ИСТОРИЯ БОЛГАРИИ

том

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1 9 4 6

9 (M)

Д-36

ИЗ КНИГ
С.П. Григорова

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Академик Н.С.Державин.

ИСТОРИЯ БОЛГАРИИ

II

Болгария

времени

первого и второго

царств

(679 ~ 1393)

Российский Исторического
и культурного наследия
Библиотека

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва-Ленинград ~ 1946

БИБЛИОТЕКА
И.М. 1833

З

ПРОВЕРКА

ИСТОРИЯ БОЛГАРИИ

Том I

1878 - 1918

История Болгарии

Том I

1878 - 1918

История Болгарии
Том I
1878 - 1918

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
АН СССР за № 2041

W

Глава I

ИСТОРИЯ ПЕРВОГО БОЛГАРСКОГО ЦАРСТВА

(679—1018)

§ 1. ОЧЕРК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БОЛГАРИИ СО ВРЕМЕНИ АСПАРУХА ДО БОРИСА-МИХАИЛА

(679—852)

Заклучив в 679 г. мирный договор с Византией (Константин IV Погонат) и установив, согласно договору, границы своего государства, Аспарух, тем самым юридически оформил международное признание вновь возникшего на Византийской территории Болгарского государства как самостоятельной, независимой державы. Этот договор Константина IV с «варварами» не пользовался популярностью в византийском обществе, и ближайший преемник Константина IV, его сын Юстиниан II (685—711), попытался нарушить договор и с этой целью предпринял поход против Болгарии, но в одном из Балканских проходов был разбит и сам едва успел спастись бегством.

Свергнутый вскоре после этого с престола, Юстиниан обратился за помощью к преемнику Аспаруха, князю Тервелю (702—719), пообещав ему богатые подарки и свою дочь в жены, если только он поможет ему вернуть престол. Тервель пошел навстречу просьбе Юстиниана и в 705 г. неожиданно для византийского правительства явился со своим войском, составленным «из болгар и славян», к самым стенам византийской столицы. В результате этого военного выступления Тервеля Юстиниан был восстановлен на престоле, Тервель же всенародно получил от византийского императора царскую мантию, был провозглашен кесарем, получил дополнительный приренок византийской территории к своим владениям по ту сторону главного Балканского хребта, так называемую Среднегорскую область с плодороднейшими долинами по р. Тунже (Туловско поле) и притокам Марицы, известную впоследствии под именем Загорие, и с богатыми подарками вернулся в 706 г. в Болгарию. В официальных документах византийского правительства Тервель после этого стал именоваться титулом «канасивиги», т. е. «великий князь». Византийское правительство не могло, однако, мириться с создавшимся положением вещей и еще раз попыталось ликвидировать «варваров», но и на этот раз болгарам удалось нанести византийской армии со-

крушительный удар. В Византии наступили внутренние неурядицы, чем воспользовался Тервель, дважды в это время опустошивший византийские владения. Византийское правительство вынуждено было заключить с Тервелем в 716 г. новый, выгодный для Болгарии, договор, который оставался в силе в течение всего правления Льва III (717—741).

При ближайших преемниках Тервеля (Кормисош, Винех, Телец, Сабин, Умар, Телериг, Кардам), начиная с 735 г. и вплоть до вступления на болгарский престол Крума (802—815), Болгария становится жертвою сложных внутренних неурядиц, связанных с борьбою партий в среде боярства (боилы). Она переживает несколько династических переворотов, чем искусно пользуется византийское правительство, стараясь частью интригами в среде болгарского боярства, частью непрерывными военными мероприятиями, наконец — всемерным разжиганием национальной славяно-болгарской розни внутри княжества максимально ослабить его политическую и военную мощь. Все эти мероприятия должны были окончательно добить ненавистного соседа и захватчика Византийской территории, имеющего перед собою огромный резерв славянского населения на полуострове для дальнейшего расширения своих владений и укрепления своего политического влияния и своей силы, угрожавших самому существованию империи. В связи с этим стоит и «славянофильская» политика византийского правительства, выражавшаяся, в частности, в законодательной реформаторской деятельности императоров Исаврийской династии, в издании так называемой Эклоги и Земледельческого закона.

Закон этот заведомо был рассчитан на укрепление византийского влияния в среде славянского населения на полуострове в целях противодействия успехам славянской объединительной политики болгарского правительства. Однако все усилия раздираемой внутренними классовыми противоречиями, находившейся под угрозой на Востоке со стороны арабов и разлагавшейся теократической империи парализовать политические успехи Болгарии и остановить ее дальнейшее наступление на Византийскую территорию были тщетны. «Варварская» Болгария, во главе с такими выдающимися для своего времени государственными деятелями и полководцами-завоевателями, как Крум (802—815), Омортаг (815—831), Борис-Михаил (852—888) и Симеон (893—927), продолжала с каждым годом все больше и больше расширять свою территорию на полуострове за счет византийских владений и укреплять свою политическую и военную мощь.

Крум

(802—815)

Когда вождь франков Карл, прозванный Великим (768—814), объединив под своею властью все германские племена и создав, таким образом, обширное государство, ликвидировал на территории Паннонии последние остатки аварской державы, Крум, поддерживавший добрососедские отношения с аварами, занял принадлежавшие аварам юго-восточные районы Венгрии, а также область Банат, заселенные аварами и славянами. Таким образом, Болгария на реках Тиссе и Саве вступила в непосредственное соприкосновение с великой державой франков и значительно усилила свои военные ресурсы. С другой стороны, новые территориальные приобретения Болгарии

на северо-западе лишали Византию непосредственной сухопутной связи с Западом, т. е. наносили серьезный удар по ее экономическим интересам. Это, повидимому, и явилось главной причиной того, что византийское правительство нарушило свой мирный договор, заключенный императрицей Ириной с предшественником Крума Кардамом, а новый император, Никифор I (802—811), в 807 г. открыл военные действия против Крума. Начиная с этого времени болгарско-византийские отношения при Круме носят исключительно напряженный характер и протекают в обстановке жесточайших военных столкновений, ужасающего взаимоистребления массового мирного населения, кровавых погромов, грабежей, причем «культурные» византийцы в этом отношении ничем не уступают «варварам» Крума. В одном из бесконечных столкновений с византийской армией, которые не прекращались в течение всего правления Крума, — при этом большей частью не по инициативе последнего, — 26 июля 811 г. болгары нанесли византийцам уничтожающее поражение, какого до тех пор еще не знала история Византии. Командующий византийской армией император Никифор был убит в бою, все его военачальники уничтожены. Болгарам досталась огромная военная добыча.

По преданию, Крум насадил голову Никифора на копье, а затем приказал оковать его череп в серебро и в дни больших торжеств пил из этой чаши здравицу за своих славянских бояр, предлагая и им пить из нее же.

Однако Крум был не только варваром-завоевателем, жившим захватническими устремлениями, грабежом и насилиями, приносящими ему огромные доходы, — он был, вместе с тем, и хорошим организатором своего далеко еще внутренне не окрепшего и не благоустроенного государства. Он привлекал к себе на работу иностранных специалистов, вроде арабских военных инженеров и греческих финансистов и т. п. Ему предание приписывает и широкую законодательную деятельность, направленную к урегулированию внутренней политической и общественной жизни страны, о чем подробнее мы скажем ниже.

Омортаг

(815—831)

После смерти Крума и кратковременного правления его преемника Цоко, свергнутого с престола и убитого партией Крума, на престол был возведен сын Крума, знаменитый впоследствии «канас ивиги», как величают его надписи, Омортаг или Мартагон (815—831), еще более расширивший границы Болгарии за счет Византийской территории. Он основал в 821 г. новую столицу — Преслав и оставил после себя целую библиотеку надписей на камнях и колоннах. В них Омортаг говорит о своих успехах и достижениях. Заключив с Византией тридцатилетний мирный договор, Омортаг все свое внимание обратил на северо-запад и северо-восток своих владений. На северо-западе подвластные ему племена — тимочане, кучане и бодричи, которым угрожало наступление с севера франков (Людовик Благочестивый, 814—840), — стали добровольно переходить под власть франков; на северо-востоке, в Валахии и в Бессарабии, болгарские владения стали тревожить угры. Попытка Омортага договориться с Людовиком и уточнить государственные границы не увенчалась успехом: Людовик не ответил на предложение Омортага, и последнему пришлось разрешать этот вопрос военными средствами,

т. е. походом по р. Драве в свои северо-западные владения. В конце концов, Омортаг вынужден был отказаться от части своих владений на крайнем северо-западе, в Посавской Паннонии, удержав, однако, за собою города Сирмиум (теперь Срем) и Сингидунум, получивший с этого момента имя Белград. Эти районы оставались во владении Болгарии вплоть до 1018 г., когда так называемое Первое болгарское царство, сломленное Византией, прекратило свое существование и было превращено в византийское наместничество.

§ 2. БОРИС-МИХАИЛ

(852—888; ум. в 907)

С именем князя Бориса или Богориса связывается крупнейшее событие в истории болгарского народа, которое внесло существенные изменения и во внутреннюю жизнь болгарского общества и в международное положение Болгарии и заложило основы ее новой культурной жизни и новых политических отношений. Этим событием было принятие Борисом христианства по византийскому обряду.

Уже с первых веков нашей эры балканские славяне-язычники столкнулись на полуострове с христианством, которое стало распространяться здесь начиная со II в. В IV в. в г. Сердики (София) был созван духовный Собор (343 г.), что говорит об успехах, достигнутых к этому времени христианской пропагандой в этих районах Римской империи. В это же время (IV в.) христианская догма была объявлена господствующей религией в Византийской империи (Константин Великий, 285—337), ибо к этому времени фактически она была, очевидно, уже господствующей среди местного населения, в том числе, несомненно, и среди славянского населения на полуострове. Таким образом, в то время как высшие классы болгарского общества (Крум, Цоко, Омортаг) оставались язычниками и боролись с христианской пропагандой, видя в ней византийскую интригу, угрожающую существованию Болгарии, славянское ее население в значительной своей части формально уже было христианским, т. е. культурно, а стало быть и политически, было втянуто в сферу византийского влияния.

К IX в. Болгария уже представляла собою крупную политическую единицу, активно выступавшую на арене международных отношений. С нею ищет союза моравский князь Ростислав в своей борьбе с Людовиком Немецким; с нею же ищет союза и Людовик Немецкий, мечтавший о захвате Моравии. Последнему удается привлечь Бориса на свою сторону, но, чтобы еще теснее связать союзные узы, он в 862 и 863 гг. настаивает на принятии Борисом христианства. В ту эпоху вопрос о принятии христианства для правящих верхов Болгарии был по существу, прежде всего, вопросом политическим. Современное международное право великих держав нетерпимо относилось к политическим организациям, еще сохранявшим языческий культ: оно отказывало им в признании, отрицало легальность их существования, рассматривало их как налетчиков и узурпаторов. Для молодого, развивающегося и крепнущего политического организма, каким в то время была Болгария, такое положение в области международных отношений было невыносимо: оно мешало естественному развитию организма.

В то время как Людовик Немецкий через голову Ростислава моравского вступил в сношения с Борисом, имея в виду вовлечь его

в союз для нажима на Моравию, Ростислав моравский, с своей стороны, через голову болгар вступил в сношения с Византией, в результате чего в 863 г. византийским правительством была отправлена в Моравию специальная миссия с культурно-просветительными заданиями. Она возглавлялась известными солунскими братьями — Константином (Кириллом) и Мефодием, из которых первый был не только выдающимся ученым, но и одним из выдающихся византийских дипломатов. Таким образом, болгарский тыл оказался бы весьма не безопасным на тот случай, если бы Людовик вздумал осуществлять свое намерение захватить Моравию. Мало того, пока Людовик собирался прибратъ к рукам Моравию, Византия в 863 г. неожиданно предприняла наступление против Бориса, вынудив его просить мира, а в 865 г. Борис принял от Византии христианство, объявив его государственной религией: этого требовали и внешние и внутренние политические интересы болгарского князя.

Нельзя, однако, думать, чтобы «немецкая» партия в правящих болгарских кругах могла спокойно отнестись к своему поражению и победе своих противников — византийско-славянской партии. По всем вероятностям, она вела определенную интригу, требовала пересмотра дела, доказывала необходимость для Болгарии союза именно с Людовиком, а не с Византией, с которою у нее еще не все счета были сведены и на которую у болгар имелись свои виды.

Несомненно также и то, что эту оппозицию составляло старое болгарское боярство, потерпевшее, вместе с принятием христианства, поражение в борьбе и за свое политическое преобладание и за ограничение княжеского абсолютизма. В этой сложной политической обстановке Борис — в христианстве Михаил — по секрету от Византии, в 866 г. неожиданно обратился к римскому папе с просьбою изложить ему основы истинного христианского учения, разрешить вопрос о болгарском патриархате, дать руководство в гражданских делах и выслать ему духовных лиц, которые наставили бы его народ в истинах веры. С аналогичной просьбой он обратился одновременно и к Людовику Немецкому.

Рим, заинтересованный в том, чтобы захватить Балканский полуостров в сферу своего влияния, охотно пошел навстречу Борису. Однако, когда Борис потребовал конкретного разрешения интересовавших его вопросов, в частности — вопроса об организации церковного управления, Рим стал вести себя весьма уклончиво, не скрывая тенденции сосредоточить всю власть в своих руках. Тогда, в 870 г. Борис, воспользовавшись тем, что в Константинополе заседал церковный Собор, провел вопрос через этот Собор, который решил дело в пользу подчинения Болгарии в церковном отношении Византии. Немедленно после этого, невзирая на протест папских легатов, византийский патриарх Игнатий, по соглашению с Борисом, назначил для болгарской церкви особого архиепископа. Таким образом, болгарский князь Борис-Михаил получил, в конце концов, то, что отвечало его стремлениям к упрочению международного положения Болгарии как самостоятельного государства, к укреплению абсолютизма во внутреннем управлении и к установлению добрососедских отношений с Византией.

Принятие Болгарией в IX в. христианства от Византии определило собою дальнейшее направление и характер ее культурно-политического развития; как в организации внутреннего управления, так и во всем быту, в искусстве и в литературе господствующих классов правящая Болгария имела для себя высшим образцом и непрере-

каемым авторитетом Византию: ее организацию власти, быт ее двора, ее церковность, ее искусство и литературу. К этому образцу она тянулась, ему она подражала, его она воспроизводила в мелочах для того чтобы, сравнившись с ним, состязаться с ним же в борьбе за первенство власти.

С именем князя Бориса-Михаила в истории болгарской культуры, помимо принятия христианства, связываются еще два крупных события, имевших в свое время большое культурно-общественное значение.

Это, во-первых, прием к себе князем Борисом моравских учеников знаменитого в истории славянской книжности и просвещения моравского учителя Мефодия (Климент, Наум, Ангеларий и др.), которые после смерти своего учителя (885 г.) принуждены были бежать из Моравии от преследований его преемника Вихинга и, переправившись через Дунай, попали в пределы тогдашней Болгарии, в г. Белград, откуда наместником болгарского князя, или, по-болгарски, б о р и т и к а н о м, были направлены к Борису. Борис использовал этих образованных пионеров славянской грамоты и просвещения на родном языке в своих культурно-политических целях, назначив, между прочим, Климента, организатора, проповедника и писателя, на должность учителя в Кутмичевицу в Охридской области (Македония), где он и умер в 916 г. в сане епископа величского, оставив после себя целый ряд литературных трудов, имевших крупное культурно-историческое значение.

Во-вторых, при Борисе был введен в административно-судебную практику Болгарии византийский сборник законов, известный под именем «Номоканон» или «Кормчая книга», первый писанный свод законов, наставлений и правил церковного и светского характера, переведенный на славянский язык Мефодием, а также составлен знаменитый в истории славянского права судебник под названием — «Закон судный людем», о чем подробнее см. ниже.

При Борисе-Михаиле территория Болгарии расширилась еще больше сравнительно с территорией Болгарии при Омортаге. В нее входили теперь, между прочим, вся Македония, за исключением ее юго-западной части с г. Солунью, а также сербские области: Призрен, Ипек и Рашка.

В 888 г. Борис-Михаил отрекся от престола в пользу своего старшего сына Владимира и, по обычаю того времени, «удалился на покой» в монастырь. Когда же Владимир обнаружил намерение восстановить старое язычество, он его арестовал, ослепил и заключил в тюрьму, посадив вместо него на престол младшего своего сына Симеона, после чего вновь удалился в монастырь, где принял схиму и скончался 4 мая 907 г.

§ 3. СИМЕОН

(893—927)

Получив образование и воспитание при византийском дворе, Симеон своими глазами наблюдал и проникался «свычаями и обычаями» византийского абсолютизма, видел его пышный церемониал, его дворцовую роскошь и богатство, золото и пурпур, его искусство и науку, и по настроениям стал истым византийцем. Эта школа сослужила Симеону хорошую службу, когда он взошел на болгарский престол и повел непримиримую, агрессивную политику против своего же учителя — Византии.

Все устремления Симеона во внешней политике были направлены в основном к захвату Константинополя и византийского престола. Действуя как искусный полководец и тонкий дипломат, Симеон, с одной стороны, ведет непрерывные войны с Византией (894, 896, 904, 913, 920—924 гг.), значительно расширяет границы старой болгарской державы, доходившей теперь на юго-востоке почти до самых стен Константинополя (Визе, Люле-Бургас, Эски-баба, Родосто), на юге охватывавшей Димотику, Серес, Македонию и Албанию, на западе — побережье Адриатического моря и старо-сербскую область Рашку; объединяет под властью болгарской государственности целый ряд новых славянских племен и областей. С другой стороны, в своей агрессивной политике он впервые сталкивается со своим западным соседом — славянскими племенами сербов, сидевшими в области между реками Ибар и Лим, — и к IX в. уже образовавшими здесь первую независимую сербскую державу, которая хотя и входила в состав симеоновой Болгарии, но неохотно мирилась с этим положением вещей, стремясь свергнуть с себя болгарское великодержавное иго. Это сербам и удалось сделать в 924 г., когда они нанесли поражение болгарским войскам и отстояли свою независимость.

Занять византийский престол Симеону, однако, так и не удалось, но свои военные и политические успехи он завершил провозглашением себя в 925 г. «в а з и л е в с о м», т. е. «цесарем» или «царем и самодержцем всех болгар и ромеев», и стал официально титуловаться: «во Христа бога благоверный царь и самодержец всех болгар и греков». Этот титул, номинально приближавший положение болгарского князя к роли и положению византийского императора, интересен, в частности, в том отношении, что он показывает, что в начале X в. балканские славяне, с VII в. вошедшие в состав болгарской державы и представлявшие ее коренное массовое население, известные при первых болгарских князьях византийским историкам всегда под именем славян на ряду с другим, упоминаемым ими же этническим именем б о л г а р, очевидно, уже утратили свое старое племенное имя — с л а в я н е и получили имя своей политической организации, т. е. б о л г а р ы. Другими словами, болгарская государственность передала свое имя и своему не-болгарскому, славянскому населению, так что «болгарин» во время Аспаруха и его ближайших преемников (VII—VIII вв.) означал еще этнически б о л г а р и н а а с п а р у х о в о й д р у ж и н ы и его ближайших потомков; в конце же IX в. это имя уже означает этнического славянина Болгарского государства, которое к этому времени и по культуре и по языку было уже чисто славянским государством, без каких-либо остатков болгарского элемента.

Что касается внутренней политики князя и царя Симеона, то она органически вытекала из его основного стремления к захвату Византии, диктовавшемуся политическими и хозяйственными интересами господствующих классов болгарского общества. Для того чтобы подготовить в международном масштабе признание захвата византийского престола, «варвар» должен был озаботиться тем, чтобы и в культурном отношении быть равным Византии, так же как своею территорией и своими политическими успехами. Византия в то время была центром науки, искусства, литературы, и Симеон, получивший хорошее литературное образование при византийском дворе, создает у себя при болгарском дворе славянский литературный центр, сам занимается литературой, по выражению византийского патриарха

Николая, «ежедневно напоая свою душу живоносною водою учения и любознательно перечитывая книги древних»; переводит избранные сочинения византийских (греческих) авторов на славянский язык, вроде, например, Иоанна Златоуста («Златоструй», «Симеонов сборник») и создает из Болгарии своего рода колыбель славянской образованности и литературы.

Кроме того, некоторыми учеными (Зигель, Флоринский) инициативе Симеона приписывается составление названного выше сборника законов, известного под именем «Закон судный людем», хотя болгарский ученый проф. С. С. Бобчев склонен отнести составление его скорее к предыдущей эпохе, к эпохе царя Бориса.

Верный византийским традициям своего родителя и сам убежденный «византиец», Симеон завершил укрепление абсолютизма, лишив феодальных жупанов права наследования в своих областях и введя взамен наследственного права назначение верховною властью на должности жупанов доверенных лиц, вследствие чего полунезависимые феоды превратились в провинции, во главе управления которых стояли местные органы центральной власти. Таким образом, в начале X в. Болгария по своему государственному устройству и социально-политическому строю, а равно и по культуре господствующих классов представляла собою точное воспроизведение Византии с ее абсолютизмом, с господством светского и духовного чиновничества и знати, с закабаленным, угнетаемым и разоренным непрерывными войнами массовым населением.

По мере того как крепла мощь господствующих классов и официальная Болгария превращалась в маленькую Византию с большими претензиями занять место разлагавшейся и умиравшей большой Византии, все сильнее и сильнее росла и углублялась пропасть между высшими правящими классами и народом, между официальными государственностью и церковностью, с одной стороны, и народом — с другой.

Это непримиримое противоречие послужило основой, на которой развилось и вспыхнуло в болгарском народе при ближайшем преемнике Симеона Петре огромное оппозиционное социально-политическое движение, известное под именем богомилства.

§ 4. БОЛГАРИЯ ПОСЛЕ СИМЕОНА И ПАДЕНИЕ ПЕРВОГО БОЛГАРСКОГО ЦАРСТВА

Блестящие успехи Симеона в области внешней политики, блеск его двора и накопленные богатства духовной и светской правящей знати, купленные дорогою ценою крови и разорения народа, не обеспечивали устойчивости и прочности болгарской державы, и со смертью царя Симеона начинаются быстрый ее упадок и разложение.

Преемником Симеона на болгарском престоле явился второй его сын, кроткий, богобоязненный и миролюбивый Петр (927—969). Старший, Михаил, по неизвестным причинам был отстранен от престола и пострижен в монахи. Ввиду молодости Петра Симеон приставил к нему в качестве советника и руководителя его дядю Георгия Сурсовула. Эти два последние обстоятельства, повидимому, послужили причиною развития в правящих болгарских кругах внутренних трений и борьбы за власть. Эти трения начались с момента заключения Георгием Сурсовулом мира с Византией (927 г.) на очень выгодных для Болгарии условиях. Болгария была признана в границах, оставленных ей Симеоном; за болгарским

князем официально был признан титул царя; за болгарскою церковью — полная независимость и собственный патриарх; да кроме всего этого, Византия обязалась платить Болгарии ежегодную дань. Мир был скреплен заключением родственного союза между византийским и болгарским дворами женитьбою царя Петра на внучке императора — Марии.

Однако заключение этого мира, повидимому, не отвечало ни интересам, ни настроению сильной придворной военной партии Болгарии и поддерживавшего ее феодального боярства, а разоренные города и закрепощенное в большинстве своем за светскими и духовными земельными вотчинниками крестьянство не могло быть для правительства Петра какою-либо опорой в его борьбе с притязаниями феодалов.

Напротив, разоряемое постоянными войнами и эксплуатируемое агентами светской и церковной власти, массовое городское и сельское население или спасалось бегством из Болгарии в Византию и Сербию, или уходило в леса и горы, или же переходило в ряды антиправительственной оппозиции.

Поэтому правление Петра отмечено несколькими боярскими восстаниями, в одном из которых фигурировал отстраненный от престола Михаил (в Струмицкой области, в 930 г.), а в другом — младший сын Симеона Иван (подготовка заговора против Петра в 928 г.). Эти восстания обыкновенно жестоко подавлялись, но одно из подобных же восстаний, именно — восстание македонского феодала Николы окончилось удачею: из западных областей Болгарского царства он образовал независимое государство, стал во главе его, а Петру оставил восточную часть Болгарии. Таким образом, в 963 г. Симеонова Болгария распалась на два самостоятельных царства: Восточное и Западное.

Вместе с вступлением на византийский престол воинственного Никифора Фоки (963—969) положение Восточно-болгарского царства, теснимого к тому же с севера мадьярами, становилось критическим. Решив покончить с униженным положением болгарского данника и восстановить свои былые экономические выгоды, связанные с обладанием торговыми путями на полуострове, находившимися в руках болгар, Никифор Фока в 968 г. не только отказался платить болгарам дань, но и с позором выгнал из Константинополя болгарских послов, явившихся за данью. Такая неожиданная и резкая перемена византийской политики по отношению к Болгарии объяснялась крупными военными и политическими успехами Никифора Фоки на Востоке в борьбе с арабами.

Наметив план действий против болгар, Никифор Фока, при содействии специального эмиссара, херсонесца Калокира, поднял против болгар киевского князя Святослава. Вести борьбу с Святославом выпало на долю уже преемнику Петра, его сыну Борису II (969—972).

В конце весны или в начале лета 968 г. Святослав Игоревич во главе 60-тысячной армии спустился в лодках вниз по Днепру и двинулся по Черному морю в устье Дуная. Болгария была застигнута врасплох, выставленная ею против Святослава 30-тысячная армия была разбита русским князем и заперлась в Доростоле (болг. Дръстър, древнеримск. *Durostrum*, теперь Силистра).

Согласно показаниям нашей летописи под 6475 (968) г. Святослав, в связи с поражением болгар, «взя город 80 по Дунаеви, и седе княжа ту, Переяславци, емля дань на Грьцех». Центром своих бол-

гарских владений Святослав сделал город Преславец, т. е. Малый Преслав, расположенный на правом болгарском берегу Дуная против болотистого озера Балта, между нынешними городами Черна-вода и Хърсов (Гирсово). Это был очень важный торговый пункт, лежавший в самом узком месте между Дунаем и Черным морем. По объяснению проф. Златарского, летописное выражение «город 80 по Дунаеви» следует понимать не в прямом смысле слова, как 80 городов, расположенных вдоль побережья Дуная, но как 80 городов придунайской области или в области Дуная, т. е. в северо-восточной Болгарии. Таким образом, в первый свой поход на Болгарию Святослав, по объяснению проф. Златарского, завоевал нынешнюю Добруджу и часть Делиормана.

Чтобы спастись от непрошеного гостя, болгарское правительство вступило в переговоры с Византией, одновременно предложив печенегам напасть на Русь и тем самым заставить русских с их князем очистить Болгарию. Печенеги на это согласились и осадили Киев. Это заставило Святослава поспешить в Киев, но значительную часть своей армии он оставил в Болгарии.

Ликвидировав в Киеве угрожавшую ему со стороны печенегов опасность, в следующем же 969 г. Святослав вновь направился в свою болгарскую область. «Не любо ми есть в Киеве быти, — говорил Святослав своей больной старушке матери, Ольге, — хочу жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середя земли моей, яко ту вся блага сходятся: от грек злато, паволоки, вина и оwoщеве различные, из Чех же, из Угръ сребро и комоши, из Руси же скоро и воск, мед и челядь».

Во вторую болгарскую экспедицию 969 г. Святослав продвинулся из своего Переяславца уже далее на юг, занял самую столицу Болгарского царства — Великий Преслав, где захватил в плен болгарского царя Бориса II со всем его семейством и братом Романом. Перевалив затем через Балканский хребет, он взял Пловдив (Филиппополь), и через Адрианополь проник на Византийскую территорию вплоть до нынешнего Люле-Бургаса (Аркадиополь). Встревоженная наступлением Святослава, угрожавшего уже теперь самой столице империи, Константинополю, Византия, в лице преемника Никифора Фоки, Иоанна Цимисхия (с 969 г.), принуждена была принять меры против своего же вчерашнего союзника и нанесла Святославу ряд жестоких поражений. Заключив в 972 г. мир с Византией, Святослав покинул Болгарию и направился в Киев, но по дороге, у днепровских порогов был убит из засады печенегами.

Открыв военные действия против Святослава, Цимисхий уверил болгар, что единственное его намерение — спасти Болгарию и восстановить ее поправленные права. Закончив, однако, борьбу со Святославом, Иоанн Цимисхий объявил Болгарию присоединенной к империи, уничтожил болгарский патриархат, подчинив Болгарию в церковном отношении византийскому патриарху, оставил всюду свои гарнизоны и увел с собою в Константинополь болгарского царя Бориса с семьей и братом Романом. В Константинополе Борис принужден был всенародно снять с себя знаки царского достоинства и стать в ряды византийских сановников в звании магистра империи.

Вместе с этим актом Восточно-болгарское царство прекратило свое независимое существование (972), но Западно-болгарское царство со столицей сначала в Софии, а затем в Водене, куда был перенесен и патриарший престол, продолжало сохранять свою политическую независимость под управлением сыновей феодала боярина

Николы — Давида, Моисея, Аарона и Самуила. Воспользовавшись вспыхнувшим в восточной Болгарии восстанием против Византии, они объединили всех болгар в борьбе против византийского ига. Младший из них, Самуил, который после смерти других братьев и бежавшего к нему из византийского плена сына Петра, Романа, в 980—1014 гг. был фактически всеболгарским царем, имея своею базой Западное болгарское царство. Своими военными предприятиями он наводил ужас на Византию, но спасти Болгарию ему все же не удалось. Византийский император Василий II, прозванный болгаробойцей (976—1025), стал систематически наносить Болгарии удар за ударом и отбирать у нее одну за другою ее области, пока, наконец, в 1014 г. в сражении при горах Беласицы болгары не были разбиты наголову.

По свидетельству византийского историка, Василий ослепил 14 тысяч пленных болгар, оставив на каждые 100 душ по одному с одним глазом, который должен был быть поводырем остальных. Когда об этом жестоком поступке Василия донесли царю Самуилу, которому бегством удалось спастись от пленения, у него, говорят, произошел удар, и он умер.

После смерти Самуила Болгария еще несколько лет отчаянно боролась с греками за свою независимость. В 1018 г. Византии удалось сломить последние остатки болгарского сопротивления, и вся Болгария, Восточная и Западная, подпала под греческое иго, была обращена в византийское наместничество с греческими чиновниками и духовенством и обложена материальными повинностями.

Глава II

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ, НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО И ТОРГОВЛЯ БОЛГАРИИ ВРЕМЕНИ ПЕРВОГО БОЛГАРСКОГО ЦАРСТВА¹

§ 1. ТЕРРИТОРИЯ

Болгария при Симеоне территориально представляла собой огромное государство, в границы которого входили: на севере — Задунайская область в составе нынешней восточной Венгрии, Семиградья и Валахии до р. Тиссы на западе, Мармароша на севере, и вся область на восток от рек Днестра и Южного Буга; на юге — значительная часть Фракии, приморские области Македонии, за исключением Солуны и его района, северная Фессалия; на западе — почти все побережье Албании до р. Бояна, за исключением г. Драча (Диррахиум, Эпидамнос, Дураццо), сербские земли вплоть до р. Дрины по ее течению с юга до впадения в р. Саву.

В древности Болгария была известна обыкновенно под именем «земля българска», «страна българска», «българе». Впервые имя «Болгария» в форме «Булгария» выступает в переводных источниках с византийского (греческого) языка, где она известна под именем Βουλγαρία; в арабских источниках она называется «Борджания». В болгарских памятниках она называется «въ блъгарѣх», т. е. страна, населенная болгарами. Кроме того, за пределами Болгарии она была известна под названиями: Загория, Загоре, Загора. Первоначально это была древняя Болгария в границах между Дунаем — на севере, и главным Балканским хребтом — на юге, Черным морем — на востоке и р. Тимоком — на западе. Со времени царя Симеона, впервые присвоившего себе царский титул, в болгарских юридических документах (хрисовулах) Болгария называется «болгарское царство» (българско царство); в некоторых хрисовулах она именуется «держжава» (дръжава).

В начале своей государственности Болгария в территориально-административном отношении делилась на жупы, области (волости), села, воеводства, которые назывались или по племенному имени населения, или по местности. Термины воеводство и воевода, как назывался правитель жупы, перешли впоследствии

¹ С. С. Бобчев. Държавно-обществен и юридически строй на царь-Симеоновата България. Сб. «България 1000 години 927—1927», София, 1930, стр. 61—90.

в официальный язык турецко-болгарской административной практики в форме *во й в о д а л ъ к* и *во й в о д а*. Под византийским влиянием, наряду с терминами *жу па*, *об ла сть*, *зе мя* (земля), *во е во д ст во*, у болгар появился греческий термин *хо ра*; он встречается во всех болгарских хрисовулах и сохранился в болгарском народном языке до настоящего дня в значении «народ».

§ 2. НАСЕЛЕНИЕ, ЕГО ЭТНИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ

Как мы уже знаем из предыдущего изложения, основным массовым населением Болгарии с самого начала ее существования как государства (VII в.), были с л а в я н е. Кроме славян, на территории Болгарии с древнейших времен жили уцелевшие в своей самобытности остатки романизованных фракийцев, так называемые *вла х и*. Позже, вместе с включением в Болгарское государство западных районов полуострова, в состав его населения вошли *ал ба н ц ы*, называвшие сами себя *ш ки п е та ра ми* и известные у балканских славян под именем *ар ба на си*, у греков — *ар ва ни ты*, откуда впоследствии получил свое начало и турецкий термин для названия этого народа *ар на у ты*.

Кроме названных народов, в старых доболгарских городах на Черноморском побережье, отошедших со времени Аспаруха и позже к Болгарии, жили греки. О болгарском элементе в составе населения Болгарии даже для аспарухова времени, независимо от его этнической принадлежности, говорить почти не приходится; он был слишком незначителен и составлял, в лучшем случае, некоторую часть аспаруховой чиновной аристократии и дворянства, и с расширением территории Болгарского государства за счет включения в его состав обширных районов на юге и на западе, населенных славянами, уже при ближайших преемниках Аспаруха бесследно исчез в славянской массе основного населения страны.

В социальном отношении население Болгарии времени Первого болгарского царства представляло собою три основные группы: 1) бояре и высшее духовенство, составлявшие командную привилегированную верхушку болгарского феодального общества; 2) горожане, торговцы, среднее и низшее духовенство и крестьяне, составлявшие вместе группу так называемых «свободных» людей; 3) *па ри ки* (крестьяне), *от ро ки* и ремесленники (*тех н и та ри*, *ма й ст о ри* и пр.), сидевшие на землях феодалов и монастырей и составлявшие экономически зависимое население страны.

Болгарское боярство представляло собою экономически мощную земледельческую феодальную знать, сложившуюся как путем грабежа земельной собственности, так и путем княжеских пожалований земельными участками за военные и гражданские заслуги. Это были общиннородовые и племенные старейшины, князья, *жу па ны*, *вельможи* и отличившиеся в военное время *вое во ды*.

В состав болгарского боярства входили: великие и малые, внутренние и внешние бояре. Великими боярами были те, которые входили в состав Боярского совета при князе, наминавшего собою Боярскую думу русских князей (С. С. Бобчев). У византийских авторов X—XI вв. этот совет называется «Болгарский (скифский) совет» или «Совет Симеона». В более поздних источниках он называется греческим термином *синклит*, т. е. *сенат*. В состав Боярского совета входило 12 великих бояр. Великие бояре занимали крупнейшие государственные должности. Не вхо-

дившие в состав «Боярского совета» бояре назывались **м а л ы м и** боярами и занимали более скромные должности.

Внутренние бояре — это были бояре, происходившие от родов, близких к роду князя Аспаруха и его преемников. Как и великие бояре, они обыкновенно занимали крупные государственные должности, предоставлявшиеся им верховным князем. Что касается **внешних** бояр, то, предположительно, так назывались полунезависимые феодалы-вотчинники, жившие вне столицы, вдали от двора, занимавшие крупные административные должности в областях и пользовавшиеся известными автономными правами. В хрисовулах болгарских царей они называются «владельцы господствующи по царству ми» в отличие от внутренних бояр, именуемых «владельцы царства ми». В византийских источниках болгарские внешние бояре называются термином «комиты». Они располагали собственной военной силой, которую содержали на свои средства. В случае военной надобности внешние бояре обязаны были выставлять в армию верховного князя вспомогательные отряды, вооруженные и снабженные всем необходимым для войны снаряжением. Обыкновенно они и предводительствовали этими отрядами.

Высшие бояре были свободны от несения каких бы то ни было государственных и общинных повинностей. Они входили в состав Боярского совета, принимали руководящее участие в народных и церковных соборах, занимали высшие военные и административные должности при царе; в областном управлении они пользовались наследственным правом и представляли собою полунезависимых царских вассалов; они же были судьями; владели на правах неприкосновенности наследственной земельной собственностью — **б а щ и н а и**, кроме того, пользовались землями, дарованными им верховною властью за военные и гражданские заслуги во временное пользование — **п р о н и и**. Единственной государственной повинностью этой группы болгарских феодалов было содержание за свои средства военного отряда. Феодал обязан был в случае войны выставить отряд и сам предводительствовать им или же поручать предводительство своему заместителю.

Высшее духовенство занимало в болгарском обществе такое же положение, как и высшее боярство. В состав высшего духовенства входили: патриарх (архиепископ), митрополиты, епископы и игумены монастырей. Они принимали участие в народных соборах; в торжественных случаях представители высшего духовенства занимали на скамьях ближайšie к царю места по обе его стороны; великие и малые бояре занимали места после духовенства.

Ко времени преемника Симеона, царя Петра, духовенство в Болгарии количественно выросло до огромных размеров. Одних епископских кафедр, подчиненных болгарскому патриарху, насчитывалось в это время не менее сорока; каждая область имела своего епископа, причем епископ в своей епархии был облечен большею политической властью, чем правитель области, независимо от его сана. Политическому положению в стране высшего духовенства, составлявшего наиболее приближенный к князю элемент, соответствовало и его экономическое положение. Население не только оплачивало службы (требы) епископа, но и было обложено в пользу епископа целым рядом даней, оброков и повинностей. Каждый епископ имел в своем непосредственном распоряжении по несколько десятков клириков, т. е. церковно-монастырских крепостных крестьян и по несколько десятков зависимых от него крестьян (париков). Вся епи-

скопская челядь содержалась за счет местного населения. Высшему духовенству принадлежало право суда по всем делам не только над всем подчиненным ему церковным клиром области, но также и над всеми мирянами по духовным делам. Штрафы и судебные сборы по этим делам поступали в доход епископа.

Церкви и монастыри в Болгарии, особенно монастыри, владели огромными состояниями; в их неотчуждаемую собственность, которою они, как юридические лица, распоряжались по своему усмотрению, входили обширные земельные угодья, села, пастбища, рыбная ловля, леса и пр., закрепленные за ними царскими хрисовулами. Кроме того, монастыри были освобождены от взноса каких-либо даней и налогов государству и обладали правом суда над монастырскою братией и другим монастырским населением.

Основную массу населения Болгарии составляли «с в о б о д н ы е люди»: горожане, торговцы, среднее и низшее духовенство, крестьяне. Горожане, население городов, занимались в основном торговлей и ремеслами, частично также земледелием и скотоводством. Торговля в Болгарии с ранних времен получила широкое развитие. Болгарские князья и цари всячески поддерживали торговые связи с соседями, и в специальных пунктах политических и торговых договоров с Византией всегда оговаривали наиболее благоприятствуемые интересы своих торговцев (Тервель), а в случае нарушения этих пунктов или какого-либо мероприятия, неблагоприятного для интересов болгарских купцов, принимали меры военного воздействия на нарушителя, как это имело место, например, при Симеоне в 894—895 гг., о чем подробнее мы скажем несколько ниже.

Болгарское крестьянство, сидевшее на свободных землях, т. е. на землях, не входивших в состав землевладения светского или духовного феодала, полученного в порядке княжеского дарения, составляло свободное население страны, известное в византийских источниках под именем э п и г и, греч. *ἑπίχοι*. Этот слой болгарского крестьянства был свободен от каких-либо личных или имущественных обязательств по отношению к государству. Обязательства эти не всегда были, однако, легки, и нередко экономическое положение свободного болгарского крестьянства, перегруженного государственными податями и повинностями, было не более благополучным, чем положение зависимого, крепостного крестьянства. В таких случаях свободный болгарский крестьянин вынужденно переходил на землю феодала и тем самым из свободного крестьянина превращался в крепостного.

Группу зависимого в экономическом отношении населения Болгарии составляли: парики, отроки и ремесленники, сидевшие на землях феодальных, боярских, монастырских и церковных владений.

П а р и к и, греч. *παρίχοι*, лат. *coloni*, составляли группу наиболее экономически зависимого крепостного крестьянства. Парик был правоспособен, т. е. пользовался всеми политическими и гражданскими правами, и хотя он и сидел на земле феодала, тем не менее не мог быть отчуждаем отдельно от земли, на которой сидел, равно как и не мог самовольно уйти с нее. Таким образом, болгарский парик представлял собою крестьянина, прикрепленного к земле феодала. В основе трудовой повинности парика по отношению к феодалу лежала отработочная система. Близкую к парикам группу крепостного крестьянства составляли отроки, отличавшиеся от париков меньшей степенью экономической зависимости от феодала.

Рабство, как социальный институт, в смысле римского *servitium*, никогда не было известно ни в Болгарии, ни у южных славян вообще. Источники не дают никаких положительных в этом смысле указаний, несмотря на то, что в них и встречаются термины *роб*, *раб*, *работник*, и торговля рабами практиковалась и в Болгарии. По действовавшим у южных славян законам всякий купленный раб имел право откупиться, если он располагал средствами; если же он был беден, то, отработав у своего владельца определенное число лет, становился свободным.

«Закон судный людем» предоставлял рабу право быть свидетелем на суде, а также быть и судимым. Раб в Болгарии мог иметь собственность и располагать ею по своему усмотрению. Термины *продажа*, *продати* в древнерусском языке, по толкованию академика И. И. Срезневского, значат, прежде всего, «пеня за преступление», «наложить пеню за преступление». То же значение они имели и в древнеболгарском праве.

Поэтому, если в болгарских источниках по отношению к отдельным субъектам употребляются термины «продажа», «да продается», то это имеет значение не продажи в рабство, а наложения денежного взыскания, пени, штрафа. В таком именно смысле эти термины употребляются и в отдельных постановлениях «Закона судного людем». В болгарском народном языке слово *роб* означает «пленник», «военнопленный», но не «раб» в значении римского *servus*. По свидетельству же Маврикия, своих пленных южные славяне отпускали на волю.

§ 3. ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ

По форме правления Болгария со времени Аспаруха представляла собою своего рода абсолютную монархию, в которой, однако, по традиции еще продолжали пережиточно действовать некоторые нормы старого славянского общинно-родового строя, что и дало основание болгарскому правоведу, проф. С. С. Бобчеву, утверждать, что как ханская власть в самый начальный период болгарской государственности, так и царская власть, установленная в Болгарии со времени Симеона, была не абсолютной, но более или менее ограниченной властью. Действительно, замечает проф. С. С. Бобчев, и болгарский князь (хан) и позже болгарский царь были представителями верховной власти во всей ее полноте. Однако ни военный характер княжеской (ханской) власти, ни позже, после крещения Преславского двора, византийское и вообще теологическое учение о божественном происхождении власти, в том смысле, что вазилевс есть абсолютный самодержец, — эти положения несколько не изменили существа власти болгарского государственного владетеля. Эта власть, по Бобчеву, черпала свой прототип в обычно-правовом славянском понимании верховной власти, т. е. рассматривалась как ведущая свое начало от института старейшины задруги, развившегося постепенно в институт сельского, жупного и племенного старейшины или князя, господаря (суверена). Факторы, ограничивавшие монархизм болгарской верховной власти, вытекали, по Бобчеву, из общей тенденции славянского демократизма, выражавшейся на практике в советах при князе; в раннее время это были военные советы, впоследствии боярские советы и народные соборы, как всенародные и позже народно-церковные, так и малые соборы — сельские и жупные, игравшие известную роль в местном самоуправлении. Не сле-

дует, однако, забывать, что и боярские советы и народные соборы в феодальной Болгарии имели право только совещательного голоса и не меняли, таким образом, существа дела: верховная власть могла выслушать советчиков, но поступить так, как считала нужным. С другой стороны, процесс развития феодальных отношений шел неизбежно путем именно отмирания и ликвидации институтов старого общинно-родового строя, а если и в эпоху феодальных отношений и феодального строя эти институты продолжали еще кое-где сохранять свое существование, то это было только номинальное существование, лишенное своего подлинного внутреннего содержания эпохи общинно-родового строя.

Таким образом, Аспарухова Болгария, или так называемое Первое болгарское царство, по форме правления представляла собою абсолютную монархию. При Симеоне, в начале X в., она выросла, по образцу Византии, в абсолютную бюрократическую монархию, которая всею своею тяжестью легла на трудовые массы болгарского народа.

До Симеона болгарские владетели назывались или князь, как в «Именнике» болгарских князей древнейшего времени, открытом в 1866 г. А. Н. Поповым, названы Безмер, Аспарух (Исперих) и Кормисош, или кан, как в известной Чаталарской надписи, открытой у станции Крумово, неподалеку от аспаруховой столицы, г. Преслава, назван Омортаг (818—831): «*κάναρ ὕβρις*», т. е. «великий хан». Термин «кан» представляет собою, повидимому, стяженную форму популярного на Востоке титула владетелей — *каган* или *хакан*. Отец Симеона Борис-Михаил и сам Симеон в начальные годы правления именовались титулом князь.

На официальном языке византийских дипломатических документов болгарские князья именуется титулом *ἐκ θεοῦ ἄρχων*, т. е. «от бога князь». Так, между прочим, назван Омортаг в Чаталарской надписи.¹ Этим же титулом «*ἐκ θεοῦ ἄρχων*» назван и Симеон в одной надписи на каменном пограничном столбе от 904 г., найденном в Солунском районе.² Вскоре, однако, титул «князь», хотя бы и в византийской формулировке «*ἐκ θεοῦ ἄρχων*» перестает удовлетворять Симеона, и он начинает настойчиво, путем вооруженного нажима, добиваться от Византии признания за болгарским князем царского достоинства и за болгарскою церковью автокефальности с патриархом во главе. Византийское правительство не менее упорно отказывает Симеону в его домогательствах. Оно стоит на той точке зрения, что власть византийского императора, василевса, или царя, «стоит выше всякой земной власти и при этом — единственная, которую установил на земле царь вселенной», а поэтому никто иной не может обладать ею или даже быть равным с «божественным василевсом», т. е. с византийским императором (царем), ибо последний является единственным представителем этой власти на земле. Уступая, однако, силе Симеона, который в 913 г. подошел к самым стенам Византии и угрожал ей разгромом, византийское правительство согласилось на мир с Симеоном, но только частично, и удовле-

¹ См. Известия Русского археологического института в Константинополе, т. X, 1905, альбом, табл. CXVIII; исследованию надписи посвящена статья Ф. Ив. Успенского и К. В. Шкорпила (там же, гл. XXI, стр. 544—554); Г. Балаечев. Старо-българските каменни надписи от времето на великия кан Омъртаг. Минало, год I, кн. 4, стр. 330—340; С. С. Бобчев. История на старо-българското право. София, 1910, стр. 318—321.

² Г. Балаечев, назв. статья, стр. 82.

творило при этом его домогательства, утвердив за ним титул византийского кесаря (*καῖσαρ*), а не вазилевса, со всеми деталями этого титула византийского автократора. Таким образом, в 913 г. Симеон возвратился в свою столицу с титулом «цесарь болгаром» (цѣсарь Българомъ). Однако этот титул мало удовлетворял Симеона: он ставил его рангом ниже византийского императора, а это не отвечало ни личным интересам Симеона, ни международным интересам его державы. В 915 г. Симеон самовольно объявил себя «цесарем и самодержцем всех болгар» — «цѣсарь и самодръжьць Вьсьмь Българжмь», а 20 августа 917 г. нанес катастрофическое поражение наступавшим на Болгарию византийским войскам при р. Ахелой на Анхиальском поле. Византийская армия была уничтожена болгарами, и тогда Симеон заявил свои притязания уже не на царское достоинство, а на византийский престол, т. е. на признание его со стороны византийского правительства и народа автократором, или вазилевсом ромеев. Одновременно с этим Симеон принимает решение самочинно, без санкции Византии, организовать у себя независимую от Византии церковную иерархию во главе с патриархом, который должен был совершить и формальный обряд венчания его на царство, т. е. короновать его «царем и самодержцем болгар», что уравнивало бы его по сану с византийским βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ. В 918 г. Симеон созвал собор болгарских епископов, который провозгласил автокефальность болгарской церкви и избрал из своей среды патриарха. В том же 918 г. болгарский патриарх торжественно короновал Симеона на царство с титулом «цесарь и самодержец всем болгаром», а спустя несколько лет после этого, в 925 г., — тотчас же после смерти византийского патриарха Николая, игравшего в Византии роль государственного канцлера и руководителя ее внешней болгарской политикой, представлявшей собою в то время самый сложный участок ее международных отношений, — Симеон самочинно провозгласил себя «цесарем и самодержцем всех болгар и ромеев». Это вызвало решительный протест византийского правительства, заявленный Симеону в форме личной переписки византийского императора Романа Лакапина с Симеоном.¹

Судя по второму из трех дошедших до нас писем Романа Лакапина от 925 г., можно полагать, что византийское правительство в то время уже не возражало против усвоенного Симеоном титула «царь болгар», но решительно возражало против самочинного присвоения им титула «царь ромеев» и доказывало Симеону политическую необоснованность его притязания на этот последний.

27 мая 927 г. Симеон умер от удара, и болгарский престол перешел к старшему из его сыновей Петру (927—969). В конце 927 г. между Византией и Болгарией, как мы уже знаем, был заключен мир, скрепленный женитьбой Петра на Марии, дочери третьего византийского императора, сына Романа Лакапина, Христофора. Одновременно за болгарским владетелем византийским правительством было официально признано царское достоинство «βασιλεὺς» — «царь». Однако и на этот раз византийское правительство оставалось верным своей старой традиции, именуя византийских императоров, Константина и Романа, титулом «ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ εὐσεβεῖς αὐτοκράτορες βασιλεῖς Ῥωμαίων», т. е. «во Христа бога благочестивые само-

¹ Подробнее вопрос о борьбе Симеона за византийское наследство рассматривается нами в специальном исследовании «Euchologium Sinaiticum», напечатанном в нашем «Сборнике статей и исследований в области славянской филологии» (изд. АН СССР, Ленинград, 1941); здесь же указана и литература предмета.

держцы, цари ромеев», болгарского владетеля оно именовало титулом «βασιλεύς Βουλγαρίας», т. е. «царь Болгарии». По существу это было царское достоинство второго, так сказать, ранга: византийский император был «ἐν θεῷ βασιλεύς Ῥωμαίων», болгарский же царь — только «βασιλεύς Βουλγαρίας». Эту формулу боярская партия Симеона считала унижительной для достоинства болгарского правителя: она утверждала за болгарским царем власть не волею бога, а волеизъявлением византийского императора, и притом в отношении последнего к болгарскому государю, как отца к сыну, т. е. более старшего к младшему, подчиняющего к подчиненному.

Так же неудовлетворительно, с точки зрения агрессивно настроенных по отношению к Византии боярских кругов симеоновской ориентации, был разрешен при Петре и вопрос об автокефальности болгарской церкви во главе с собственным патриархом. И в этом вопросе Болгария не получила равноправия с Византией: болгарская патриархия была санкционирована Византией с ограничительными оговорками, ставившими главу болгарской церкви в зависимость от волеизъявления доброго согласия византийского императора и константинопольского патриарха.¹

После предательского захвата Иоанном Цимисхием (969—976) в 972 г. при Борисе II Восточно-болгарского царства и подчинения его Византии упорную борьбу с Византией за политическое и церковное равноправие и независимость Болгарии продолжало под руководством Самуила Западно-болгарское царство, имевшее своим политическим и культурным центром г. Воден в Македонии. Формально возглавлял это царство внук Симеона Роман, фактическими же правителями ее с 977 г. были двое братьев — Самуил и Аарон. Судя по одной записи в глаголическом «Синайском евхологии», специальное исследование которой привело нас к убеждению, что названный памятник был написан в Македонии между 980 и 987 гг., верховный правитель Западно-болгарского царства Роман именовался «христолюбивым от бога цесарем (царем)», а соправители его, Симеон и Аарон, именовались просто «цесарями». После смерти в 997 г. в константинопольской тюрьме плененного византийцами в 991 г. царя Романа во главе Западно-болгарского царства стал, как мы уже знаем, Самуил.

Что касается самого термина «цѣсарь», то он характерен для болгарского языка только определенного времени, а именно — для X и начала XI в., т. е. для времени болгарских царей, начиная от Симеона и кончая Самуилом. Титулы болгарских царей эпохи «Второго болгарского царства», т. е. начиная с конца XII в., уже не знают этого слова и вместо него употребляют слово «царь», представляющее собою более позднюю стяженную форму слова «цесарь». Полный титул болгарских владетелей в эпоху Второго болгарского царства был следующий: «Въ Христа бога вѣрный царь и самодръжець всѣм блъгаромъ», с прибавлением иногда — «и гръкомъ». Так именовал себя, например, Иван Асень (1218—1241): «Аз, Иоан Асѣнь, въ Христа бога вѣрный царь и самодръжець блъгаромъ и гръком, синъ стараго Асѣнъ царѣ». ²

¹ В. Н. Златарски. История на българската държава, т. I, ч. 2. София, 1927, стр. 516—531.

² Г. А. Ильинский. Грамоты болгарских царей. М., 1911; С. С. Бобчев. История на старобългарското право. София, 1910, стр. 326 и сл.; его же. Държавно-обществен и юридически строй...; Ст. Романски. Симеонова-та титла цѣсарь. Български Преглед, год I, София, кн. I, стр. 125 и сл.; Балачев.

§ 4. ФУНКЦИИ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА

В рассматриваемую нами эпоху Первого болгарского царства, начиная со времени Аспаруха и до захвата Болгарии Византией, глава государства рассматривался, прежде всего, как военный вождь, на обязанности которого лежало предводительство вооруженными силами государства для защиты его интересов и границ от внешнего врага. Одновременно с этим он был и законодателем, и правителем государства, и верховным судьей, и представителем государства во внешних сношениях, объединяя, таким образом, в своем лице законодательную, исполнительную и судебную власть.

Законодательство

В наиболее ранние времена болгарской государственности в основе законодательства и суда лежали нормы обычного права. Начало кодификационной законодательной деятельности у болгар связывается с именем князя Крума (802—815). Наиболее ранние сведения о законодательстве Крума дает византийский лексикограф и хронист X в. Свида (Σουίδα) в своем знаменитом «Лексиконе» под словом «болгары» (Βούλγαροι). Лучший перевод его на современный болгарский язык опубликован в 1907 г. проф. С. С. Бобчевым.¹

Законодательство Крума предусматривало пять преступных деяний: 1) клеветнический донос, 2) укрывательство; 3) кража; 4) пьянство и 5) нищенство. Клеветнический донос карался смертной казнью; укрывательство вора — конфискацией имущества; кража каралась членовредительством — переломом берцовой кости; в целях пресечения пьянства давалось распоряжение уничтожить все виноградники; для искоренения нищенства законом Крума предписывалось карать конфискацией имущества того, кто поддерживает нищенство нерациональной помощью, не соответствующей нужде просящего, и тем содействует повторному обращению его за помощью, т. е. поддерживает нищенство.

Исследование текста Крумова законодательства в изложении Свида привело болгарского правоведа к следующим выводам.

1. Время правления Крума, нужды болгарского народа и государства, правосознание, характерное для тогдашних народных масс, — все это вызывало или, по крайней мере, могло вызвать такие именно распоряжения, какие содержатся в так называемых законах Крума.

2. Распоряжения Крума, касающиеся клеветнического доноса, укрывательства, воровства, целиком подтверждаются последующими памятниками, какими являются: «Ответы папы Николая» (Responsa Nicolai Papae ad consulta bulgarorum) и «Закон судный людем», а равно и сравнительным изучением других средневековых славянских и неславянских законодательств.

3. Распоряжение, касающееся уничтожения виноградников, взятое в буквальном его смысле или же рассматриваемое в смысле

Титлите на старобългарските господари. Минало, год I, кн. 1, София, 1909, стр. 81; акад. Н. С. Державин. Euchologium Sinaiticum. Сборник статей и исследований в области славянской филологии. Изд. АН СССР, Л., 1941.

¹ С. С. Бобчев. Крумово законодательство. Историко-правна студия. София, 1907. Оттиск из «Известия на Историческо дружество», 1906, кн. II; его же. История на старобългарското право. София, 1910, стр. 93—115. — В этих работах указана исчерпывающая библиография вопроса.

строгого преследования пьянства, отзвук которого дошел до Царьграда и принял крайнее выражение в формуле Свида, — и это распоряжение так же точно покоится на глубоком понимании государственной потребности и правовом народном сознании.

4. Распоряжение, касающееся нищенства, вполне сходится со славянскими демократическими взглядами и обычаями. Оно практиковалось и практикуется до сих пор в некоторых славянских странах. Пережитки его встречаются и у болгар.

5. Если историки-правоведы слависты — Хубе («Droit romain et greco-byzantin chez les peuples slaves», стр. 20), и Зигель («Lectures on Slavonic law», стр. 12) — стоят на точке зрения, что «Закон судный людем» является делом Симеона только на том основании, что, во-первых, имелась нужда в подобных законах и что, во-вторых, Симеон был знаменитым и высококультурным для своего времени человеком, — то еще более необходимо сказать то же самое о Круме — непосредственное историческое показание Свида подтверждает это.

6. Наказания, предусматриваемые законами Крума, не более жестоки и не более нецелесообразны сравнительно вообще с наказаниями за подобные преступные деяния того времени. Они не противоречат и наказаниям болгарского обычного кодекса.

Вторым законодательным документом в истории болгарского права являются «Ответы папы Николая», данные им на вопросы, предложенные легатами князя Бориса. Ответы эти были доставлены Борису папскими легатами, епископами Павлом и Формозом, и представляли собою законоположения, касавшиеся как церковных, так и светских дел, т. е. носили церковный характер (*canones, sacri canones, sacrae regulae, sacra scriptura, apostolicae regulae, lex divina*) и светский характер (*leges или leges mundanae, lex humana или, во множественном числе, leges humanae и т. п.*) Законоположения светского характера, полученные Борисом от папы Николая I, представляли собою заимствования частью из римского права (*Venerandae Romanorum leges*), частью из народного германского права, что дало основание проф. Богишичу высказать предположение, что в основе «Ответов папы Николая I» лежал какой-то юридический кодекс, представлявший собою смесь римского права с народно-германским. Таким кодексом была популярная тогда в Италии книга «*Breviarium Alaricianum*» («Требник Алариха»), известная под названием *Lex romana*, или *Lex mundana*, или *Lex Romana visigothorum*, или просто *Liber legum*, и составленная в 506 г. по распоряжению Алариха II, короля визиготов для его галло-римских подданных.

«Ответы папы Николая» представляют собою не только важный источник для истории болгарского права, но также не менее важный источник и для болгарской истории, поскольку в нем содержатся интересные сведения о жизни, нравах, правовых обычаях и понятиях болгарского народа в IX в. Сокращенный перевод этого памятника был сделан в свое время русским славистом А. Гильфердингом.¹

С деятельностью первых просветителей моравских славян, солунских братьев Константина и Мефодия (IX в.), связывается, между прочим, перевод с греческого языка на болгарский (старославян-

¹ С. С. Бобчев. История на старобългарското право. София, 1910, стр. 115—120.

ский) законодательного сборника, известного под греческим названием «Номоканон». Перевод этот приписывается Мефодию и в иностранном житии Мефодия или в так называемой «Паннионской легенде» назван термином «Закону правило». Греческий термин «Номоканон» состоит из двух слов: νόμος — «закон» и κανών — «церковное правило». Таким образом греческие «Номоканоны» представляли собою юридические сборники статей и положений как церковного, так и гражданского права. На славянском языке такого рода сборники обыкновенно назывались «Кормчая книга» или просто «Кормчая». Строители и руководители христианской церкви первых веков ее существования, так называемые «святые отцы», обыкновенно уподобляли церковь кораблю, а священное писание и законоположения, которыми церковь руководствуется в своей жизни и деятельности, — кормчому. Отсюда ведет свое начало и название сборника законов «Кормчая». Известны две основные редакции этого сборника: более распространенная — состоящая из канонических правил (50 титулов) и гражданских законоположений, составленных по новеллам Юстиниана, и приписываемая Иоанну Схоластику, жившему в VI в., и две более кратких: в 14 титулов, или отделов, составленная в первой половине VIII в., и в 16 титулов, составленная в 883 г.

Первоначальный текст болгарской «Кормчей» включал в себя: 1) «Номоканон» Иоанна Схоластика (50 титулов церковных правил и 87 глав, извлеченных из различных новелл Юстиниана); 2) «Закон судный людем»; 3) «Эклогу»; 4) различные апокрифические статьи болгарского происхождения под заглавием: «Заповеди и поучения святых отцов».¹

Как известно, после смерти в 885 г. в Моравии первого переводчика на болгарский язык культовых книг и «Номоканона», Мефодия, его ближайшие ученики и сотрудники подверглись преследованиям со стороны латинского клира, восторжествовавшего в Моравии при преемнике Ростислава Святополке. Из них двести человек частью были проданы в рабство в Венецию, частью спаслись бегством в Болгарию, где нашли себе приют у князя Бориса, который использовал их в качестве священнослужителей и народных учителей славянской грамоты. Среди этих учеников и ближайших сотрудников славянских первоучителей были высокообразованные по тому времени люди, вроде, например, известных впоследствии писателей Климента и Наума. Они принесли с собою в Болгарию первые книги на славянском (болгарском) языке, в том числе и «Номоканон» Мефодиевой редакции, и своею деятельностью в Болгарии заложили первый фундамент славянской культуры и просвещения, на котором вскоре же, при сыне Бориса царе Симеоне (893—927), широко расцвела славянская письменность.

В новых условиях культурной и общественно-политической жизни, наступивших в Болгарии со времени принятия Борисом в 865 году христианского культа в качестве государственной религии, и в связи с новыми организационными государственными потребностями, «Номоканон» Мефодиевской редакции явился для Бориса, настойчиво искавшего писанного свода законов и в Риме и в Византии, ценным пособием, тем более что, уезжая из Болгарии, папские легаты Павел и Формоз увезли с собою и папские кодексы законов. Однако и «Номоканон» Мефодия, представлявший собою

¹ С. С. Бобчев, назв. соч., стр. 120—124.

перевод с греческого оригинала, не вполне, повидимому, отвечал назревшим нуждам местной болгарской жизни. В связи с этим, в Борисово же время, как предполагает проф. С. С. Бобчев, в Болгарии был составлен новый оригинальный болгарский сборник законов, известный под названием «Закон судный людем», явившийся первым, наиболее ранним у славян кодексом законов, оказавшим свое влияние и на «Русскую Правду». Он был присоединен к «Номоканону» Мефодиевой редакции и вместе с ним составил новую редакцию славянской «Кормчей».

«Закон судный людем» имеет обширную литературу. Он неоднократно привлекал к себе внимание славянских ученых, но особенно много поработали над ним русские ученые. Одни из них (Розенкамф, Павлов, Востоков) приписывали его авторству Мефодия, другие — польский ученый Ромуальд Хубе и русские ученые, варшавский профессор Ф. Зигель и киевский профессор Т. Флоринский — считали его автором царя Симеона и рассматривали его как законодательный акт этого царя.

Основным источником для составителя «Закона» послужила «Эклога» византийских императоров Льва Исаврянина и Константина Копронима (VIII в.). Десять статей его представляют собою дословный перевод соответственных статей «Эклоги»; другие статьи — или переработку статей «Эклоги», или заимствованы из других источников, или же оригиналы.

По содержанию «Закон судный людем» в отдельных своих статьях обнимает государственное, судебное, уголовное и гражданское право. По этому «Закону» наказаниями караются: богохульство, клеветнический донос, убийство, поджог, кража, особенно кража домашнего скота; строгие наказания предусматриваются против нарушителей половой нравственности. В «Законе» определяется порядок судопроизводства, число свидетелей при различных тяжбах; в качестве свидетелей допускаются женщины и старики; дается предписание освобождать рабов путем выкупа или отработки; регулируются поводы для развода и т. п. Интересно при этом отметить, что «Закон судный людем» был составлен в Болгарии на основе «Эклоги» Льва Исаврянина тогда, когда в самой Византии при Василии Македоняnine (867—886) восторжествовала реакция и либеральное законодательство Исаврийских императоров было ликвидировано и заменено новым руководством, известным под названием «Прохирон» (870), восстанавливавшим старые, реакционные, до-исаврийские правовые нормы. Объясняется это тем, что «Эклога» разрабатывалась на учете действовавших норм славянского обычного права, оказавшего свое влияние и на реформаторскую деятельность Исаврийской династии (Лингенталь, Васильевский, Успенский).

В виду этого профессор С. С. Бобчев склонен видеть в «Эклоге» в известной степени косвенный болгарский обычно-правовой источник. «Вот почему, — замечает проф. С. С. Бобчев, — составитель в конце IX в. первого болгарского законодательного сборника обратился к той же самой «Эклоге», а не к другим византийским законодательствам.¹

При царе Симеоне был переведен на болгарский язык «Номоканон» в 14 титулов, как более полный, систематичнее изложенный и более удобный для пользования, а равно и «Земледельческий

¹ С. С. Бобчев, назв. соч., стр. 141—166.

закон» исаврийцев, основные положения которого как будто бы специально были разработаны для славянских общин на территории Византии и тем самым оказались пригодными для болгарского законодательства.

§ 5. ОРГАНЫ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ

Как уже было вскользь отмечено выше, при болгарском князе, равным образом как и при царе Симеоне, состоял боярский совет, или синклит (сенат) в составе 12 человек (по Дринову — государственный совет). Это был постоянный совещательный орган при князе, действовавший как в мирное, так и в военное время. В частности, в мирное время он принимал участие в судебных разбирательствах, подлежавших решению князя; в военное время он нес функции военного совета и военного суда.

Кроме Болгарского совета, в Болгарии в эпоху Первого болгарского царства функционировали и народные соборы, не имевшие, впрочем, никакой определенной организационной формы. В них принимали участие все бояре, светское и монашеское духовенство и народ. Руководящую роль на соборах играло боярство и высшее духовенство.

Из практики болгарских народных соборов можно установить, что верховная власть прибегала к ним в отдельных случаях: во-первых, при выборах или провозглашении нового владетеля, как, например, при Борисе-Михаиле, созвавшем народный собор в столице Преславе для провозглашения своим преемником Симеона; во-вторых, при рассмотрении важных церковных вопросов, как это было в эпоху Второго болгарского царства при Борисе (1211) и при Иване-Александре (1350—1355), когда рассматривались вопросы, связанные с богомилством; в-третьих, для принятия законов, как, например, при Круме, который, по свидетельству Свида, объявил свои законы перед народным собором; наконец, на народном же соборе князь Борис-Михаил объявил славянский язык государственным языком и языком культа, и во второй раз, на таком же соборе, он же объявил низложение с престола старшего сына Владимира и провозгласил в качестве своего престолонаследника второго из своих сыновей, Симеона.

Народные соборы созывались специальными глашатаями и происходили или под открытым небом, на какой-нибудь площади, или в каком-либо дворе: позже они происходили в какой-либо церкви или в дворцовом помещении. Председательствовал на соборе верховный князь. Решения принимались голосованием, причем голосование должно было быть единогласным; для того чтобы, в случае наличия разногласий, получить такое решение, прибегали к принудительным мерам.

§ 6. УПРАВЛЕНИЕ

Органами центрального управления в древней Болгарии были боярский совет и высшие придворные сановники, носившие вначале титулы, принесенные в Болгарию Аспарухом и его дружиною: кавхан, тархан или таркан, жупан-тархан, воили или боили, кулуврус богатур, калу-тархан, олгу-тархан, бори-тархан, вулияс-тархан и др.

Тарханы были воеводы дружин, соратники верховного вождя и в то же время высшие военные, государственные сановники; жупаны-тарханы были племенные князья; кавганы — воен-

ные и гражданские служащие следующего после тарханов ранга; во и ли составляли аспарухово боярство; во г а т у р ы или б о г а т у р ы были отважные конники, которым давались самые ответственные и опасные поручения по разведке или по исполнению, и т. д.; в составных терминах типа «калу-тархан», «олгу-тархан», «бори-тархан» и т. п. первые слова-приставки, повидимому, имели значение чиновных или служебных отличий. Так, например, должность б у л и а с - т а р х а н занимал царский сын; должность б о р и т а р х а н соответствовала должности суб-воеводы или суб-начальника области. Вместе с принятием христианства эти старые болгарские титулы были заменены византийскими: д е с п о т и е г о ж е н а д е с п и н а — титул, дававшийся близким родственникам царя, а потом и особенно заслуженным боярам; в е л и к и й л о г о ф е т — министр финансов; п р о т о в е с т и а р — хранитель царской сокровищницы и гардероба; п р о т о к е л и о т — первый камергер; п р о т о с т р а т о р — начальник царской гвардии, гофмаршал; в е л и к и й п р и м и к ю р — боярин, подававший царю скипетр, начальник царской свиты; п р о т о с е в а с т — высший чиновник при дворе для особых поручений, имевший в своем ведении целый штат с е в а с т о в — чиновников особых поручений; э п и к е р н и й — дворцовый эконо и придворный ч а ш н и к; с т р а т о р — шталмейстер; в о е в о д а — начальник армии.

Во главе управления ж у п, о б л а с т е й или, по византийской терминологии, х о р а, стояли ж у п а н ы. Если во главе областного управления стоял заслуженный воевода, то такие области назывались в о е в о д с т в а м и. Группа вельмож, стоявших во главе областных управлений, в царских хрисовулах именуется, как мы уже знаем, термином «владельцы господствующие по царьству ми» в отличие от группы вельмож, которые именуются — «владельцы царьства ми». Первые представляли собою наследственных полуфеодалов, пользовавшихся известной автономией в своих областях; вторые — коронные чиновники, назначавшиеся на свои посты верховною властью.

Кроме приведенных выше наименований правителей, стоявших во главе областных управлений, в источниках встречается еще название к о м и т ы, а управляемые ими области называются к о м и т а т ы. Греческие источники определяют их как «вельмож, имеющих у себя собственные отряды-дружины».

Городские жупаны носили название к е ф а л и и (от греч. слова *κεφαλή* — «голова») и к а т е п а н ы — от слова «капитан». Это были городские правители, облеченные широкими полномочиями. Во главе городов-крепостей и расположенных в них гарнизонов стояли к а с т р о ф и л а к с ы; начальники отдельных военных отрядов назывались а л а г а т о р ы и с т р а т о р ы.

Болгарские села и общины продолжали и в эпоху Первого болгарского царства сохранять частично свои старые автономные порядки. Во главе села стоял к н я з ь, к м е т, ч е л ь н и к или с т а р е й ш и н а, который вместе с избранными старейшинами поддерживал в своем районе порядок, спокойствие и безопасность. Община представляла собою юридическое лицо и была ответственна за все преступные деяния, особенно за убийства и пожары в районе села, если виновник преступления не был обнаружен. Эта коллективная ответственность — е м с т в о — была основой сельского самоуправления. Таким же юридическим лицом была и ж у п а. Эти основы общинного самоуправления болгарское крестьянство сохраняло по-

том, хотя и в урезанном виде, не только под византийскою властью после падения Первого болгарского царства, но и во время турецкого владычества.¹

§ 7. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО, ФИНАНСЫ И НАЛОГИ

Какой-либо определенной грани между государственным хозяйством и финансами — с одной стороны, и хозяйством и финансами владельца — с другой, в рассматриваемый период в Болгарии еще не было. Это вытекало из характерного для данного времени воззрения на государство как на частную собственность его владельца. Характеризуя поэтому государственное хозяйство и финансы, а равно и организационные формы деятельности государства в области хозяйства и финансов в рассматриваемое время, приходится говорить, собственно, не о государственном хозяйстве и финансах, а о системе или формах материальных взаимоотношений между главою государства и населением.

Основную статью дохода княжеской или царской казны составляли, прежде всего, доходы с обширных княжеских земельных, лесных и водных владений и сборов за пользование дорогами, мостами, перевозами и рынками.

Вторую статью доходов княжеской или царской казны составляла огромная военная добыча и богатства, поступавшие к князю в порядке военных грабежей. Затем следовали прямые и косвенные налоги с населения. К числу прямых налогов принадлежали: 1) *димнина* или *димнина* — подъемный налог; 2) *волоберщина*, греч. «зевгаритикон», русск. «посошная», лат. *jugum*, т. е. поземельная подать; в византийских источниках этот вид подати известен также и под именем «ситаркия». В X в. она собиралась еще натурою и выражалась в Самуилово время в одной мере пшеницы, в одной мере овса и в одном кувшине вина; 3) *кошарщина*, сербск. «травнина», — подать, уплачивавшаяся населением за пользование государственными пастбищами; 4) десятинный налог, болг. *десетък*, выражавшийся во взносе одной десятой части со всех продуктов хозяйства: а) с зернового хлеба, с продуктов питания, с сена; б) с вина и других напитков; в) с пчел — по числу ульев; г) с овец; д) со свиней; е) со всевозможных прочих продуктов сельскохозяйственного производства. Сборщики этого налога носили специальные названия по предмету обложения, поименованные нами ниже.

К числу косвенных налогов принадлежали следующие: 1) *кумерк*, греч. *κομέρκιον*, лат. *comercium* — ввозная пошлина; 2) сборы за пользование мостами, переправами, рынками (*мостнина*, *броднина*, *тържнина*); 3) многообразные виды штрафов — русск. «вира»: *вражда* — штраф за убийство; *новоболг. кръвнина*; *разбой* — штраф за грабеж; *конска вражда* — штраф за кражу коня или другого крупного скота; *распуст* — штраф за развод, русск. «распуск» или «роспут»; *потка* или *почка*, *ботка* — штраф за нарушение чужой собственности с причинением ей вреда вроде отравы чужого пастбища и т. п.

Кроме уплаты податей и налогов, население было обязано трудовой повинностью по отношению к царю и феодалам, владельцам *проний*, на территории которых были расположены нередко много-

¹ С. С. Бобчев. История на старо-българското право, стр. 344—353; его же. Държавно-обществен и юридически строй..., стр. 79—81.

численные села и деревни, т. е. оно должно было отработать определенное число дней в неделю, да сверх того несколько дней в году, в периоды срочных работ, вроде, например, сенокоса или сбора винограда и т. п.; эту последнюю работу обязаны были нести все трудоспособные члены крестьянской семьи.

Кроме того, на населении лежал и целый ряд других трудовых государственных повинностей: военная, ямская — подводная, градостроительная (постройка крепостей), охрана тюрем, квартирная повинность, или так называемая «приселица», ложившаяся исключительно большою тяжестью на население, особенно в случаях проезда царя с сопровождавшей его многочисленной свитой, в которую входили не только бояре и духовенство, но и многочисленный штат царской прислуги: псарей, сокольников, оруженосцев и т. п. Весь этот царский «поезд» население обязано было встречать, провожать; предоставлять всем квартиры, кормить и поить всех. Ту же повинность население несло и в случаях проезда государственных чиновников, высшего духовенства и иностранных посланников.¹

Органами финансового управления были: десетки — сборщики десятинного налога с населения в натуре, т. е. с продуктов всех статей сельского хозяйства; по предмету сбора они составляли целый ряд категорий: 1) десетки свиньи, овчи, пчелни, винари, житари, сенари; 2) побирчи — сборщики дани (бир); 3) находници — сборщики доходов в пользу кефалиев и катепанов; 4) прахтори, они же глобници или глобари — сборщики штрафов; 5) митарри — таможенные сборщики и др.

§ 8. ВОЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Постоянной армии, за исключением дружины князя, в древней Болгарии не существовало. Армия собиралась в случае военной необходимости. Основное ее ядро составляли вооруженные отряды, поставившиеся по первому зову князя его феодалами в обязательном порядке и в установленном для каждого феодала количестве. Во главе этих отрядов их начальниками-воеводами были феодалы, выставившие в общую армию свои отряды.

Впоследствии эта феодальная армия стала пополняться наемными иноземными войсками (половцы, печенеги, татары, франки и др.) и вооруженным народом в порядке исполнения последним воинской государственной повинности.

Во главе действующей армии стоял верховный князь или царь. Ему были подчинены воеводы, тысяцкие, сотники и десятники, составлявшие командный состав армии.

Общая численность болгарской армии не превышала 30—40 тысяч. В походах, однако, принимало участие не более 10—12 тысяч, составлявших действующую болгарскую армию в военное время.

Главное внимание верховного князя и его воевод было обращено на вооружение и на боевого коня. Перед сражением происходил тщательный осмотр оружия. Неисправные в этом отношении подвергались суровому наказанию. Кавалерийские лошади в мирное время не могли быть используемы для каких-либо хозяйственных надобностей и пользовались особо внимательным уходом.

Обычным вооружением болгарской армии в начальный период су-

¹ С. С. Бобчев. История на старо-българското право, стр. 355—362.

ществования Болгарского государства были копье, лук, стрелы и меч. С течением времени под влиянием Византии вооружение болгарской армии технически все более и более совершенствовалось, а при Круме и особенно при Симеоне она уже располагала и артиллерией — в виде каменометных, стенобитных и других машин.

О мощности этой артиллерии, с успехом бравшей самые сильные византийские укрепления, кроме неприступных стен Константинополя, можно отчасти судить по тому, что артиллерию князя Крума обслуживали 5 тысяч колесных платформ (телег) и 10 тысяч волов в упряжке.

Военные действия болгарская армия открывала обыкновенно ранним утром или поздним вечером, и притом внезапно и неожиданно для противника. Главной причиной и побудительной целью военных предприятий болгарских князей и царей был чаще всего грабеж. Порядок распределения военной добычи между князем и воинами, как в Византии, так и в Болгарии, предусматривался действующими законами «Эклога» и «Закон судный людем». В случае поражения византийцы выплачивали болгарскому князю огромные откупа и не меньшие суммы в покрытие военных издержек. Взятые болгарами в бою пленные не убивались и не обращались в рабство, но освобождались за откуп или определенную отработку. Этот традиционный порядок нарушался только в тех случаях, если битва принимала исключительно напряженный и угрожающий характер. Согласно действовавшему порядку вещей, как в Византии, так и в Болгарии, воюющие стороны не имели права ни убивать, ни брать в плен никого вне поля битвы, но грабеж окрестностей не возбранялся и носил, как у греков, так и у болгар, жестокий характер.¹

§ 9. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО И ТОРГОВЛЯ

Положение Балканского полуострова в центре Средиземноморья на мировом в старое время торговом пути из Европы в Азию и его природные богатства создали с древнейших времен благоприятную обстановку для широкого развития производительных сил и соответствующего общественно-бытового уклада жизни.

Горы полуострова обильны ископаемыми богатствами (железо, медь, олово, марганец и пр.); его луга и пастбища дают обильный корм скоту; его равнины представляют собою цветущую житницу. Четыре моря (Черное, Мраморное, Эгейское, Адриатическое) омывают берега полуострова с востока, юга и запада, а на севере р. Дунай (древнегреч. Ἰστρος, римск. Danuvius) со своими притоками связывает его с центрами европейской промышленности и культуры, благодаря чему с полуострова всегда было легко вывозить местное сырье и продукты сельского хозяйства (кожа, хлеб, масло, соль, мед и пр.), в которых нуждались промышленные центры Востока и Запада, и ввозить сюда предметы иностранного производства, в которых нуждалось местное население. Вот почему, в частности, уже с древнейших времен, еще до христианской эры, мы видим на Черноморском побережье целый ряд цветущих греческих торговых городов-колоний, служивших торговыми посредниками между населением полуострова и отдельными торгово-промышленными центрами на его периферии (Греция) или в Малой Азии. Такими греческими коло-

¹ С. С. Бобчев. История на старо-българското право, стр. 363 и сл.; его же. Държавно-обществен и юридически строй..., стр. 86 и сл.

ниями на Черноморском побережье в древности были, например, города: Томи или Томой (Кюстенджа), Одессос (Варна), Калатис (Мангалия), Месемврия (Месемврия) и др. К числу таких же колоний принадлежала вначале и древняя Византия (Константинополь, Царьград, Стамбул), основанная в 658 г. до н. э. выходцами из древнегреческого города Мегары и выросшая впоследствии, в средние века, — начиная со времени перенесения сюда в 330 г. н. э. римским императором Константином Великим столицы империи, — в самый крупный центр мировой торговли, промышленности и культуры. Непосредственная связь полуострова через Босфор и Мраморное море с Азией и ее сказочными с глубокой древности богатствами делали из Балканского полуострова с его центром, Византией, естественную станцию на великом торговом пути из Азии в Европу и обратно — из Европы в Азию. Из Византии на Запад этот путь шел через Адрианополь, Филиппополь, Софию, Ниш и Белград («Via Singidunum»), т. е. через Болгарскую территорию, с момента возникновения на полуострове во второй половине VII в. н. э. (679) Первого болгарского царства. Это еще более увеличивало ценность территории полуострова и тем самым издавна превращало ее в плацдарм для широкого развертывания здесь международного торгового капитала. Вот почему здесь именно, на Балканском полуострове, выросла в свое время знаменитая культура древней Эллады и впоследствии, начиная с IV в. н. э., здесь же возник и второй после Рима мировой торгово-промышленный центр, Византия, служившая в средние века предметом захватнических устремлений для господствующих классов народов Востока и Запада.

К VII в. н. э. относится, как мы уже знаем, образование на полуострове первой славянской болгарской державы Аспаруха.

Сельское хозяйство

Благоприятные климатические, гидрографические, топографические и почвенные условия Болгарии содействовали развитию земледельческого хозяйства ее населения, причем земледелием занималось не только сельское население, но и городское. Основными предметами сельскохозяйственной промышленности в Болгарии в это время были, главным образом, хлебные злаки — просо, ячмень, овес; кроме того, население занималось виноградарством, виноделием, садоводством и огородничеством. Техника сельского хозяйства носила крайне примитивный характер: деревянный плуг, коса и серп. Продукты сельскохозяйственной промышленности хранились в так называемых «житных ямах». Очень много в Болгарии производилось и потреблялось на месте виноградного вина, о чем можно судить, между прочим, по известным законам Крума. Другие источники говорят о распространении пьянства среди болгарского духовенства (Козма). Из овощей в широком употреблении у болгар были лук и чеснок.

Из технических культур в древности им были известны конопля и лён. В X в. лён был главным предметом болгарского экспорта в Царьград.

Менее удобств представляла территория Болгарии для развития степного скотоводческого хозяйства в силу отсутствия для этого широких степных пространств. Поэтому скотоводство приняло здесь несколько своеобразный характер, обусловленный наличием довольно широких пространств прекрасных горных пастбищ. Эти горные пастбища издавна, еще для фракийцев, а впоследствии для бал-

канских владов (романизованных фракийцев) служили местом выпаски мелкого скота. Зимой пастухи со своими стадами спускались в низины, а с началом теплых дней уходили в горы, где и оставались на все лето и осень до первых морозов. Такой же характер на полуострове получило и скотоводческое хозяйство его славянского населения. В связи с этим первое место в скотоводческом хозяйстве у болгарского народа с древнейших времен заняло овцеводство. На втором месте стояло разведение крупного рогатого скота преимущественно как тягловой силы для хозяйства. Конь в древней Болгарии составлял большую редкость и ценился очень высоко, как необходимый не только для хозяйства, но и для военных надобностей. Поэтому болгарское законодательство предусматривало суровые наказания за конекрадство.

Продуктами скотоводства народ питался (молоко, сыр, мясо). Кожи и шерсть шли на изготовление одежды, в связи с чем в Болгарии стоит раннее развитие домашней текстильной индустрии.

Кроме земледелия и скотоводства, у болгар в древности широкой популярностью пользовалось и пчеловодство. Мед служил предметом питания и вместе с тем в X в. составлял крупную статью болгарского экспорта. Воск в большом количестве шел на удовлетворение церковных надобностей.

Ремесла

Как и у других народов, ремесла у болгар зародились в домашнем обиходе. На первом месте стояли выпечка хлеба и приготовление пищи. Мука для хлеба размалывалась на примитивных водяных мельницах или с помощью ручных жерновов. Водяные мельницы в большом количестве у болгар отмечены уже в VIII в. Вторую статью в домашнем быту болгарского народа составляло изготовление платья из кожи и шерсти (начатки кожевенной и текстильной промышленности).

Нужды крупного хозяйства болгарского царя, феодалов, духовенства, а равно и болгарской армии обслуживались первоначально иностранными мастерами — ремесленниками и техниками — арабами и греками. Они были в Болгарии первыми строителями каменных дворцов, мостов, крепостей и церквей, они же были и первыми художниками. Дорогие ткани для феодальной знати доставлялись из Византии и Дубровника.

Роскошь болгарского царского двора и феодальной знати в X в. описывает болгарский писатель Иоанн Экзарх в сочинении «Шестоднев». Разукрашенные каменные и деревянные постройки по обеим сторонам царского двора, высокие палаты царского дворца и церкви, украшенные снаружи камнем, деревом и красками, а внутри отделанные мрамором, медью, серебром и золотом; царь в обшитой бисером мантии с золотой гривною на шее и с браслетами (обручами) на руках, опоясанный пурпурным поясом, с золотым мечом при бедре; бояре в золотых гривнах, поясах и таких же обручах на руках и т. д., — в таких чертах Иоанн Экзарх рисует царский дворец и его обитателей.

В это же время болгарский народ живет в соломенных хижинах и пользуется крайне скудной, исключительно деревянной домашней мебелью.

Обработка металлов в то время была еще редкостью в Болгарии, однако повсюду в городах и селах имелись кузнецы, изготавливавшие и

ремонтировавшие хозяйственный инвентарь и церковную утварь. Несмотря на примитивность хозяйственной жизни страны, уже в X в. отмечается наличие в крупных городских центрах Болгарии, по примеру Константинополя, цеховых организаций ремесленников. Однако ремесленник в эту начальную эпоху исторической жизни болгарского народа работает еще только на заказ и из материала заказчика. Он еще не профессионал-ремесленник, не товаропроизводитель и не торговец, а только «художник», как он именуется на славянском языке, т. е. владеющий мастерством, или знающий мастерство и умеющий при надобности сделать на заказ ту или другую вещь.

С другой стороны, так как примитивное сельское хозяйство не могло обеспечить существование семьи крестьянина, последний, наряду с сельским хозяйством и параллельно с ним, начинает заниматься каким-либо, соответственно окружавшей его обстановке и потребностям населения, подсобным ремеслом, что с течением времени приводит к появлению сельского ремесленника, поддерживавшего свое существование, дополнительно к земледелию, обменом произведений своего мастерства с соседями.

Таким образом, в среде болгарского крестьянства с течением времени возникают целые семейства, занятые, помимо земледелия, пчеловодством, гончарным производством и т. п. Так в болгарской крестьянской среде выростал постепенно товаропроизводитель и создавались необходимые предпосылки для развития товарного крестьянского хозяйства, а вместе с ростом производительных сил страны росли и потребительские нужды населения, рос товарообмен между городом и деревней и создавались необходимые условия для появления посреднического элемента между товаропроизводителем и потребителем продуктов производства. Все это привело к периодическому появлению в болгарской деревне или иностранного или своего же болгарского торговца-скупщика. Первыми торговцами-скупщиками произведений болгарского сельского хозяйства и промышленности были итальянские и дубровницкие купцы.

Товарообмен

Заняв постепенно при ближайших преемниках Аспаруха — Тервеле (702—720 или 722), Круме (802—814), Омортаге (814—831), Борисе - Михаиле (853—907) и Симеоне (898—927), огромную Византийскую территорию в южном, юго-западном и северо-западном направлениях, служившую издавна богатейшим источником хозяйственных ресурсов Византии, старая феодальная Болгария оказалась владельницей не только огромного внутреннего сырьевого рынка, но также и всего Черноморского побережья, от устья Дуная на севере и вплоть до г. Салмидесус (Мидия) на юге, в ближайшем соседстве со столицей Византии, со всеми старыми торговыми черноморскими городами и гаванями, а на юге и северо-западе — главнейших торговых путей, соединявших Византию и Солунь через Средец (Софию) и Сингидунум (Белград) с Западом (Via Singidunum и Via Egnatia).¹

Все это давало широкие возможности для развития производительных сил страны и ее товарообмена с соседями и обуславливало наличие в составе болгарского общества уже в то время довольно солидного слоя торгового люда, равно как и защиту его интересов

¹ И в. Шишманов. Стари пътувания през България. Сб. НУК, 1891, кн. IV, стр. 337 и сл. Здесь же указана и основная литература предмета.

со стороны феодальной государственности. Об этом свидетельствует, прежде всего, мирный договор с Византией, заключенный Тервелем уже в 716 г., п. 4 которого стабилизировал положение болгарских купцов на византийском рынке и тем самым обеспечивал для Болгарии успешное развитие торговых связей с Византией.

В начале IX в., при Омортаге, болгарские послы уже появляются в Баварии и Аахене, а в 824 г. Омортаг вступает в дипломатическую переписку с королем франков Людовиком, с которым несколько позже, в 864 г., Борис заключает мирный договор. Спустя два года после этого, в 866 г., Борис обменивается несколькими дипломатическими миссиями с Римом, шлет свое посольство в Регенсбург и завязывает активные торговые связи с Веною.

Ближайший преемник Бориса, его сын Владимир, заключает в 892 г. мирный договор с немецким королем Арнульфом, обеспечивавший доставку в Моравию болгарской соли из соляных копей Венгрии (вблизи Будапешта), входившей тогда в состав Болгарии. Одновременно с выступлением Болгарии, начиная с середины IX в., на широкую арену международной политической жизни, в связи с чем стоит и принятие Борисом в 865 г. христианства, крепнут и ее торговые связи с Европой как сухим путем, так и по Дунаю. Ежегодно на ее ярмарках регулярно появляются торговые караваны из-за границы, на ее территории живет много иностранцев, занимающихся торговлей и ремеслами.

Значение Болгарии, как сырьевого рынка и неисчерпаемого источника продовольственных ресурсов для Византии, поднимало ее удельный вес в международной политике настолько, что иностранные купцы, имевшие торговые связи с Болгарией, производили свои операции в Константинополе и Салониках под защитой болгарского подданства.

При Борисе был организован в Константинополе специальный болгарский рынок, а когда византийское правительство, нарушив договор, произвольно перенесло этот рынок в Салоники, Симеон объявил Византии в 894 г. войну.

К времени Симеона относится возникновение на Дунае ряда цветущих торговых болгарских городов, среди которых первое место занимал уже известный нам Переяславец, несколько позже названный киевским князем Святославом «центром своей земли», куда, в виду обширной торговли, он мечтал перенести свою столицу. Эпоха Второго болгарского царства (Иван Асень II, 1218—1241) отмечена развитием торговых связей Болгарии с Дубровницкой республикой, купцы которой получают от болгарского правительства специальные грамоты, дававшие им широкие льготы в торговле по всей стране. Один из ближайших преемников Ивана Асеня II, Михаил Асень (1246—1257) заключил в 1253 г. с Дубровником (Рагуза) договор, в силу которого болгарские купцы имели право свободно торговать в Дубровнике, не платить целого ряда таможенных сборов и беспрепятственно вывозить оттуда золото, золотые изделия и вообще все товары.¹

В начальный период исторической жизни болгарского народа, начиная с Аспаруха и вплоть до Второго болгарского царства, торговля в Болгарии носила исключительно характер простого товарообмена.

¹ Ivan Saká zov. *Bulgarische Wirtschaftsgeschichte*. В. I. Leipzig, 1929. стр. 49—75; С. С. Бобчев. *История на старобългарското право*, стр. 300 и сл.

Болгария долгое время не имела своей монеты. Впервые право чеканки монеты получил от римского папы царь Калоян (1197—1207).

Арабский писатель X в. Аль-Масуди отмечает, что у болгар нет ни серебряных, ни золотых монет, — все торговые сделки и свадьбы у них оплачиваются коровами и овцами. Разменной монетой у болгар служили в то время скот и кожа. При князе Омортаге (815—831) болгары обменивали византийских пленников на два вола за человека.

При отсутствии собственной монеты у болгар в ходу была византийская золотая монета, так называемый перпер. Впоследствии из иностранных монет вошел в употребление венецианский золотой дукат. С началом чеканки собственной монеты у болгар появилась прежде всего серебряная и медная монета, и очень редко встречалась золотая. Серебряная монета называлась аспр; золотая — перпера; соответственные болгарские названия — «белички» и «желтица», «златица». Образцом для болгарской монеты вначале была византийская монета, а со времени Михаила Асеня (1246—1257) — венецианская, но перпера в течение долгого времени оставалась основной единицей счета и в Болгарии и в соседних странах. В конце XIII в. венецианский золотой дукат был равен $1\frac{1}{2}$ перперы или 18 серебряным грошам (динарам); а в XIV в. тот же дукат равнялся 2 перперам или 24 грошам.¹ Однако, даже и после того, как болгары стали чеканить собственную монету, денег в Болгарии было очень мало, так что вплоть до XI в. подати вносились крестьянами натурой — зерном и вином. Простой обмен продуктами господствовал в то время у болгар не только во внутреннем товарообмене в стране, но и за ее пределами, в Константинополе и в Солуни. В X в. в Солуни болгары обменивали зерновой хлеб на золотые украшения и дорогое платье.²

Характеризуя положение народного хозяйства в Болгарии в период Первого болгарского царства, следует, в общем, отметить, что национальный товарный обменный фонд болгарского народа был в то время весьма незначителен, в связи с чем был крайне незначителен и разменный товарооборот.

Болгарский трудовой народ был беден и принужден был ограничивать свои потребительские нужды минимумом. Его примитивное экстенсивное хозяйство давало ничтожную продукцию, испытывая на себе разорительные удары непрерывных военных предприятий болгарских князей и царей. Эксплоатация народного труда со стороны государства, находившегося чаще всего в состоянии войны и постоянно нуждавшегося поэтому в материальных средствах, которые собирались с народа; эксплуатация народного труда со стороны светских и духовных феодалов, стремившихся поддерживать свою жизнь на уровне богатства и парадной роскоши византийского двора; непрерывные войны, приводившие народные массы к разорению и нищете; непосильный гнет налогового бремени, усиливавшийся с каждой новой войной, которых было очень много в царствование Симеона, — все вместе взятое создало для болгарского народа к концу царствования Симеона невыносимую обстановку общественно-политической и

¹ С. С. Бобчев. Държавно-обществен и юридически строй..., стр. 85.

² Ив. Сакъзов. Обществено и стопанско развитие на България през епохата на Първото царство. Сб. «България 1000 години. 927—1927», София, 1930, стр. 91—115; его же. *Bulgarische Wirtschaftsgeschichte*, I Teil, стр. 1—75.

хозяйственной жизни. Болгарский народ жил у себя дома, в своих деревнях и поселках, еще по-старине, в условиях старых общинно-родовых порядков, — хотя в известной мере уже и подорванных наступившим феодализмом и новыми феодальными отношениями, — и веками сжившийся с этими порядками, особенно остро ощущал неограниченную эксплуатацию и гнет господствующих классов. На этой почве к концу правления Симеона в среде болгарского крестьянства вырастает массовое социально-политическое движение — б о г о м и л ь с т в о, направленное против господствующих классов и представлявшее собою в своей жизни и практике результат той ступени развития, на которой находились тогда (в Болгарии) земледелие, промышленность, сухопутные и водные пути, торговля и денежное обращение (Ф. Энгельс. Предисловие к «Крестьянской войне в Германии». Маркс и Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 1, стр. 369. Партиздат, М., 1936.)

Глава III

БОГОМИЛЬСТВО И БОГОМИЛЫ

Вместе с установлением в Болгарии феодализма и феодальных отношений старые независимые славянские территориальные общины-марки, с их традиционным патриархально-родовым демократическим укладом жизни, общинными формами хозяйства и веками складывавшимся в обстановке общинно-родовых отношений народным мышлением, постепенно утрачивали свою былую политическую и хозяйственную независимость и, опутанные сложной сетью светского и церковного чиновничества, превращались в объект хозяйственной эксплуатации, насилия и военного авантюризма господствующих классов. Народ нищал и бедствовал, в то время как эксплуатирующие классы — землевладельцы, феодалы и высшее духовенство, оторванные от народа и стоявшие перед ним вражеским станом, утопали в богатстве и роскоши. И чем туже двойная петля болгарско-византийской государственности, в тесном союзе с болгарско-византийской церковностью, душила народ, тем глубже и шире росла и крепла в народных низах оппозиция против господствующего социально-политического строя. Эти настроения к концу правления Симеона вылились в форму социально-политического движения, носившего характер «крестьянско-плебейской» ереси, известной под именем богомилства.

В своей основе болгарское богомилство было классовым движением эксплуатируемых и угнетенных крестьянских масс, классовой борьбой, носившей «религиозный отпечаток». «Если эта классовая борьба, — писал Энгельс в своей брошюре «Крестьянская война в Германии» о так называемых религиозных войнах XVI столетия, — носила тогда религиозный отпечаток, если интересы, потребности и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это несколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени».¹

В средние века церковь являлась наивысшим выражением существующего феодального строя. «Ясно, — говорит Энгельс, — что при этих условиях всеобщие нападки на феодализм, и прежде всего нападки на церковь, все революционные, социальные и политические учения должны были представлять собою одновременно и богослов-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 128. М.—Л. 1931.

ские ереси. Для того чтобы возможно было нападать на общественные отношения, с них нужно было совлечь покров святости».¹

В ранние века христианства, когда впервые складывалась официальная догма христианского вероучения, и затем в ближайшее к ним время Балканский полуостров был ареной агитационной борьбы и пропаганды различных течений в этом новом учении. Из них особенно широкую популярность на полуострове имели три течения, распространившиеся одновременно с тем, как византийское правительство поселило здесь армян и ассирийцев из Малой Азии: это — павликианство, манихейство и мессалианство, с характерным для них дуалистическим учением о добре и зле, как двух началах, господствующих в мире и правящих судьбами человечества. Под влиянием этих учений старое народное мировоззрение славянского населения полуострова, росшее и крепнувшее веками в условиях общинно-родового строя, выработало постепенно, в обстановке феодальных отношений, на основе старого мышления и старых культовых представлений, собственную социально-политическую и вероисповедную систему. Догматизатором и ревностным пионером его явился поп Иеремия, прозванный Богомилом, откуда и самое учение получило имя богомильства. Это был самый ранний реформатор и первый вождь революционной оппозиции в истории европейских народов и европейского религиозного движения. В основе этого реформизма была оппозиция не только против официальной византийской церковности, но и против господствующего социально-политического строя. Таким образом, богомильство было культурным, политическим и социальным движением, имевшим свои глубокие корни в народной жизни и мышлении. Другими словами, богомильство было широким, массовым народным социально-политическим движением.

В предыдущей главе, посвященной очерку государственно-правового строя и социальных отношений в Болгарии в эпоху Первого болгарского царства, мы показали ту картину беспросветного экономического положения, в каком находились болгарские народные массы под гнетом господствующего феодального строя, окончательно оформившегося в X в. при Симеоне.

Болгария в это время представляла собою государство крупных земельных собственников, сложившееся на основе ликвидации мелкой крестьянской собственности, как путем царских пожалований феодалам-воеводам крупных земельных участков (прония) с сидевшими на них «свободными землевладельцами», так и в порядке насильственных захватов феодалами мелкого крестьянского землевладения. К концу правления Симеона (первая четверть X в.) масса бывших свободных землевладельцев в Болгарии уже была превращена в париков (таких же нищих, как и римские колоны), в безземельное, зависимое, эксплуатируемое крепостное крестьянство, искавшее спасения от эксплуататорского гнета феодалов чаще всего в эмиграции на территорию Византии. Об этом напоминал Симеону, в частности, в одном из своих писем византийский император Роман Лакапин, имевший в своем распоряжении огромный фактический материал. В то время как византийское правительство принимало меры к защите мелкого землевладения от захватов его крупными феодалами и злоупотреблений чиновников, болгарское правительство бросило крестья-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 128.

янтство на произвол судьбы и всецело предоставило его усмотрению и власти светских и духовных феодалов, материальные интересы которых с исключительной заботливостью обычно охранялись болгарским правительством во всех законодательных актах. Беспросветное экономическое положение, политическое бесправие и социальная заброшенность болгарского крестьянства в X в. были первым и главнейшим фактором, стимулировавшим рост в его среде революционной оппозиции, направленной против господствующего социально-политического строя и выразившейся в богомильской ереси. Вот почему она очень быстро выросла в массовое оппозиционное движение болгарского крестьянства и из Болгарии; несколько позже, перебралась к соседям — хорватам и сербам.

Вторым фактором, питавшим собою крестьянскую оппозицию и стимулировавшим развитие и количественный рост богомильской ереси в Болгарии в X в., был официальный государственный церковно-византийский строй во главе с болгарским патриархом. Этот строй был мощным источником эксплуатации трудовых масс болгарского народа, несколько не уступавший в своем хищничестве светским феодалам.

Принятие князем Борисом в 865 г. христианства по византийскому обряду и объявление его государственной религией явилось в жизни широких масс болгарского трудового народа событием огромного значения. Оно закладывало основы новой правовой организации в частной и общественной жизни и создавало условия для культурного развития народа на началах передовой социальной морали. Новый культ со своею обрядностью производил огромный переворот в народном сознании, в его морали и религии и в его социальных отношениях, веками складывавшихся в условиях общинно-родового строя.

До принятия христианства славяне не знали ни духовенства, ни церковного клира, ни храмов, ни вообще какого-либо церковного строя. Обязанности жреца, совмещавшего в своем лице весь духовный клир в целом, — т. е. и митрополита, и епископа, и священника и весь штат низших церковнослужителей, — нес обыкновенно племенной или общинный старейшина. Богослужения, совершавшиеся под открытым небом или под каким-либо деревом — дубом или липой, ограничивались обыкновенно жертвоприношениями и не знали никакой роскоши или внешней пышности, которою были обставлены богослужения христианского культа по византийскому обряду, так поразившие в свое время именно этою стороною послов киевского князя Владимира Святославича. Вместо одного жреца христианский культ принес болгарскому народу массу жрецов, целую иерархию в составе высшего и низшего, белого и черного духовенства, принес не только церкви и монастыри, но и целый церковный строй иноземного происхождения, который всей своей материальной тяжестью лег на плечи болгарского народа и повел организованную борьбу с пережитками старых народных верований, с родными для народа обычаями и народной поэзией.

Вскоре, однако, положение на церковном фронте в Болгарии обострилось в связи с тем, что церковь здесь с первых же дней организации при Борисе, а особенно при его преемниках, Симеоне и Петре, сделалась верным союзником и опорой верховной власти в ее политических устремлениях и стала играть первенствующую политическую роль в стране. Верховная власть нуждалась в помощи авторитетной культурной силы, которую представляло собою тогда образованное болгарское духовенство среди населения страны,

только что приобщившегося к начаткам новой культуры и новых социальных порядков. Чтобы поставить духовенство на службу государству, верховная власть в Болгарии приложила все усилия к тому, чтобы превратить его в мощную экономическую силу в стране, — только при таком условии духовенство и могло успешно выполнять функции союзника и помощника верховной власти как в ее борьбе с массами трудового народа, так и в борьбе с экономически мощною феодальною знатью. С этой целью болгарские князья и цари строили по всей стране церкви и монастыри и щедро наделяли их богатыми земельными участками с прикрепленным к ним крестьянством в качестве рабочей силы, дарили их деньгами и богатой церковной утварью, чтобы обставить внешнею роскошью, рассчитанной на привлечение к ним внимания и религиозной ревности малокультурного населения. Духовенству предоставлялись широкие права независимой юрисдикции, и оно было освобождено от каких бы то ни было государственных налогов и повинностей.

В результате этой церковной политики высшее болгарское духовенство и монастыри очень быстро, уже к началу X в., выросли в экономически мощную феодальную силу — в церковных феодалов. Они обладали крупной земельной собственностью, располагали большим числом крепостного и свободного крестьянства, которое работало на их землях и платило им подати. Высшее духовенство жило в богатых дворцах; архиепископ Феофилакт, помимо дворца, имел собственную виллу. Слава о несметных богатствах Феофилакты гремела по всем окрестностям. Сам Феофилакт рассказывает, что болгарские епископы владели селами и различным недвижимым имуществом, с которых получали огромные доходы; жили они в роскоши, с большими удобствами и блеском и были преданы исключительно своим корыстным интересам. Корыстолюбия не было чуждо и низшее духовенство. Пресвитер Козьма в своей беседе осуждает молодых людей, постригавшихся в монахи, за их алчность и леность. Их влекла в монастырь жизнь в довольстве. Часто они покидали монастыри и вели праздную жизнь, скитаясь из города в город в поисках угощения. Некоторые из них основывали собственные монастыри, заботясь только о том, чтобы разбогатеть. Одевались они роскошно, кормились богато и целые дни проводили в веселии, говорили неприличные слова, ругались между собою, пьянствовали и творили множество других дел, несовместимых с монашеским званием.

Таким образом, высшее болгарское духовенство, представляя крупную землевладельческую феодальную знать, экономически эксплуатировавшую трудовые народные массы, разоряло поборами мелких земельных собственников. Образ их жизни резко расходился с тем представлением об основных началах древнего христианского культа, которые оно исповедывало на словах и проповедывало в своих поучениях и проповедях к народу, но не осуществляло в своей жизни, о которой народ был осведомлен.¹

Таковы в общих чертах основные факторы, стимулировавшие возникновение и широкое развитие в Болгарии в X в. богомильской ереси, как массового оппозиционного социально-политического движения, направленного против господствующего строя с его официальной византийской церковностью, которая «являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя».

¹ И в. С а к ъ з о в. Обществено и стопанско развитие на България през епохата на Първото царство, стр. 17 и сл.; Н. П. Б л а г о е в. Правни и социални възгледи на богомилите. София, 1912.

В своих воззрениях богомилы исходили из старых основ общинно-родового строя. Они не признавали единой централизованной многоплеменной государственности и стояли на точке зрения политической независимости каждого племенного объединения в отдельности. Они боролись против централистских устремлений правительства Петра I (927—969) и после завоевания Восточной Болгарии Византией (972) поддержали Самуила, организатора Западно-болгарского царства, представлявшего собою федерацию областных государственных объединений. Во главе этой федерации стояли братья—сыновья боярина Николы: Давид, Моисей, Аарон и Самуил, которые в источниках именуются *комитопулами*. Самуил с братьями были правителями отдельных западно-болгарских македонских областей, и только после смерти в византийской тюрьме в 997 г. внука Симеона, последнего болгарского династа, Романа, номинально занимавшего при Самуиле западно-болгарский престол, Самуил, именовавшийся в византийских источниках титулом «*μόναρχος*», т. е. «единоправителем», был провозглашен царем и вплоть до своей смерти в 1014 г. объединял под своею верховною властью всю Западную Болгарию.

Впоследствии, в XIII в., богомилы приняли активное участие в низвержении с престола Бориса III (1207—1218), но они же поддержали его преемника Ивана Асеня II (1218—1241), при котором, по отзыву римского папы, Болгария была переполнена богомилами, а по отзывам местных и иноземных источников стояла на вершине своего развития и прогресса.

Повидимому, в таком же положении, начиная с XII в., находилась и Босния под управлением областных правителей, именовавшихся *банами*, — когда страню фактически управляли богомилы, — Кулина, Матвея Нинослава, Стефана Котроманича и краля Тварко I. Под управлением богомилов Босния сохраняла свою государственную независимость и представляла собою мощную южнославянскую державу.¹ Таким образом, богомилы не были противниками государственности, — напротив, они были патриотами, признавали свою *национальную* государственную власть и боролись против чужеземной власти, угрожавшей их свободе и независимости. Боролись они, равным образом, и со своими правителями, подпадавшими под влияние чужеземной власти и становившимися орудием в ее руках, каким, в частности, было и ненавистное для болгарских богомилов правление преемника Симеона, Петра I, отмеченное, как видели мы выше, целым рядом заговоров и народных восстаний.

Самыми яркими ненавистниками богомилов были, прежде всего, Византия и римская курия; болгарские богомилы мешали укреплению византийских позиций в Болгарии; сербские и хорватские богомилы срывали затаенные планы римской курии в этих странах. Поэтому утверждение некоторых историков о том, что болгарские богомилы сыграли какую-то активную роль в гибели Первого болгарского царства и вообще в гибели Болгарии, представляет собою явное недоразумение. До крайности обессиленное напряженной международной политикой Симеона и его непрерывными войнами Первое болгарское царство погибло в результате послевоенного кризиса, переживавшегося всею его феодальною системой в целом, а не из-за еретической богомильской агитации. Обострение классовой борьбы в Болгарии при Петре I несомненно сыграло роль крупнейшего фактора в этом кризисе, что, однако, тоже никоим образом не может быть отнесено на

¹ Н. П. Благоев. Назв. соч., стр. 92 и сл.

счет богомилства. Напротив, богомилы всегда содействовали упрочению национальной государственности, а при владетелях, лично принадлежавших к богомилским кругам [царь Самуил в Западной Болгарии и его преемники: Гавриил Радомир (1014—1015) и Иван Владислав (1015—1018), или бан Кулин, бан Матвей Нинослав, бан Стефан Котроманич, краль Остоя (1398), предпоследний боснийский краль Стефан Остоич (1444)] или при богомилских кандидатах, как, например, болгарский царь Иван Асень II (XIII в.),—государство достигало наивысшего расцвета в своей внутренней и внешней жизни, потому что, поддерживаемое богомилами, оно опиралось на широкие народные массы.

Богомилы не только не были принципиальными противниками государственного начала, но и поддерживали свои национальные династии. Такой династией в Боснии была династия Котроманичей. Несмотря на то, что в среде боснийских богомилов были влиятельные вельможи вроде Урвое Вукшича, Стефана Вукшича, Сандаль Хранича и др., они всегда избирали на престол членов династии Котроманичей. Интересную страницу в этом смысле в истории Болгарии представляет собою история болгарского царя Ивана Асеня II (1218—1241). История эта вскрывает крупную положительную политическую роль богомилов в истории болгарского народа и одну из подлинных причин ненависти к богомилам и преследований их со стороны правящих феодальных верхов Болгарии.

После смерти Ивана Калояна (1197—1207) из династии Асенов, освободителей Болгарии от византийской зависимости и создателей Второго болгарского царства, одна из придворных боярских партий посадила на болгарский престол своего ставленника, Бориса, или Борила,—племянника Петра, Асеня I и Калояна по сестре. В связи с этим законные престолонаследники, сыновья Асеня I, Асень и Александр, принуждены были эмигрировать за границу, на Русь. Оттуда через своих доверенных лиц и сторонников, какими были богомилы, они поддерживали связь с Болгарией и подготавливали почву для своего восстановления в правах. Исполнителем этих планов братьев асеновцев в Болгарии были богомилы, которые не могли примириться с захватчиком престола боярским ставленником Борисом. Известно, что в 1211 г. царь Борис II (Борил), с благословения папы Иннокентия III, созвал духовный собор, в котором принимали участие ярые его приверженцы, посадившие его на престол, представители высшего духовенства и боярства. Собор осудил богомилство как вредную и злейшую ересь, а в «Синодике» царя Бориса, являющемся документом этого собора, рассказывается, что богомилы устраивали ночные собрания, вели подпольную работу и проповедывали вредные учения. Эти ночные собрания богомилов и тайная работа, за которую собор предал их анафеме и приговорил к суровым наказаниям, в действительности были посвящены не агитации вредного вероучения, а подготовке политического переворота, в результате которого узурпатор Борис III должен был быть свергнут с престола, а асеновцы восстановлены в своих законных наследственных правах. Богомилы уже и в это время представляли собою крупную политическую силу, и в рядах их сторонников имелось много и не-богомилов. Поэтому собор предал анафеме не только «еретиков»-богомилов, но и их сторонников, принимавших вместе с ними активное участие в подготовке низложения с престола Бориса. Кроме того, «Синодик», имея в виду, очевидно, эмиссаров асеновцев и их приятелей в Болгарии, служивших связью между эмигрантами и болгарскими богомилами, преда-

вал анафеме всех, кто оказывал содействие вора́м, убийцам, разбойникам и т. п. Этим «преступным» элементом в действительности были приверженцы и сторонники Ивана Асеня, не принадлежавшие к богомильским кругам. В целях же реабилитации членов собора в глазах широких масс, которые не могли ни сочувствовать постановлениям собора, вынесенным приверженцами Бориса, ни разделять их, «Синодик» провозглашает вечную память всем боярам, священникам, монахам и всем тем, кто был покорным и приверженным царю Борису и архиереям. Несмотря, однако, на все принятые Борисом суровые меры по отношению к богомилам, Иван Асень при содействии богомилов вернулся в Болгарию в сопровождении русского военного отряда и осадил Тырново, где заперся Борис. Долгое время Борис держался в осажденной крепости, но затем бежал, по дороге был пойман, ослеплен и низложен с престола.¹ После этого болгарский престол перешел к Ивану Асеню, который управлял Болгарией под именем Ивана Асеня II с 1218 по 1241 г. Как мы уже отметили выше, Второе болгарское царство под управлением Ивана Асеня II достигло наивысшего политического и культурного расцвета. Правление же Бориса (1207—1218), лишённого поддержки народных масс, возглавлявшихся богомилами, было так же злополучно для Болгарии, как в свое время и правление Петра I (927—969).

В распоряжении исследователя нет, к сожалению, каких-либо документов, которые непосредственно принадлежали бы самим богомилам. Поэтому, чтобы получить представление об основных идеологических установках богомильства, нам приходится по необходимости обращаться к документам, принадлежащим противникам и классовым врагам богомилов, и на основании обвинений их в преступных деяниях воссоздавать подлинную сущность богомильства, как социально-политического движения и вероисповедной догмы.

В ряду этих документов важнейшими и основными для болгарских богомилов являются два: «Слово святого Козьмы пресвитера на еретики» и «Синодик царя Бориса». Более же полное представление о богомильстве вообще дают дополнительно соответственные византийские и боснийские источники.

Судя по данным «Слова» пресвитера Козьмы и «Синодика Бориса», болгарские богомилы обвинялись в том, что они: 1) ненавидели духовенство и нападали на него; 2) проповедывали неповиновение властям, хулили богатых, ругали старейшин, укоряли бояр, считали негодными богу тех, кто служит царю, и проповедывали, что раб не должен служить своему господину; 3) устраивали ночные собрания; 4) вербовали приверженцев, т. е. вели пропаганду своего учения; 5) придерживались народных обычаев и исполняли народные религиозные обряды; 6) вели агитацию за отчуждение церковных, епископских и монастырских имений; 7) пытались разными средствами посягнуть на жизнь царя; 8) занимались чародейством и пророчествами; 9) помогали вора́м, убийцам и разбойникам.²

Как мы видим, все эти пункты обвинения представляют собою тенденциозное искажение противниками богомильства его основных социально-политических установок и социально-политической практики. Болгарские богомилы не были анархистами,—они вели органи-

¹ Н. П. Благоев. Назв. соч., стр. 94—97.

² Источники по изучению богомильства указаны, между прочим, у Н. П. Благоева (назв. соч., стр. 62—64). Здесь же дана и библиография вопроса.

зованную борьбу с эксплуататорами народного труда, светскими и церковными феодалами и с поддерживавшей их верховной властью. Борьбу эту они вели как путем агитации и пропаганды своих убеждений, так и путем организации народного труда и быта на новых, коллективных началах общежития, отвечавших интересам подлинного раскрепощения трудящихся от власти эксплуататорских классов. Богомилы отвергали господствовавший социально-политический строй, покоившийся на эксплуатации и несправедливости трудящихся, а признавали самоуправляющуюся трудовую общину экономически и политически равноправных граждан. Они не отвергали государства, но считали, что оно должно существовать на началах федерации политически равноправных самоуправляющихся общин. Борясь с эксплуататорами народного труда, богомилы отвергали частную собственность и строили свои общины на коллективной собственности.

В области религиозно-догматической богомилское учение, оставившее глубокие следы в болгарском народном быту, признавало два равносильных верховных существа: бога добра и бога зла. Первое существо был Бог-отец, второе—Сатанаил.

Бог-отец создал невидимый мир, т. е. ангелов; во главе их стоял Сатанаил. Возгордившись, Сатанаил вместе с группой ангелов поднял бунт против Бога-отца, за что был изгнан с неба и, пользуясь своим даром творчества, создал видимый мир — землю, растения, животных, птиц и человека—Адама. Однако дать Адаму душу Сатанаил не смог, ибо душа, которую он вдохнул в Адама, прошла через правый бок Адама, вышла в виде жидкости через большой палец его ноги и превратилась в змею. Тогда Сатанаил, удрученный своею неудачею, обратился за помощью к Богу-отцу и своими льстивыми обещаниями добился того, что Бог-отец не только даровал человеку душу, наделив ее своими благими качествами, но и создал ему жену—Еву. Это не понравилось Сатанаилу, и он начал строить козни против человека. Прежде всего он соблазнил прекрасную Еву, которая родила от него двух детей—сына Каина и дочь Каломену. В то же время от Адама Ева родила сына Авеля, который был чист и добр.

Подстрекаемый Сатанаилом, Каин убил Авеля. Так же должны были погибнуть и все люди, ибо Сатанаил, совратив души первых людей, утратил свою красоту, стал гнусным и мрачным и поставил своею задачею всяческими злодействами отделить людей от бога. Для этого он наслал на людей потоп, смешал языки, рассеял их по всей земле, погубил Содом и Гоморру, явился затем на Синае и через Моисея дал людям скверные законы. Чтобы спасти гибнущее от козней Сатанаила человечество, Бог-отец, спустя 5500 лет после сотворения мира, послал людям своего сына — Слово, которого люди называли Иисусом. Слово вошло через ухо девы Марии и вышло из него в виде тела человека. Но так как, явившись к людям, сын божий попал во власть Сатанаила, то он был преследуем, мучим, судим и, наконец, распят на кресте. Однако как страдания его, так и смерть, а затем и воскресение — все это было призрачным. Воскресением своим сын божий победил Сатанаила, заковал его в цепи, лишил его творческой силы, а также отбросил от его имени частицу «ил», которая была только в именах ангелов, и от Сатанаила остался только Сатана. Развенчанного таким образом Сатанаила Иисус заключил в ад, а сам после этого, исполнив возложенное на него Богом-отцом поручение, возвратился на небо, где и соединился с отцом, а его плоть человеческая осталась в воздухе.

Такова вкратце теогоническая и космогоническая сторона богомильского учения, нашедшая свое отражение во множестве болгарских народных легенд, поверий и сказок.

Что касается богомильской догматики и морали, то: 1) богомилы целиком отвергали официальное христианское учение, иерархию, все церковные обряды и таинства, а также и церковное богослужение; 2) отвергали иконы, считая почитание их идолопоклонством; 3) не чтили креста, считая его орудием наказания; 4) не признавали мощей; 5) не чтили богородицы, ибо не считали ее матерью Иисуса; 6) отвергали причастие, ибо хлеб и вино—создание Сатанаила; признавали крещение только духом и огнем, а не водою, согласно евангелию, и при этом только для взрослых; исповедывались и калялись богомилы в своих грехах публично и не перечисляя их. Они не верили в воскресение тела, ибо тело—создание Сатанаила, в воскресение души; не строили храмов, ибо храмы—жилища демонов и Сатаны. Молитву совершали они четыре раза в день и столько же раз ночью, читая «Отче наш». Отвергая все церковные таинства, богомилы, в частности, не признавали и брака и, в случае пожелания одной из сторон, разрешали свободный развод. Они не признавали никаких праздников, в том числе и воскресенья, и работали все дни недели. Питались богомилы вообще только растительной пищей, соблюдали три сорокадневных поста в году, а кроме того, постились в течение недели три дня, питаясь во время поста только хлебом и водою. Из священных книг они признавали Евангелие, Апостол и Апокалипсис, Ветхий же завет отвергали как творение Сатанаила. Убийство человека и животных считалось величайшим грехом; не возбранялось только убивать змей, ибо они—создание Сатанаила; отвергалось убийство даже в целях самозащиты, а также война и смертная казнь. Богомилы не верили в реальность чудес, приписываемых Иисусу, и толковали их как определенные образы: вроде, например, того, что хлеб, которым Иисус накормил несколько тысяч человек, это—слово жизни; укрощенная буря—это страсти, владеющие человеком по внушению Сатанаила, и т. п. Они были против лжи и клятв и не скрывали правды, и т. д.

Богомильская община делилась на верующих и совершенных или избранных. Последние подчинялись более суровому уставу, чем рядовые верующие, и посвящали себя исключительно агитационной работе. Рядовые богомилы имели право вступать в брак, служить на государственной службе и принимать участие в войнах. В богомильских общинах все члены, без различия пола и общественного положения, пользовались равными правами. Руководители общин, какие бы они обязанности ни выполняли—религиозные ли, светские ли, действовали только по уполномочию общины.

В личной жизни богомилы отличались скромностью, воздержанием и простотой; почти все они были грамотны, в каждой общине имелось училище. В богомильских общинах были широко поставлены взаимопомощь, благотворительность, уход за больными и социальное воспитание.

Любимым времяпрепровождением богомилов в свободные от труда часы было чтение, в виду чего именно богомилам древнеславянская литература обязана многими своими произведениями, которые и до сих пор живут в устах болгарского народа в виде народных сказок, легенд, рассказов и песен и которые из Болгарии вместе с книжной литературой перешли и к другим славянам. Это так называемая апокрифическая литература, т. е. рассказы и повествования на

темы из Ветхого и Нового заветов, но свободно переработанные и дополненные такими подробностями, которых нет в санкционированных церковью или канонизированных книгах священного писания. К числу таких произведений относятся, например: «Слово об Адаме», в котором подробно рассказывается о том, как жили Адам и Ева после изгнания их из рая — как они работали, умерли и были погребены; «Хождение богородицы по мукам», «О винном питии, измышленном диаволом», в котором говорится о том, что деревом познания добра и зла была виноградная лоза, и что Адам и Ева, согрешившие, вкусив плода от этого дерева, ни больше ни меньше как упились виноградным соком, и т. п.

Труду попа Иеремии приписывается перевод с греческого важнейшей у богомилов книги: «Слово о крестном древе», в которой, между прочим, рассказывается о трясавицах—12 дочерях Ирода; о том, как Христос пахал плугом; как и из скольких частей был создан Адам; есть заклинания против злых духов, или так называемых нежитей, и т. п.

Другую чтимую богомилами книгою были «Вопросы святого Иоанна и ответы Христа». Это — краткое изложение в катехизической форме религиозных основ богомилства.

Вся эта апокрифическая богомильская литература получила широкое распространение не только в Болгарии, но также и у сербов и в древней Руси. Ее охотно читали и слушали в оппозиционно настроенных против церковности народных кругах, воспитывавших на этих книгах и рассказах свое самосознание и усваивавших из них факты и идеи, которые, проникая из книг в народные массы, продолжали жить здесь в устном предании в форме рассказов, заговоров и поверий. Последние затем нередко превращались в известные нормы поведения и на долгое время сохранили в народном быту именно это значение.

Широкою волною вливаясь к соседним славянским народам—к сербам, хорватам и русским, болгарская апокрифическая литература не только усиленно здесь читалась, переписывалась и перерабатывалась на собственный лад, но и вызывала местное оригинальное творчество. Так, между прочим, возникли у русских «духовные стихи», распевавшиеся еще недавно кое-где на площадях и рынках слепыми певцами и музыкантами, в частности — и знаменитый стих «О Голубиной книге». Вообще древнерусская литература развивалась под сильным влиянием болгарской апокрифической литературы богомилов. То же имело место и у сербов.¹

Из Болгарии богомильское учение быстро распространилось по всему Балканскому полуострову, проникло в Грецию, Сербию, Боснию, Далмацию. Отсюда оно перекинулось в Италию, Францию, Германию, Англию. В Болгарии последователи богомилства носили название — богомилы, бабуны, техникеры, торбеши; в Греции — богомилы, фунданты; в Боснии и Италии — патарены и катары; в южной Франции — альбигойцы или болгары (бугры), а также катары, вальденцы; в Германии и Англии — катары. Крупную роль повсюду в этих странах играли богомильские деятели, епископы, в качестве организаторов, руководителей и учителей. Таким образом, Болгария стояла во главе движения, принявшего в XIII—XIV вв. широкий международный харак-

¹ Д. Мишев. България в миналото. София, 1916, стр. 58—103. Здесь же указана и обширная литература о богомилстве.

тер и выразившегося, между прочим, в России в секте стригольников, которые, подобно богомилам, отрицали церковную иерархию, предоставляя право учительства всякому посвященному в их учение, отрицали храмы, держались дуалистического воззрения на мироздание и т. п.

Для того чтобы парализовать быстрые успехи широкого распространения богомильской ереси, официальной церковью были мобилизованы богословы-проповедники, которые в устной и письменной форме вели усердную антибогомильскую пропаганду, стараясь всячески дискредитировать в глазах своей паствы и самое учение и его приверженцев. Наиболее выдающимся из дошедших до нас произведений этой обличительной литературы, как отметили мы выше, является «Беседа на новоявившуюся ересь Богомилу» болгарского священника Козьмы, жившего в X в. В этой «беседе» излагается история богомильства и дается критический разбор его догматики. В другом аналогичном сочинении, известном под именем «Синодик», болгарского царя Бориса III (1207—1218), содержатся постановления против богомильства, принятые на Тырновском соборе, бывшем при Борисе. Третье из дошедших до нас полемических сочинений против богомильства принадлежит византийскому писателю, монаху Евфимию Зигавину, и носит заглавие «Догматическое всеоружие православной веры»; оно было написано автором по поручению византийского императора Алексея Комнена (XII в.).

Словесною борьбою, однако, дело не ограничивалось, — против богомильства одновременно велась также борьба огнем и мечом, возглавлявшаяся византийским правительством и римским папой Иннокентием III. В 1111 г. в Константинополе после пятидесятилетней агитационной работы был осужден и сожжен один из виднейших богомилов, врач Василий. Такая же участь постигла и многих доверчивых богомилов, явившихся по приглашению царя Бориса на Тырновский собор. Сербский король Стефан Неманя (XII в.), инспирированный римской курией, тоже созвал для борьбы с богомильством специальный церковный собор, провел через него определенные антибогомильские решения и, опираясь затем на эти решения, множество богомилов казнил, изувечил и заключил в тюрьмы. Таким образом, богомильство в Сербии, в угоду Риму и Византии, благоволение которых было крайне необходимо сербскому королю, было вырвано с корнем.

Разгромленное в Сербии богомильство укрылось в Боснии и пустило здесь столь глубокие корни, что во время правления бана Кулина (XII в.) сделалось почти государственной религией, причем сам Кулин с женой, ближайшими родственниками и 10 тысячами народа приняли богомильство. Когда дело зашло так далеко, что богомильство стало завоевывать города и находить себе приют в среде господствующих классов, на защиту «истинного» христианства выступил римский папа со своей инквизицией и объявил поход против богомильства. Он подверг кровавому разгрому Боснию и в течение двадцати лет вел вооруженную борьбу с альбигойцами в южной Франции, предав опустошению ее цветущие области и чуть ли не поголовно уничтожив все ее население.

Богомильство было, таким образом, задушено, но лежавший в его основе социально-политический протест угнетенных народных масс против эксплуататорских классов феодального общества продолжал жить, вновь вспыхнув вскоре в вальденстве, в учении Яна Гуса и в знаменитых гуситских войнах (XV в.)

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА О БОГОМИЛАХ

1. М. Арnaudов. Студии върху българските обреди и легенды. София, 1924.
2. Н. П. Благоев. Правни и социални възгледи на богомилите. София, 1912.
3. Е го же Беседата на презвитер Козма против богомилите. Годишник на Юридическия факултет при Соф. университет за 1922—1923 гг., София, 1923.
4. J. Ch. Wolf. Historia bogomilorum. Württemberg, 1712.
5. Е. Е. Голубинский. Краткий очерк истории православных церквей — болгарской, сербской и румынской. М., 1871, стр. 154—165 («Ересь богомилов»).
6. Dölinger. Beiträge zur Sektengeschichte des Mittelalters. München, 1889, I, 18 и др.
7. М. С. Дринов. Исторически преглед на българската църква. Вена, 1869.
8. Е го же. Южные славяне и Византия в X веке. Чтения в Обществе истории и древностей российских, кн. 3, М., 1875; Съчинения на М. С. Дринова, т. I, София, 1909, стр. 365—520; т. II, стр. 49—54.
9. Engelgardt. Kirchengeschichtliche Abhandlungen. Erlangen, 1872.
10. Евфимий Зигавин (конец XI в.). «Панопліа». Migne. Patrologia, р. graeca, 130. Титул XXVII посвящен обличению богомилов.
11. То же. Narratio de Bogomilis, seu Panopliae dogmaticae titulus XXVII. Editio Gieseler's. Göttingae, 1842.
12. В. Н. Златарски. История на българската държава през средните векове, т. I, ч. 2, гл. V, § 2. София, 1927, стр. 541—567.
13. К. Иречек. История на българите. Търново, 1888, стр. 226.
14. Истомин. Историческое исследование о богомилах. Харьков, 1876.
15. Каролев. За богомилство. Периодическо Списание, год. I, кн. 3, 5—6, 7—8.
16. Киприанович. Жизнь и учение богомилов по Паноплии Евтимия Зигабена. Православное Обозрение, 1875, VII—VIII.
17. В. С. Киселков. Презвитер Козма. Карнобай, 1921.
18. П. А. Лавров. К вопросу о Синодике царя Борила. Летопись Историко-филол. общества при Новорос. универс., Византийско-славянск. отд., V, Одесса, 1900.
19. Левицкий. Богомилство — болгарская ересь X—XIV вв. Христианское Чтение, 1870, I, III—IV.
20. A. Lombard. Pauliciens, Bulgares et Bonshommes. Genève, 1879.
21. Д. Мишев. България в миналото, гл. III, Ролята на България в реформацията. София, 1916, стр. 58—103.
22. С. Н. Палаузов. Богомилство. Православное Обозрение, 1873, июль.
23. М. Панчов. За богомилите. Библиотека на Славянска Беседа, II, кн. 3, София, 1907.
24. М. Г. Попруженко. Козмы презвитера Слово на еретики и поучение от божественных книг. Памятники древней письменности и искусства, № CLXIII, изд. Общества древней письменности, СПб., 1907.
25. Е го же. Болгарский пресвитер X в. Козма и испанский драматург XVII в. Кальдерон. Българска Мисъл, 1933, г. VIII, кн. VIII—XI, стр. 601—606.
26. Е го же. Синодик царя Бориса. Изв. Русск. археологич. инст. в Константинополе, т. V, Одесса, 1899.
27. Е го же. Синодик царя Бориса. Български Старини, кн. VIII, София, 1928.
28. Е го же. Козма Презвитер. Изв. Русск. археологич. инст. в Константинополе, кн. XV (1911).
29. Б. Петранович. Богомили, църква босанска и кршћани. 1867.
30. К. Радченко. Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. К., 1898.
31. Е го же. Малоизвестное сочинение Евфимия Зигабена, трактующее о богомилах. 1902.
32. Rački. Bogomili i patareni. «Rad» Югославской Академии наук, кн. VII, X. Загреб, 1869—1870.
33. К. Тер. Mkrttschian. Die Paulikianer im Bysanth. Kaiserreiche, 1893.
34. Йорд. Трифонов. Беседа на Козма презвитера и нейният автор. Списание на Бълг. ак. на науките, кн. XXIX, 1923, стр. 1—77.
35. Порфирий Успенский. История Афона, III, отд. 2. СПб., 1892.
36. Ф. Ив. Успенский. Очерки по истории византийской образованности, гл. V. СПб., 1892, стр. 385—388.

37. Н. Филипов. Върху произхода на богомилство. Български преглед. София, год V, 1899, кн. 5, стр. 89—105; кн. 6, стр. 81—97.
38. Т. Д. Флоринский. К вопросу о богомилах. Сборник статей в честь Вл. Ив. Ламанского, СПб., 1883, стр. 30—40.
39. Schmidt. Histoire et doctrine... des Cathares ou Albigeois. Страсбург, 1849.
40. Осокин. История альбигойцев. 1890, стр. 141—161.

Литература о стригольниках в связи с богомилами

1. Д. Ив. Иловайский. История России, т. II, стр. 407 и сл.
2. Никитский. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873, стр. 228—231.
3. А. Д. Седельников. Труды Отдела древнерусской литературы Института литературы Академии Наук СССР, т. I, стр. 121—136.
4. Н. С. Тихонравов. Труды II Археологического съезда, вып. 2, стр. 35 и сл.
5. Ф. Ив. Успенский. Очерки по истории византийской образованности, гл. V. СПб., 1892, стр. 365—388.

Глава IV

БОЛГАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ ПЕРВОГО БОЛГАРСКОГО ЦАРСТВА

§ 1. ВИЗАНТИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА — ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В эпоху Первого царства, начиная с Бориса-Михаила, в Болгарии, как было отмечено выше, зарождаются начатки письменности или литературы на славянском болгарском языке.

Возникнув из потребностей государства, диктовавшихся интересами стабилизации страны, как великой европейской державы, не уступавшей в то время ни в территориальном, ни в политическом отношении мировой державе — Византии, болгарская литература очень быстро выросла в мощную силу, которая не только содействовала культурному подъему болгарского народа, но вскоре послужила важнейшим источником возникновения первой литературы у сербов и на Руси. Болгарская литература, расцвет которой падает на время Симеона, дала этим народам литературный язык и круг чтения, необходимого для культурно-просветительных целей того времени.

Общий характер болгарской литературы в то время обусловливался прежде всего потребностями пропаганды и внедрения христианского вероучения в сознание народных масс и затем его первоисточником, т. е. культурой Византии. Характеризуя в общих чертах болгарскую литературу Симеонова времени по содержанию, форме и идейной направленности, можно сказать, что преимущественно она была переводная с греческого языка, носила просветительный характер и служила для популяризации православного христианского вероучения. Дополнением к ней служили произведения общеобразовательного характера, вроде исторических хроник, тоже переводные с греческого. Таким образом, как в основу строительства новой государственности и церковности, так и в основу строительства новой культуры в Болгарии были положены византийские образцы. С этой точки зрения болгарская литература представляет собою небольшой, сравнительно с обширной византийской литературой, участок византийской же литературы, но в болгарско-славянской редакции. В идейном же отношении она носит яркую печать борьбы славянского народа за свое культурно-национальное самоопределение и в этом смысле представляет собою самостоятельную, национальную по форме

и содержанию литературы болгарского феодального средневековья.

Сущность своеобразной византийской культуры, на которой выросла болгарская литература, заключается, по характеристике Маркса, в том, что она представляла собою «амальгаму западной цивилизации и восточного варварства». В состав этой амальгамы входили: 1) элементы античной традиции и эллинизма: 2) христианство, ставшее с IV в. государственной религией и 3) элементы азиатского и варварского востока.¹

Таким образом, «византийская литература и искусство были проникнуты античными традициями, но, сохраняя античные традиции, культура Восточно-римской империи получила церковную, христианскую окраску, и на смену античной светской философии пришло православное богословие».²

В истории византийской культуры различают несколько периодов. Начальный ее период, V—VI вв., рассматривается обыкновенно как переходный от античной к средневековой культуре. В это время язычество окончательно сходит со сцены, и христианство торжествует полную победу; возникает своеобразное искусство, в котором эллинистические традиции перерабатываются на основе восточных влияний, в результате чего появляются новые формы в архитектуре, живописи, скульптуре. Блестящим образцом византийской архитектуры того времени является Софийский собор в Константинополе, построенный в VI в. и ставший образцом и прототипом церковной архитектуры для всего христианского Востока. Тогда же вырастает и своеобразный византийский стиль в живописи — «холодный, торжественный, монументальный, изобилующий украшениями, с богатством красок, чисто восточного характера».

Хуже обстояло, однако, дело с античной наукой и философией. Ревностные прозелиты христианства ведут в это время беспощадную борьбу с язычеством, уничтожают знаменитую Александрийскую библиотеку, десятками и сотнями бросают в тюрьмы грамматиков и риторов, закрывают в 529 г. (Юстиниан) высшую школу в Афинах. Единственным и авторитетнейшим источником познания природы и человека христианство объявляет «священное писание» и все свои силы направляет к истолкованию мироздания на основе данных «священного писания». Появились «Шестодневы», в частности знаменитый «Шестоднев» Василия Великого, «сделавшийся на долгие века энциклопедией естествознания во всех странах христианского Востока». Другим образцом византийской науки был не менее популярный в средние века труд Косьмы Индикоплевста (VI в.), известный под заглавием «Христианская топография». Труд этот был известен и в славянской письменности под именем автора «Косьмы Индикоплова». В то время как античная наука в области познания мироздания в трудах целого ряда ученых (Диксарх Мессенский, Эратосфен Киренский, Аристарх Самосский и др.) сделала значительные успехи и сумела дать довольно точное определение величины Земли, подойти к представлению о вращении Земли вокруг Солнца и даже вычислить расстояние от Земли до главных светил, Косьма Индикоплевст отверг все эти достижения «языческой» науки и построил свою собственную «концепцию». Земля, по Индикоплевсту, не шар, а плоскость формы параллелограмма, окруженная со всех сторон океаном, за которым находится рай, а от крайних границ рая поднимаются

¹ М. В. Левченко. История Византии. 1940, стр. 88.

² Там же.

стены, которые сходятся у нас над головой, образуя небесный свод. Выше небесного свода помещается жилище бога и других небожителей, а еще выше движутся Солнце и Луна.¹

Представители византийской учености исходили из убеждения ограниченности человеческого разума для познания «премудрости божией» и эту предпосылку клали в основу своих «научных» трудов, которые сводились или к истолкованию текстов «священного писания» в пределах основных догматов православного вероучения, или к объяснению явлений природы и человеческой жизни на основе данных «священного писания». По воззрениям византийских ученых, миром правит высшая «божественная воля», разумно направляющая человека к спасению, но так как человеческий разум по своей слабости не способен к познанию «неисповедимых путей божественного провидения», то человеку остается только созерцать величие творения премудрости божией, восхищаться им и славить творца, а не изыскивать причины и следствия явлений природы или исторической жизни человека. Таким образом, наука и философия в Византии были отданы на службу интересам православия и церкви; теология, т. е. богословие, заменила собою философию, наука превратилась в мертвую схоластику. Таковы в общих чертах основы византийско-христианского мировоззрения, сменившего собою старое античное натуралистическое мировоззрение и на многие века прочно утвердившееся в теории и в практике восточно-христианских народов.²

В этот переходный от античности к средневековью период, когда в Византии в трудах «отцов церкви» получает свое окончательное оформление византийское православие и когда церковь ведет решительную борьбу с последними остатками идеологического наследия античной науки и философии, византийская поэзия отмечена несколькими поэтами, в творчестве которых еще бьется пульс живого чувства непосредственной жизни, характерный для античного творчества. Таковы поэты Нонн (V в.), Агафий (VI в.), Павел Силенциарий (VI в.), Георгий Писидас (VII в.). Наиболее выдающимся из них был Агафий, автор стихотворного сборника «Дафника» в 9 книгах. По живости содержания и художественности формы произведения его написаны в духе античных поэтов — Анакреона (VI в. до н. э.) и Сафо (VII—VI вв. до н. э.). Однако уже в творчестве этих наиболее выдающихся византийских поэтов появляются церковные мотивы в византийском духе. Так, например, Нонн пересказывает в стихах евангелие; Агафий пишет стихотворения на тему о святости Луки; Георгий Писидас пишет философско-богословскую поэму «Шестоднев» на тему о сотворении мира и вообще посвящает свое творчество прославлению самодержавия и православия.³

Но церковная поэзия в то время уже начинает преобладать над светской. Ей посвящают свое творчество Роман Сладкопевец, император Юстиниан и патриарх Сергий. Наиболее выдающимся из этих поэтов, авторству которого приписывается свыше тысячи церковных песнопений, был Роман Сладкопевец.

Из прозаических сочинений особенной популярностью в то время пользуются труды исторического характера: Прокопия Кесарийского, Агафия, Петра Патрикия, Менандра Протектора, Феофилакта Симо-

¹ М. В. Левченко. Назв. соч., стр. 92 и сл.

² Подробнее см. М. В. Левченко. Назв. соч., стр. 88—99. Здесь же указана и соответствующая литература.

³ Там же, стр. 95.

катты. Эти представители византийской историографии переходного периода от античности к средневековью еще тесно связаны, в смысле формы, языка и мировоззрения, с традициями античной историографии. Самым выдающимся из византийских историков того времени, и вообще наиболее крупным из византийских историков всех времен, является историк-царедворец Прокопий Кесарийский. Его знаменитая «История войн» (Ἱστορίων) в 8 книгах представляет собою ценный источник и для истории славян.

Другую группу исторических трудов этого периода византийской литературы составляют так называемые хроники. Это были более примитивные во всех отношениях исторические сочинения, дававшие обзор всемирной истории по библии и с точки зрения библии, в плане простого летописного перечисления событий, без критического отбора более существенного от менее существенного и без какой-либо попытки установления причинной связи между историческими событиями. Первым представителем этого исторического жанра в византийской литературе был Иоанн Малала.

IV век в истории византийской литературы отмечен целым рядом крупнейших писателей, труды которых были посвящены разработке отдельных философских, моральных, догматических и практических вопросов христианского вероучения. В целом они дали законченную идеологию византийского православия и явились поэтому основоположниками византийского христианского вероучения. К этим писателям, так называемым «отцам церкви», относятся: Афанасий Александрийский, Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст. Большинство из них получило образование в греческих риторических школах, где особенно процветало ораторское искусство как специфическое искусство античного мира, имевшее блестящие образцы. Названные писатели переносят эту античную традицию в христианскую литературу, но их риторика, лишенная глубины, ясности, свежести античной мысли, приводит к развитию в византийской литературе, блестящей по форме, но бесцветной и туманной по содержанию риторической декламации.

Афанасий Александрийский (296—373) известен в истории византийской церкви и византийской церковной литературы, как один из самых выдающихся борцов против еретика Ария (256—336), не менее выдающегося и талантливое деятеля и борца, возглавлявшего оппозицию против господствующей официальной церковной догматики. Предметом споров Афанасия Александрийского с Арием было догматическое учение о «святой троице». Афанасий Александрийский стоял на точке зрения единственности и нераздельности бога-отца, бога-сына и бога-духа. На Никейском соборе в 325 г. этот тезис Афанасия Александрийского получил санкцию и был включен в качестве священного догмата православной церкви в так называемый «Символ веры», представлявший собою основной идеологический кодекс христианского православного вероучения. Арий же утверждал, что сын не вечен, не существовал до рождения и не был безначальным. Признать сына «частью единосущного» для Ария и его сторонников значило считать «отца сложным, и разделяемым и изменяемым».

Борьба православия с арианством в византийской общественности носила длительный и напряженный характер и закончилась только в конце IV в., когда в 381 г., при Феодосии Великом, арианство было сломлено репрессивными мерами. Ликвидированное в столице православия арианство, однако, и после этого вплоть до VII в. продол-

жало держаться у остготов, вестготов в Испании, у вандалов в Северной Африке, а также у бургундов и лангобардов.

Перу Афанасия Александрийского принадлежит несколько сочинений апологетического характера, в том числе три сочинения, направленные против ариан, и житие св. Антония.

Василий Великий (331—373), прозванный Великим за свою обширную литературную деятельность, получил образование в Константинополе и Афинах. По возвращении в родной город, Неокесарию, он посвятил себя риторской деятельности, т. е. был учителем красноречия и словесности. Вскоре после этого он принял христианство, вступил в монастырь возле Кесарии и, наконец, был избран епископом Кесарии, где и провел всю свою жизнь, посвятив себя проповеднической и литературной работе.

Литературное наследие Василия Великого состоит из проповедей, апологетических сочинений против ариан, толкований (в том числе и «Шестоднев»), из 24 поучений и 365 писем. Кроме того, Василию Великому принадлежит установление чина церковного богослужения, так называемой «литургии». В византийской церковной литературе сочинения Василия стали основными сочинениями по вопросам вероисповедной догматики и много раз переводились.

Григорий Богослов (329—389), прозванный по месту своей деятельности Назианзином (г. Назианз в Каппадокии в Малой Азии), получил образование в Александрии и в Афинах. Там он познакомился с Василием Великим и завязал с ним дружеские связи. Будучи епископом в Назианзе, он был приглашен императором Феодосием на константинопольский патриарший престол, но от этого предложения отказался, посвятив себя исключительно литературной деятельности. Им написаны «Слова», письма (1240) и песни. В своих письмах Григорий советует, между прочим, изучать античную философию и науку, поскольку они могут просветить разум и образовать его, чтобы он поднялся до высоких истин философии и веры. В частности, Григорий Богослов известен как лучший из церковных поэтов. У византийских читателей сочинения Григория Богослова пользовались широкой популярностью, часто комментировались византийскими писателями и переводились на иностранные языки. Вторым после Григория Богослова поэтом того же времени был Синезий (370—408).

Иоанн Златоуст (347 или 344—407) — самый талантливый и блестящий писатель IV в. Сириец по национальности, он родился в Антиохии, где получил образование у знаменитого ритора Ливания. Иоанн Златоуст посвятил себя юридической деятельности, затем принял христианство и занялся изучением книг христианского культа. В молодые годы он выдвинулся как блестящий проповедник. В 398 г. занял пост константинопольского патриарха, но за свои смелые публичные разоблачительные выступления, направленные против императрицы и любимца императора Евтропия, был низложен с патриаршего престола и заключен в тюрьму, где и умер.

Огромное литературное наследие Иоанна Златоуста состоит из сочинений теологического и полемического характера, из толкований священного писания, проповедей и писем. Все эти труды пользовались широкой популярностью в средние века и переводились на все языки.

К IV в. относится деятельность еще одного знаменитого византийского писателя, Епифания Кипрского (367—403), историка еретических учений, известного своим сочинением мистического

характера под заглавием «Физиолог», которое в свое время было переведено и на болгарский язык.¹

Эти писатели, так называемые «отцы церкви», дали в своих многочисленных произведениях широко развернутую идеологическую систему, которая легла в основу византийского православия и, санкционированная господствующими классами, на многие века сделалась в их руках орудием эксплуатации трудящихся.

Сущность этой системы составляло «учение о загробной жизни, как о жизни вечной, противопоставляемой жизни земной, временной, служащей лишь введением в жизнь вечную и являющейся юдолюю скорби и греха».²

В связи с этим в византийской литературе получает широкое развитие особый жанр повествовательной литературы, так называемые «жития святых», имевшие своей задачей иллюстрировать на конкретном материале, обильно при этом насыщенном вымыслом и примитивной фантастикой, основное положение о земной жизни, как «суете сует», как временном существовании, неизбежно связанном для человека со страданиями. За этой жизнью, однако, человека ждет воздаяние сторицей на небесах, и чем больше он страдает на земле, тем большая мзда ждет его в царствии небесном. Поэтому отречение от земных радостей, самообращение на житейские лишения и страдания во имя счастья и радостей загробной жизни возводится житийной литературой на степень высочайшего подвига и христианской добродетели и превозносится как образец подражания для истинно верующих сынов православной церкви. Эта своеобразная идеология усыпляла мысль, притупляла классовое сознание угнетенных масс, воспитывала настроение непротivления злу и насилию и прекрасно, в конце концов, служила интересам эксплуататорских классов.

Но лучшие образцы житийной литературы, написанные талантливыми литераторами своего времени, чуждые крайностей фантастического вымысла и посвященные жизнеописаниям выдающихся деятелей на поприще борьбы за новую культуру и просвещение, за интересы новой общественности, представляли собою художественные биографические повести и вошли в историю литературы как ее ценное приобретение. К числу таких произведений относятся, например, «Жизнь святого Антония» Афанасия Александрийского, «Лавсаик» (Λαυσαϊκόν, Historia Lausaika) Палладия, «Луг» (Λειρόν) Иоанна Мосха (VI—VII вв.), откуда ведут свое начало многочисленные славянские «Лимонарии», и др.

VII—IX вв. в истории Византии характеризуются как время культурной депрессии, снижения литературной деятельности, что находилось в тесной связи с катастрофическими событиями, переживавшимися в то время Византией во внутренней и внешней жизни и вызвавшими значительные сдвиги в ее экономике, социальных отношениях и идеологии. Во внутренней жизни Византии в это время происходят два крупных прогрессивных социально-политических движения: иконоборство и павликианство. Оба эти движения были ликвидированы, когда либеральное правление императоров Исаврийской династии сменила реакционная македонская династия во главе с Василием I (867—886), разгромившим революционно-демократическую павликианскую секту и отменившим

¹ Б. Ангелов. Българска литература, ч. I. София, 1923, стр. 19—25.

² М. В. Левченко. Назв. соч., стр. 90.

либеральное законодательство исаврийцев («Эклога» и «Земледельческий закон»).

Крупнейшим представителем византийской литературы в это время, литературы восторжествовавших «иконопочитателей», сумевших ликвидировать культурное наследие своих идейных противников — иконоборцев и павликиан, — которое поэтому до нас и не дошло, является, прежде всего, Иоанн Дамаскин (умер в Иерусалиме в 754 г.). Он был автором множества сочинений догматического, аскетического и полемического характера, направленных против различных сектантских вероучений, как, например: «Состязание христианина с сарацином», «Состязание православного Иоанна с манихеем», «Против несторианской ереси» и т. п. Крупнейшим его произведением было сочинение под заглавием «Источник знания», состоящее из трех частей: «Догматики», «Книги о ересьях» и «Точного изложения православной веры». Последняя часть представляет собою догматический кодекс или систематику догматов византийского православия. Источником знания Дамаскин, идя вслед за Аристотелем, считает «божественное откровение», а основным знанием — богословие, по отношению к которому все светские науки и философия являются только служанками. Основной тезис Дамаскина «философия — служанка богословия» лег в основу средневековой схоластики (*philosophia ancilla theologiae*).

Другим крупнейшим церковным писателем этого времени был Феодор Студит (759—826), известный как организатор строгой монастырской жизни.

В области историографии византийская литература отмечена произведениями хронистов IX в., Феофана и Георгия Амартола. Крупнейшим византийским писателем IX в. был патриарх Фотий (820—891), автор многочисленных богословских и философских трактатов, проповедей и писем. Покровителем литературы и науки был в то время византийский правитель, кесарь Варда.

Фотий и Варда были организаторами дипломатической и просветительной миссии солунских братьев, Константина и Мефодия, в Моравию к князю Ростиславу. Младший из братьев, Константин, принявший перед смертью (869) монашество с именем Кирилла, был учеником Фотия и получил образование в Магнаурской академии в Константинополе, организованной и опекаемой Вардою.

Центральной фигурой византийской литературы X в. был император Константин VII Порфирородный или Багрянородный (913—959). С его личностью и литературной деятельностью связывается роль организатора литературной работы, давшей по его инициативе довольно значительные плоды.

Положение Македонской династии после пережитых потрясений упрочилось и вызвало к жизни рост обширной литературы, которая ставит своей задачей дать в руководство правящим классам обобщение накопленного опыта в виде обширных энциклопедий и компиляций в различных областях знания и государственной практики. К числу таких сочинений относятся, прежде всего, труды самого Константина: «Об управлении империей», «О церемониях византийского двора», «О фемах». Таковы же по характеру и знаменитый энциклопедический, филологический и биографический словарь византийского лексикографа Свида и обширный сборник житий Симеона Метафаста. Византийская историография X в. характеризуется обилием исторических трудов и хроник, в ряду которых ценными источниками по истории Византии являются исторические

труды Генесия, Иоанна Каменита и Льва Диакона. Последний, в частности, является ценным источником и для изучения болгарской и русской истории. Византийская поэзия X в. представлена талантливым поэтом Иоанном Геометром и неизвестным по имени автором сатирического диалога «Филопатрис».

К началу XI в. в византийской литературе появляется знаменитый «Дигенис Акрит» — произведение византийского былинного эпоса, перешедшего затем и в славянские литературы.

Таким образом, вместе с принятием христианства по византийскому обряду, т. е. в форме византийского православия, руководящие правительственные круги крепнувшей феодальной Болгарии IX—X вв. получили вполне сложившуюся и законченную систему государственной феодальной религии. Религия эта выросла в недрах господствующих эксплуататорских классов византийского общества в упорной борьбе с народом, с народной религией и народным мирозерцанием. Господствующие классы не стеснялись в средствах насилия и имели, кроме всего, в качестве идейного оружия, богатое культурное наследие, отложившееся в обширном количестве и разнообразном по жанрам литературном творчестве. Для завоевания народных масс и подчинения их своей власти, в целях ее укрепления, феодальная Болгария нуждалась в византийской литературе, и ее организаторы и вожди Борис-Михаил и Симеон, располагая весьма ограниченными культурными средствами, постарались взять тот необходимый минимум, который на первых порах им был нужен для насущнейших политических целей. Взятое ими и явилось фундаментом, на котором очень быстро выросла обширная болгарская литература.

§ 2. БОЛГАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЕКА ЦАРЯ СИМЕОНА В ЕЕ ГЛАВНЕЙШИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЯХ

Первыми деятелями христианской пропаганды и первыми организаторами христианского культа и церковного управления в Болгарии были греки-византийцы. Согласно решению Константинопольского церковного собора от 4 марта 870 г., принятого на основании предварительного соглашения между болгарским князем Борисом и византийским правительством в лице патриарха Игнатия и императора Василия I (867—886), в Болгарию прибыл греческий архиепископ, несколько епископов и множество светского и монашеского духовенства. Языком проповеди и культа был греческий язык, что, естественно, весьма тормозило успехи дела пропаганды и внедрения нового вероучения в сознание и в жизнь народных масс, но вполне отвечало политическим интересам Византии, сосредоточившей всю церковную власть в Болгарии, с автономным архиепископом-греком во главе, в своих руках. Греческие попы во враждебном стане, чем для византийского правительства всегда была Болгария, являлись его наилучшими и вернейшими агентами. С другой стороны, греческое духовенство, находясь в Болгарии фактически на службе у двух господ, наилучшим образом защищало, прежде всего, свои шкурные интересы.

Повидимому, бесплодность работы греческих попов в Болгарии для тех целей, которые преследовал Борис, вводя христианский культ, очень быстро была осознана в правительственных кругах Болгарии, но изменить положение вещей было не так-то легко, по-

тому что в церковных делах болгарское правительство было связано очень выгодным для византийского правительства и невыгодным для Болгарии Константинопольским соборным постановлением от 870 г. А изменить положение было необходимо, так как внедрение христианства, начатое Борисом в 865—866 гг., фактически не двигалось вперед, оставаясь на мертвой точке. Попытка создать кадры низшего духовенства из местных аборигенов, сохраняя греческий язык, окончилась неудачей: болгарские священники едва успевали овладеть элементарной греческой грамотой. Охридский архиепископ Феофилакт в своем описании жития Климента, ученика Мефодия, первого славянского просветителя болгар, говорит, что большинство болгарских священников с трудом понимало греческий язык, зная греческие буквы лишь настолько, чтобы прочесть греческий текст, и были поэтому «скотоподобны».¹ Таким образом, на первых же порах пропаганды христианского вероучения в Болгарии для правящих ее кругов стало ясно, что опыт с греческим духовенством оказался неудачным и что, прежде всего, необходимо перевести хотя бы важнейшие культовые книги на славянский болгарский язык и на нем же вести церковную службу и пропаганду христианства в народных массах. Однако предпринять это сложное дело по своей инициативе Борис, повидимому, по разным причинам не решался. Но Борису, несомненно, была известна славянская просветительная и литературно-переводческая деятельность солунских братьев, Константина и Мефодия, в Моравии. Она могла быть ему известна и по косвенным сведениям, приходившим к нему из соседней с Болгарией Моравии, и непосредственно — по личной встрече с Мефодием, когда последний в 883—884 г. приезжал из Моравии в Константинополь. Не обостряя отношений с византийским правительством отказом от услуг византийского духовенства и не нарушая постановления Константинопольского собора от 870 г., надо было только воспользоваться готовыми результатами моравской миссионерской деятельности византийских эмиссаров, Константина и Мефодия, и перенести их культурно-просветительный опыт в Болгарию.

Печальные обстоятельства, сложившиеся в Моравии для дела Мефодия после его смерти в 885 г., помогли Борису выйти из создавшегося положения. Он использовал учеников Мефодия, которые, преследуемые немецким духовенством, вынуждены были покинуть пределы Моравии и спастись бегством, частью на Восток — в Польшу, возможно и на Русь, частью к славянам на Балканский полуостров. Вероятно, по дипломатическим соображениям, Борис воздерживался от личного приглашения к себе на работу учеников и сотрудников Мефодия при его жизни, не желая, повидимому, создавать натянутых отношений с работавшими у него византийскими попами во главе с архиепископом-греком. Но когда бежавшие из Моравии ближайшие сотрудники Мефодия — Климент, Наум и Ангеларий — прибыли в Белград, входивший тогда в состав болгарских владений Бориса, и явились к правительственному наместнику, по-болгарски — боритакану, последний немедленно препроводил их к Борису в столицу Болгарии г. Плиску. Болгарский князь радушно встретил желанных гостей и временно устроил их на жительство у своих ближайших доверенных людей: Климента и Наума — в доме

¹ В. С. Киселков. Българската книжнина през Симеоновия век. Сб. «България 1000 години. 927—1927», стр. 119.

боярина по имени Ехач, Ангелария — у боярина Чеслава. Ангеларий вскоре, однако, заболел и умер.

Осторожный в своих отношениях к Византии и к греческому духовенству, Борис не задержал у себя в столице своих славянских гостей, где их просветительная деятельность на глазах у византийского архиепископа могла преждевременно вызвать дипломатические осложнения и создать неприятности. Он отправил Климента в юго-западную Македонию, в область Кутмичевицу, центром которой был г. Девол, а Наума в северо-восточную Болгарию, предположительно в г. Преслав, с поручением обучать местное население славянской грамоте, готовить кадры болгарских церковнослужителей, которые бы совершали богослужение на родном языке, насаждать среди населения христианское вероучение на славянском языке и подготовить необходимую для нужд культа литературу на славянском же языке.

Таким образом, в 886 г. в Болгарии были впервые созданы два славянских культурно-просветительных центра: один на юго-западе, в Македонии, во главе с Климентом, другой на северо-востоке, в Преславской области, во главе с Наумом, и тем самым было положено начало славянской письменности и массовой пропаганды христианского вероучения на славянском языке.

В своей просветительной и переводческой деятельности в Болгарии Климент и Наум не были одиночками. Они работали в окружении и в сотрудничестве с учениками Мефодия, которые частью прибыли в Болгарию вместе с ними, частью же окружным путем через Константинополь. Дошедшее до нас краткое жизнеописание Наума сообщает, между прочим, что группа учеников Мефодия после его смерти, т. е. в 885 г. или в начале 886 г., была продана в рабство в Венецию. Выкупленные византийским правительством, они были доставлены в Константинополь, откуда часть из них в 887 г. прибыла в Болгарию. Здесь они были прикомандированы к Науму в качестве его сотрудников и устроены на жительство в преславском монастыре св. Пантелеймона, специально построенном Борисом для Наума. Предполагают, что ближайшее участие в этом деле младшей группы мефодиевых учеников принимал и сын Бориса Симеон, будущий болгарский царь, учившийся в то время в придворной Магнаурской высшей школе в Константинополе. Возможно, что вместе с этой группой учеников Мефодия прибыл в Болгарию и сам Симеон, вступивший по прибытии из Константинополя в число братии того же монастыря, где работал Наум. В 889 г., после отречения от престола, в этом же монастыре поселился и Борис, принявший монашество. Кроме того, в том же монастыре жил брат Бориса Докс, тоже принявший на склоне лет монашество, и Доксов сын Тудор, двоюродный брат Симеона, занимавшийся здесь по поручению Симеона литературной работой. Предполагают, что в числе прибывших из Константинополя учеников Мефодия был и пресвитер, т. е. священник, Константин, известный впоследствии болгарский писатель Симеонова круга.

Таким образом, преславский Пантелеймоновский монастырь представлял собою нечто вроде литературной академии, работавшей под общим руководством старого ученика Мефодия, писателя Наума и при непосредственном участии в литературной работе Симеона.¹

¹ В. С. Киселков. Назв. соч., стр. 123.

В результате семилетней культурно-просветительной литературно-переводческой деятельности в Болгарии непосредственных учеников Мефодия, Климента и Наума, в сотрудничестве с местными силами, Болгария оказалась настолько культурно подготовленной, что в 893 г. на Преславском народном соборе, где Борис провозгласил своим преемником Симеона, славянский язык был объявлен официально государственным языком и языком культа.

Проведение в жизнь этого постановления Преславского собора выпало на долю энергичного и решительного в своих действиях Симеона.

Представляя собою один из важнейших политических актов болгарского правительства Бориса — Симеона, это постановление, вместе с тем, явилось вызовом, открыто брошенным по адресу византийского правительства и греческого духовенства. Этот факт знаменовал собою самочинную ликвидацию болгарскими соглашения с Византией, утвержденного Константинопольским собором 870 г., и разрыв культурных связей с Византией, которые были одним из сильнейших проводников византийского политического влияния в Болгарии и политической зависимости ее от Византии. Таким образом, объявление славянского языка в качестве языка культа знаменовало собою не только начало новой эры в культурной жизни Болгарии, ее культурной независимости, но и начало новой международной политики.

Во главе литературного движения в Болгарии, по примеру византийского императора Константина VII Порфирородного, стал болгарский царь Симеон, получивший высшее образование в Константинополе, в той же придворной Магнаурской школе, где незадолго перед этим учился и брат Мефодия, Константин, прозванный философом. Как Константин Порфирородный в Византии, так и Симеон в Болгарии явился вдохновителем болгарских писателей и центром, объединявшим вокруг себя национальную литературную работу.

Мы уже знаем, что царь Симеон воспитывался при византийском дворе и учился в придворной Магнаурской высшей школе. Воспитание при византийском дворе дало ему хорошее знание придворных византийских нравов, этикета, официального церемониала византийских императоров и соответственную ориентировку во внутреннем положении империи.

Магнаурская школа, или академия, организованная несколько ранее патриархом Фотием и поддерживаемая правителем государства Вардою, игравшим в Византии роль мецената наук и искусств, представляла собою образцовое по этому времени высшее учебное заведение, в котором были сосредоточены лучшие преподавательские силы и которое давало своим слушателям все то, что могла тогда дать византийская наука. Повидимому, Симеон не бесплодно провел в ее стенах годы своей юности и вынес из нее хорошую образовательную подготовку.

Византийский двор, во главе с неудачливым императором Львом VI (886—912), воспитанником просвещенного Фотия, а после его смерти во главе с его сыном Константином Порфирородным (913—959) и его соправителем Романом I Лакипином (919—948), во время Симеона был центром литературной жизни в Византии, а наследник престола Константин Порфирородный, впоследствии император, известный своими научно-литературными трудами едва ли не больше, чем своею правительственной деятельностью, был

организатором и вдохновителем всего современного литературного движения в Византии. Эта литературная атмосфера византийского двора, окружавшая в юности Симеона, повидимому, тоже оказала на него свое влияние и слилась в его представлении с величием византийского двора в одно целое, как его необходимая органическая часть. Нет никаких оснований сомневаться в том, что Симеон и лично, а не только в силу своего официального положения, как претендент на великодержавное византийское наследие, имел склонность к научно-литературным занятиям и питал интерес к литературе. Поэтому, если византийский патриарх Николай Мистик, лично знавший Симеона, пишет ему в одном из своих писем от 923 г., когда Симеону шел уже 59-й год: «Знаю, что ежедневно напояешь свою прекрасную душу живоносною водою учения; знаю, что и ты любознательно перечитываешь книги древних», — то, даже учитывая в отзыве лукавого царедворца несомненную наличность значительной дозы подобострастия и лести перед могущественным болгарским царем, угрожавшим своим настойчивым наступлением на Византию ее независимости и самому ее существованию, — в приведенной характеристике болгарского царя можно, тем не менее, в основном, видеть известную дозу и исторической правды. Можно не сомневаться также и в том, что болгарский царь, как полагает проф. М. С. Дринов, по своей начитанности и образованности не уступал современным ему византийским императорам Льву Философу и его сыну Константину Порфирородному.¹ Современники говорили и о Симеоне, что он «прочел все книги», называли его «полугреком» и «новым Птоломеем», писали в честь его книголюбия «похвалы» и посвящали ему свои произведения. Известно, что Симеон имел собственную обширную библиотеку в Преславском дворце, что он собрал вокруг себя болгарских писателей и ученых, всячески поощрял их литературную деятельность и лично покровительствовал им, а в отдельных случаях по собственной инициативе поручал им ту или иную литературную работу. Вероятно, он же имел при себе и значительный штат славянских и греческих переписчиков книг, в числе которых был и его двоюродный брат Тудор Доксов, работавший по поручению Симеона над перепискою книг в Преславском монастыре «на устии Тыча». Целый ряд болгарских писателей: Климент Величский, Наум Охридский, Константин-пресвитер, Григорий-Мних, Иоанн-Экзарх, а вероятно, и многие другие, имена которых до нас не дошли или остаются пока не открытыми, работали под покровительством или по непосредственным заданиям Симеона.

В результате коллективной работы наиболее культурных элементов болгарской общественности, во главе с Симеоном, в Болгарии к началу X в. выросла обширная литература на славянском болгарском языке, несомненно, гораздо более обширная, чем то, что из нее дошло до нас. Литература Симеонова времени составила основной фонд, которым затем жила и на котором развивалась болгарская литература последующих веков, прибавив к нему сравнительно очень немного нового. В этот фонд входят также и литературные труды Симеона.

¹ М. С. Дринов. Южные славяне и Византия в X веке. Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1875, кн. 3, или Съчинения на М. С. Дринова, т. I, София, 1909, стр. 365—520.

Климент Величский

(Ум. в 916 г.)

Во главе болгарской литературы эпохи Бориса — Симеона стоял непосредственный ученик Мефодия и его ближайший сотрудник Климент, прозванный по своей культурно-просветительной деятельности среди южных славян Словенским, а по месту своего епископского служения в Македонии Величским. Центром деятельности Климента Величского был знаменитый македонский город Охрид, где он и умер в 916 г. В Охриде же до сих пор находится его могила.

Климент был одним из спутников и ближайших сотрудников солунских братьев, Константина и Мефодия, в их моравской миссии, а потому можно предположить, что он был уроженцем Македонии. Прибыв в 886 г. со своими товарищами из Моравии в Болгарию, он был отправлен Борисом, как известно, для культурно-просветительной работы в Македонию, вероятно согласно его желанию посвятить себя просветительной деятельности на родине. Положительных данных о национальности Климента Величского не имеется. На основании языка его произведений предполагают, что он был македонским болгаринном (В. Вондрак). Во всяком случае то, что Климент был включен в состав моравской миссии Константина и Мефодия, уроженцев македонского города Солуни, говорит о том, что он не только был лично известен солунским братьям, но, как просвещенный человек своего времени, вполне отвечал интересам и задачам того ответственного поручения, которое возлагалось на моравских миссионеров. В этом убеждает нас и плодотворная культурно-просветительная работа Климента в Македонии и его обширная литературная деятельность.

Область Кутмичевицу, куда был направлен на работу Климент, составляет часть Македонии и Албании в границах приблизительно от р. Вардар и г. Скопле (Ускюб) на северо-востоке и линия городов Воден, Костур и Валона (Авлон) на Адриатическом побережье на юге. Величским Климент был прозван по имени р. Велика, область которой с 893 г. была местом его епископской деятельности в Македонии.

Основным источником для знакомства с жизнью и деятельностью Климента являются два посвященных ему греческих жизнеописания, или так называемые «жития». Одно из них пространное, приписываемое авторству охридского архиепископа Феофилакта (1094—1107), другое краткое, написанное предположительно охридским архиепископом и канонистом Дмитрием Хоматианом (1216—1234). Болгарскому ученому, профессору Йордану Иванову, удалось найти в Зографском монастыре на Афоне славянский перевод этого краткого жития.¹

Пространное житие Климента известно в науке под названием «Болгарская легенда», которое названо так по аналогии с знаменитыми «Паннонскими легендами», из которых одна представляет собою пространное житие Мефодия, а вторая — такое же житие его младшего брата Константина-Кирилла. В основе «Болгарской легенды» лежит древнее славянское житие Климента, написанное каким-то близким к нему лицом, вероятно — одним из его учеников, перу которого принадлежит и другой аналогичный агиографический

¹ Йордан Иванов. Български старини из Македония. София, 1931, стр. 314—321.

памятник — житие сподвижника Климента, Наума. На основании этого славянского оригинала, до нас не дошедшего, Феофилакт написал впоследствии житие Климента на греческом языке, с соблюдением всех приемов византийской витиеватой агиографии, но с сохранением фактической основы древнеславянского оригинала.¹

Крупнейшим из трудов Климента является пространное жизнеописание, или житие, Мефодия, т. е. одна из «Паннонских легенд». Вторая «Паннонская легенда», посвященная жизни и деятельности Константина, приписывается авторству его старшего брата Мефодия. Существует, впрочем, мнение, высказанное такими крупнейшими знатоками древнеславянской письменности, как старые русские ученые — Горский, Ундольский, и в более позднее время академик П. А. Лавров и чешский ученый-славист В. Вондрак, приписывающие обе «Паннонские легенды» авторству Климента.

Независимо, однако, от того, оба ли эти произведения или только одно житие Мефодия написал Климент, следует сказать, что оба эти произведения в одинаковой мере представляют собою по языку, стилю, композиции и изложению биографического материала выдающиеся произведения древнеславянской письменности. Житие Мефодия по обстоятельности содержания превосходит первое житие, хотя по языку и по всем приемам литературной обработки материала они совершенно совпадают друг с другом. Это и давало основание приписывать оба жития авторству одного и того же лица, каким мог быть только такой выдающийся мастер художественного слова, как Климент. С другой стороны, язык и стилистическое оформление многочисленных литературных произведений, заведомо принадлежащих авторству Климента, совершенно совпадают с характерными «Паннонскими легендами».

Будучи выдающимися литературными произведениями древнеславянской письменности начального периода, «Паннонские легенды» представляют собою, вместе с тем, и крупнейший исторический памятник для изучения византийско-славянских отношений и истории Моравии и Паннонии в IX в. Полное совпадение фактических данных этих произведений с целым рядом официальных документов, принадлежащих, главным образом, римской курии, делают эти два литературных памятника исключительно ценными.

Кроме жития Мефодия, а также, вероятно, и жития Константина, авторству Климента принадлежит целый ряд поучений, предназначавшихся для произнесения в церквах на праздничных службах в честь того или иного церковного события, о которых рассказывается в Евангелии, или в честь того или иного деятеля, чтимого христианскою церковью подвижника. Таковы, например: «Поучение на память апостола или мученика». «Поучение на святое воскресение», «Поучение на преображение господне» и т. п. Эти поучения имели в виду наставление верующих в основах христианского вероучения и нравственности и отличались простотою и ясностью изложения, рассчитанными на доступность пониманию простого народа. Вторую группу аналогичных же церковных произведений Климента составляют многочисленные панегирики, по-славянски «похвалы» и «похвальные слова», предназначавшиеся для церковного чтения во время служб, посвященных чествованию памяти того или иного знаменательного библейского события или

¹ Н. Л. Тунцкий. Св. Климент, епископ словенский. Его жизнь и просветительная деятельность. Сергиев посад, 1913, стр. 83—87.

подвижника и деятеля христианской церкви и просвещения. Таковы, например: «Слово похвально, списано Климентом епископом, на память блаженного пророка Захария и о родстве (т. е. рождении) Иоанна Крестителя»; «В утре по богоявлении слово хвально Иоанну Крестителю: «Похвала на преставление богородицы»; «Похвала святому Клименту, патриарху римскому»; «Похвала блаженного отца нашего и учителя словенского Кирилла Философа» и т. п. «Похвалы», написанные Климентом в панегирическом тоне, в духе весьма популярных аналогичных произведений в византийской литературе, представляют собою оригинальные произведения древнеславянской письменности, носят морально-поучительный характер и отличаются высоким лиризмом.

В 1903 г. чешский славист Вондрак насчитывал 16 поучений и похвальных слов, несомненно принадлежащих авторству Климента.¹ Последующие изыскания специалистов в этой области привели к открытию новых произведений Климента в этом же роде, так что их в настоящее время насчитывается уже до 27.²

По поручению царя Симеона Климент перевел с греческого языка последнюю часть книги «Цветная триодь». Эта книга представляет собою собрание молитвословий и песнопений или церковных гимнов (канонов), посвященных прославлению того или иного святого или события из евангельской истории и предназначенных к исполнению на церковных службах в дни так называемой Пятидесятницы, т. е. в течение пятидесяти дней, следующих за Пасхой. Название книги «Триодь» представляет собою греческое слово, составленное из двух слов: числительного *treis* или *tria* «три» и *ōdē* — «песня». Полный канон состоял из девяти или восьми таких песен; сокращенный — чаще всего из трех. В восточной церкви каноны писались метрическими стихами и принадлежали выдающимся поэтам, вроде, например, Андрея Критского, Феодора Студита или Иоанна Дамаскина и др. Наилучшие песнопения в греческом оригинале «Цветной триоди» принадлежат авторству Иоанна Дамаскина. Перевод подобной книги на славянский язык, когда этот язык впервые еще становился органом литературного творчества, требовал от переводчика не только глубокого знания греческого и славянского языков, но также и поэтического дарования. Эти данные, очевидно, признавались современниками у Климента, если ему поручали перевод такой ответственной и трудной книги, как «Цветная триодь». Эти данные Климента сказались и в другом его сочинении — «Чин над исповедающимися». Это сочинение культового характера в конце X в. вошло в состав знаменитого глаголического памятника древнеславянской письменности, известного под названием «Синайский евхологий». Наконец, среди текстов другого древнейшего глаголического памятника, известного под именем «Глаголита Клоцов» (*Glagolita Clozianus*), т. е. принадлежащий барону Клоцу глаголический сборник, имеется одна гомилия (беседа), греческий оригинал которой до сих пор не известен и которая представляет собою оригинальное произведение Климента (Вондрак).

В то время, когда в Болгарии закладывались первые основы славянской письменности на болгарском языке, в употреблении у славян были две азбуки: глаголическая и кириллов-

¹ V. V o n d r a k. Studie z oboru cirkevno-slovanskeho pisemnictvi. V Praze, 1903.

² Б. Ангелов. Българска литература, ч. I. София, 1923, стр. 43.

ская или «глаголица» и «кириллица». Изобретение глаголической азбуки, в основу которой было положено так называемое минускульное греческое письмо IX в., приписывается Константину-философу и считается наиболее авторитетными специалистами и знатоками славянской палеографии (Ягич) первою, древнейшею славянской азбукой, подлинной «кириллицей». «Глаголицей» написано несколько дошедших до нас древнейших уникальных памятников славянской письменности X—XI вв. (Зографское евангелие, Мариинское евангелие, Ассеманиево евангелие, Синайская псалтырь, Синайский евхологий или требник, Клоцов сборник, Киевские листки и несколько других отрывков церковного характера), в которых древнеславянский или древнеболгарский язык выступает в более раннем морфологическом и лексическом оформлении сравнительно с языком кирилловских памятников того же времени (Саввина книга, Супрасльская рукопись, Надпись Самуила 993 г. и др.).

Вопрос о происхождении славянской азбуки представляет собою один из наиболее сложных вопросов славянской филологии и, несмотря на обширную литературу, посвященную этому вопросу, не может до сих пор считаться окончательно решенным. Какую азбуку составил Кирилл перед тем, как ему вместе с братом Мефодием предстояло отправиться в Моравию — глаголическую или кирилловскую, воспроизводящую так называемое греческое унциальное письмо IX—X вв.? Если глаголическую азбуку составил Кирилл, то кто явился создателем второй, кирилловской азбуки, которая до сих пор живет в Советском Союзе как азбука его славянского населения, а также у болгар и у сербов, начиная с X в.? Вопросы эти до сих пор стоят в центре внимания славянской филологии на Западе и у нас, в Советском Союзе, и не имеют пока окончательного, общепризнанного решения.

Мы остановились на этом частном, в данном случае, хотя и капитальном вопросе потому, что традиция связывает с именем болгарского Климента изобретение так называемой кирилловской азбуки. Эта традиция нашла свое отражение в кратком греческом житии Климента, приписываемом Димитрию Хоматиану (XIII в.), о чем мы говорили выше. В этом житии есть следующее важнейшее свидетельство, касающееся славянской азбуки: «Он же (т. е. Климент) изобрел и другие знаки письмен (вариант: «других» или «некоторых письмен») для большей ясности, чем те, которые изобрел мудрый Кирилл» (*ἐξοφίσατο δὲ καὶ χαρακτήρας ἑτέρους (вар. ἑτέρων) γραμμάτων πρὸς τὸ σαφέστερον, ἢ οὐδὲ ἐξεύρειν ὁ σοφὸς Κύριλλος*). Однако самый характер памятника, написанного почти 300 лет после смерти Климента на основании не только пространного Феофилактова жития, но и другого, «крайне разнообразного по своему происхождению материала, как исторического, так и основанного на преданиях или на монументальных памятниках, иногда легендарного или основанного на неумелом обращении автора с источниками и потому явно несообразного», — приводит исследователя к заключению, что «свидетельство это восходит к вполне определенному преданию, пользовавшемуся большим доверием во время составления жития». «Анализ жития сам по себе не может дать оснований для окончательного принятия или неприятия этого свидетельства».¹

Вондрак считал несомненным, что письмо Климента было глаголицей, и что в этом отношении он оставался верен своему учителю.

¹ Н. Л. Тунницкий. Назв. соч., стр. 98.

Однако новейшие открытия в области археологии и эпиграфики, в частности — открытие во время первой империалистической войны в южной Албании, в 25 километрах западнее г. Берат, в с. Балши мраморной колонны с надписью на греческом языке, подтвердили правильность сообщения этого автора об этой частности деятельности Климента в Албании и Македонии.¹ Надпись эта гласит о крещении князя Бориса в 866 г., колонна же представляет собою, повидимому, один из тех каменных столбов, воздвигнутых Климентом, о которых говорит Хоматиан в своем житии. Это открытие в значительной мере реабилитировало Хоматиана, как исторический источник, и дало основание относиться с большим доверием и к его показанию о том, что Климент ввел в употребление более ясные буквенные знаки (кириллицу), нежели те, которые некогда изобрел Кирилл (глаголица).²

Основоположник, вместе с Кириллом и Мефодием, древнеболгарской письменности, Климент является одновременно и первым создателем древнеболгарского литературного языка, с успехом продолжившим в Болгарии дело, начатое солунскими братьями в Моравии и Паннонии. Климент прекрасно знал греческий язык и византийскую литературу и, будучи сам поэтически одаренной натурой, стремился в своих произведениях дать соответственные образцы на славянском языке, достойные оригинала. Язык Климента изобилует поэтической фигуральностью, сравнениями, олицетворениями, метафорами. Константин и Мефодий своею литературною деятельностью «воссияли, как солнце на земли»; о Мефодии Климент говорит: «ты от запада воссия, яко же звезда своя луча слящи»; Константин — «благоверием и красотою воссия нам яко солнце, бесовскую лесьть прогоняя и поганский мрак освещая божественными лучами». В поучении на чествование памяти апостола или мученика Климент говорит: «тем же и ныне сияет в слове божии паче сияния солнечного»; «не чистее ли злата, не светлее ли солнца». О Константине Климент говорит: «премудрость бо божия созда в сердце его храм себе»; «яко заря просвещь вся земля»; «прелетая яко орел, на все страны от востока до запада и от севера до юга»; «проиде яко молнии вселенную»; «яко и денница после же восходящи светлостью своею весь луч звездный облистает солнечными зарями света проявляющи», и т. п. Климент любит сравнивать лицо и взор с днем, с зарею, с солнцем, с звездами, с золотом, серебром, драгоценными камнями. Он любит сравнения с орлом, с соколом, с растениями, с цветами. Христа он называет «мысленное солнце»; употребляет оборот «тьмы тьмами и тысячи тысячами»; пользуется неопределенной формой глагола в значении повелительного наклонения: «се же един хранити обычай» и т. д. Подобные обороты речи придают витиеватость и фигуральность стилю; они характерны для византийских авторов, но это не может служить доказательством того, как полагали некоторые исследователи (Воронов), что свои сочинения Климент писал на греческом языке. Этому противоречит, прежде всего, общий характер всей просветительной его деятельности.

В своих сочинениях Климент чествует Константина и Мефодия не только как «учителей всех стран», «всему миру» или «вселенной», но, в частности, и как учителей славянского народа.

В эпоху гонений на славянский язык, как язык культа, доступ-

¹ Йордан Иванов. Български старини из Македония. Второ, допълнено издание, София, 1931, стр. 12—16.

² Там же, стр. 315.

ный пониманию народа, в Моравии при Святополке и затем в эпоху господства греческого духовенства в Болгарии при Борисе, Климент в своих сочинениях, следуя примеру своих учителей, смело нападает на триязычников, т. е. на тех, кто считает, что только три языка — еврейский, греческий и римский — имеют право быть органами христианского просвещения. Он, прославляя заслуги Константина (Кирилла), говорит, что его трудами бог обогатил благоразумием и увенчал боготканым венцом многоплодный славянский народ, к которому он был послан в качестве нового апостола. Что же касается особенностей стиля Климента, то они являются естественным результатом влияния греческих образцов на молодой, только впервые создавшийся литературный болгарский язык. По мысли Климента, его литературных современников и их вдохновителей в Болгарии, этот язык должен был не только показать себя равносильным с высоко развитым греческим языком, но и с успехом заменить собою греческий язык. В эту начальную пору строительства болгарского литературного языка, греческая фраза была для болгарских писателей образцом совершенства и изящества стиля, и они старались и свою славянскую речь строить по греческому образцу, так же как по такому же образцу строилась и вся жизнь высшего класса болгарского общества. Поэтому, чем лучше болгарский автор знал греческий язык, чем в строе своей фразы он больше приближался к греческому оригиналу, тем его славянский литературный язык, с современной ему точки зрения, был совершеннее. Заслуга Климента заключается в том, что в своих произведениях он первый в Болгарии дал самый лучший, по тому времени, стилистический образец славянского литературного языка и этим оказал услугу делу его развития и укрепления в культурном обиходе болгарского народа.

Наум Охридский

Одновременно с Климентом в Болгарию прибыл из Моравии ученик Мефодия *Наум*. Местом литературной работы Наума в Болгарии была сначала столица Болгарии, г. Плиска, где он оставался с 886 по 893 г., а затем преславский Пантелеймонов монастырь, где он руководил литературной работой своих сотрудников. В 893 или в 894 гг., когда Климент был возведен в епископский сан, Наум был командирован в Македонию в помощь Клименту и с 900 г. имел своим местопребыванием построенный для него Борисом и Симеоном на южном берегу Охридского озера монастырь в честь архангела Михаила, известный, однако, до настоящего дня под именем монастыря св. Наума. В этом монастыре Наум и умер в 910 г.

В «Житии преподобного отца нашего Наума» первой половины X в., открытом впервые проф. Йорданом Ивановым в 1906 г. в Зографском монастыре на Афоне, Наум называется «брат сего блаженного Климента и сподруг и сострастник». Житие, написанное учеником Климента и Наума, работавшим при деволском епископе Марке, тоже ученике Климента, в своей основе, по показанию автора, было написано непосредственно со слов Климента и Наума. Оно в точности передает события, связанные с судьбой учеников и сотрудников Мефодия после его смерти, но собственно о житии и деятельности Наума говорит очень мало.¹

¹ Йордан Иванов. Български старини из Македония. София, 1908, стр. 50—58; то же, 2-е изд., 1931, стр. 305—311; П. А. Лавров. Житие

Сочинения Наума Охридского до нас, к сожалению, не дошли или же остаются пока не открытыми. Но что он принимал живейшее участие в литературной работе, как во время своего пребывания в Преславе, так и позже в Охриде, и представлял собою крупную культурную силу в симеоновой Болгарии, — в этом не может быть никакого сомнения. Об этом же говорит исключительное внимание к Науму болгарских владетелей Бориса и Симеона, которые, в целях предоставления ему наилучшей обстановки для литературной работы, построили для него специальные монастыри в Преславе и на Охридском (Белом) озере в Македонии и тем самым дали ему необходимый штат сотрудников. Это подтверждает и показание одного из выдающихся писателей, современников Наума, Константина, который говорит, что побудителем его в литературной работе был Наум: «Сего ради и аз умаленный Константин, убежден быв на се твоими прошениями, брате Науме, и сими повеленьми речеными прежде, к твоему смирению преклоних ся».

Константин-пресвитер

По собственному признанию Константина, он был одним из учеников Мефодия. В Болгарию Константин прибыл из Константинополя, а в Константинополь попал, вероятно, из Венеции, куда группа учеников и сотрудников Мефодия после его смерти, как об этом рассказывает житие Наума, была продана в рабство. В 886 г. византийское правительство выкупило этих учеников Мефодия и отправило их в Константинополь, откуда затем Константин прибыл в Болгарию к Борису. Повидимому, еще в Моравии при Мефодии Константин был уже священником, по-гречески — пресвитером. В этом же сане он начал свою деятельность и в Болгарии, а затем при Симеоне, т. е. после 893 г.; предположительно в 906 г. был возведен в сан епископа.

Более подробных биографических данных о Константине-пресвитере до нас не дошло. Специальное исследование академика А. Ив. Соболевского о том, где жил и работал в Болгарии Константин-пресвитер, привело его к заключению, что местом жизни и священнического служения Константина был город Солунь, где он был, вероятно, настоятелем в одной из солунских или присолунских церквей, посещавшейся славянами, совершая в ней службы на греческом языке.

Что касается места епископского служения Константина, то академик Соболевский, на основании некоторых данных так называемой «Солунской легенды»,¹ склонен был думать, что этим местом была вблизи Солуни Брегалница, расположенная на расстоянии 5 часов пути от г. Струмицы (др. Тивериополь). Таким образом, как местом просветительной и писательской деятельности старших его современников, Климента и Наума, так и местом деятельности Константина была Болгарская Македония.²

Из литературных трудов Константина-пресвитера в настоящее время известны четыре произведения: «Учительное евангелие», «Слова против ариан Афанасия Александрийского» (см. выше), «Проглас к евангелию» и «Историкия».

св. Наума Охридского. Известия Отд. русск. яз. и словесности АН СССР, т. XIII (1908), 4, стр. 1—51.

¹ Воронов. Кирилл и Мефодий. Киев, 1877, стр. 196 и сл.

² А. И. Соболевский. Где жил Константин болгарский? Материалы к исследованию, Сборник ЮРЯС АН, т. LXXXVIII, № 3, 1910, стр. 127—131.

«Учительное евангелие» было написано Константином между 893 и 898 гг.¹ Открытие этого памятника древнеславянской письменности было сделано в 40-х годах прошлого столетия русским ученым библиографом В. М. Ундольским, которому принадлежит и открытие произведений Климента.

«Учительное евангелие» открывается «Азбучной молитвой», за которою следует «Проглас святого евангелия»; затем идет 51 беседа на воскресные дни в течение всего года, начиная от Пасхи и кончая Вербным воскресением; после бесед следуют: 1) «Сказание церковное», т. е. объяснение церковного устройства и литургии и 2) «Историкия».

«Азбучная молитва» представляет собою «пролог» или предисловие автора к своему произведению. Она написана в стиле весьма популярных в византийской литературе греческих стихов, известных под именем «политического стиха» (στίχο πολιτικός). Византийский «политический стих» имел несколько видов, и один из них представляет собою потомка того ямбического триметра, которым написаны трагедии Софокла и Еврипида. Византийский греческий стих отличается, однако, от древнегреческого стиха тем, что он строится не на принципе чередования кратких и долгих слогов, а на числе слогов с цезурой после пятого слога, причем всякое последнее слово в стихе должно было иметь ударение обязательно на втором от конца слоге. По характеристике академика А. И. Соболевского, первые славянские писатели, пользовавшиеся церковно-славянским языком, имели ту же страсть к стихотворству, что и византийские греки, и количество дошедших до нас старых стихотворений, начиная с конца X в., когда «ъ» и «ь» были еще гласными, относительно велико, но дошли они до нас в позднейших списках, и потому формы их изменены и размер часто утрачен, но он легко может быть восстановлен. Таким образом, первые древнеславянские стихотворения представляют собою так называемый византийский политический стих с 12 слогами и с тою же цезурой после пятого слога, на основании чего Соболевский высказал предположение, что у славян обязательно соблюдалось и ударение на втором от конца слоге. Древнейших славянских стихотворений, дошедших до нас в списках не позже XIV в., известно сейчас несколько: 1) «Азбучная молитва» Константина болгарского, представляющая собою первый опыт в этом роде; 2) его же «Проглас св. евангелия», дошедший в трех сербских списках XIV в. и в одном русском XVI в.; 3) «Похвала болгарскому царю Симеону» — в русском «Святославовом Сборнике» 1073 г. и затем в русском же сборнике Кирилло-Белозерского монастыря XV в.; 4) «Похвала болгарскому царю Симеону» в «Златоструе» (см. ниже), древнейший русский список относится к XV в.²

«Азбучная молитва» Константина болгарского дошла до нас в русском списке XII—XIII вв.; это ее древнейший список; более поздних, XV—XVII вв., тоже русских, очень много. В восстановленном виде она была дважды издана академиком Соболевским: в «Русском филологическом вестнике» в 1884 г. и в журнале «Библиограф»

¹ Вопрос о времени написания «Учительного евангелия» в точности не установлен, см.: А. Михайлов. Заметка о времени происхождения Учительного евангелия Константина Болгарского. Сборник ОРЯС АН СССР, т. СІ, № 3, 1928, стр. 459—465.

² А. И. Соболевски. Черковнославянските стихотворения от IX—X в. и тяхното значение за черковнославянския език. Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, София, 1900, т. XVI—XVII, стр. 314—324.

в 1892 г. Называется это произведение «Азбучной молитвой» потому, что по содержанию оно представляет молитвенное обращение автора «Учительного евангелия» к богу даровать ему мудрость и «героическую мысль» для написания задуманного им труда; по форме же это так называемый акrostих, начальные буквы которого составляют древнеславянский алфавит, т. е. азбуку.

Аз словом сим молюся богу:
Боже вьсея твари и зиждителю
Видимым и невидимым!
Господа духа посъли живущаго,
Да въдъхнет в срьдьце ми слово,
Еже будет на успехъ вьсемъ,
Живущимъ въ заповедьх ти...¹

Рассматриваемое произведение Константина-пресвитера, представляющее собою по форме первый стихотворный опыт в древнеболгарской литературе, интересно в том отношении, что автор выступает в нем как поборник просвещения славянского племени:

Летит ныне и словенско племя;
К крещению обратишася вси.
Людие твои нарецишася хотяще...

Его радует то, что «язык нов», т. е. славянский народ, молодежь и старики, «своим разумом», т. е. на своем родном языке, воздают теперь непрестанно хвалу богу. С другой стороны, это произведение интересно и в том отношении, что автор говорит о себе, что, популяризируя своим трудом («яве сотворю») евангельское слово, он следует по стопам своих учителей, т. е. Кирилла и Мефодия.

Шествую ныне по следу учителю,
Имени его и делу последую,
Яве сотворю евангельско слово...

«Проглас св. Евангелия», т. е. «объявление» или «извещение» о евангелии представляет собою предисловие к церковно-славянскому переводу четвероевангелия, т. е. полного евангельского текста. По форме «Проглас» представляет собою тоже стихотворение, написанное тем же размером, каким написана и «Азбучная молитва», и имеет ту же цезуру после пятого слога, что и в «Азбучной молитве». Это дает основание приписывать «Проглас» авторству того же Константина-пресвитера, которому принадлежит и «Азбучная молитва». По содержанию «Проглас» представляет собою замечательное произведение, вскрывающее высококультурную личность его автора, а вместе с тем и высокую культурность его социальной среды. Написанный с большим подъемом и воодушевлением, «Проглас» развивает две основные мысли: о значении и пользе книг вообще и о значении грамоты на родном языке для славянских народов. В последнем отношении «Проглас» представляет собою пламенный призыв автора к славянским народам изучать «слово буквено», т. е. грамоту на родном языке, ибо «душа безбуквенна является в человецех мертва». А поэтому — «слышите ныне от своего ума, слышите, славянские народы, слышите слово, кормящее человеческие души, укрепляющее сердце и ум... Как без света не может быть радость глазу, такова

¹ А. И. Соболевский. Древне-церковнославянские стихотворения IX—X веков. Сборник ОРЯС АН, т. XXXVIII, № 3, стр. 1—35.

же и всякая душа без грамоты... Для непросвещенного же разума речь на чужом языке это — «глас медного звона».¹

Однако вопрос о том, был ли Константин болгарский действительно автором «Азбучной молитвы» и «Прогласа», остается окончательно не решенным. Имена Константина-пресвитера болгарского и Константина-философа, создателя славянской грамоты и первого славянского просветителя на родном языке, часто смешивались. Авторству Константина болгарского как писателя, более известного в Болгарии IX—X вв. и ближе стоявшего к болгарскому народу, чем Константин-философ, брат Мефодия, никогда не бывавший в Болгарии и подвизавшийся вдали от нее, в Моравии, почитатели его памяти могли поэтому приписывать произведения, принадлежащие в действительности перу его учителя, Константина-Кирилла моравского. В 1938 г. этому вопросу посвятил специальное исследование болгарский ученый Емил Георгиев — «Два произведения на св. Кирилл», в котором автор приводит ряд соображений, убеждающих его в том, что «Азбучная молитва» и «Проглас» принадлежат не Константину-пресвитеру, а его учителю Константину-философу. Автор подчеркивает поразительное совпадение мыслей, высказанных в «Прогласе» и еще в большей степени в «Азбучной молитве», с мыслями, высказанными Кириллом в его беседе с хазарами или в его диспуте в Венеции и в последней его молитве, которые дошли до нас в его пространном житии. Кроме того, одну из притч, которую Кирилл использует в прениях с хазарами, автор «Прогласа» называет своею. На основании этих данных Георгиев полагает, что «Проглас» может относиться только к первому переводу евангелия, а не к более поздним беседам в связи с евангелием, а «Азбучная молитва» — к начальной эпохе обращения славян в христианство. Составление азбуки, по мнению автора, вдохновило Кирилла на составление «Азбучной молитвы», а перевод евангелия — на составление к нему «Прогласа». Автору представляется, что Константин болгарский (или преславский — по предполагаемому месту его служения в Болгарии) не может быть автором названных произведений и потому, что этому противоречит стиль его произведений. Его безличие и робкое творчество слабо вяжется, говорит автор, с вдохновенным размахом рассматриваемых стихотворений. В них чувствуется не неуверенный в своих силах писатель, исполняющий писательскую работу под влиянием побуждения со стороны, а господин и мастер своего дела, чем был в действительности именно Кирилл.²

Высказанные болгарским ученым соображения не лишены интереса и заслуживают внимания, но все же их нельзя признать достаточными для того, чтобы лишать авторских прав на данные произведения Константина болгарского. Мы не знаем доподлинно, кем было написано пространное житие Константина-Кирилла. Одни приписывают его авторству Мефодия, другие авторству Климента. Стоит только допустить, что пространное житие Константина-Кирилла было написано Константином-пресвитером, и тогда будет совершенно понятно совпадение в мыслях, устанавливаемое Георгиевым в пространном житии Константина-Кирилла и в названных произведениях, приписываемых традицией Константину-пресвитеру болгарскому. Что касается, в частности, «Прогласа», то он мог быть написан одновременно с переводом евангелия и не Кириллом, а одним из его сотрудников, т. е.

¹ А. И. Соболевский, назв. соч., стр. 17—27.

² Цит. по рецензии Дим. Осинина в журнале «Учительски Преглед» (год. XXXVIII, кн. 8, София, 1938, октябрь, стр. 1024—1026).

Константином-пресвитером, а что он оказался использованным впоследствии автором в качестве предисловия к беседам на евангельские тексты, то и это совершенно понятно: евангельский текст был строго канонической книгой и присоединение к нему каких бы то ни было предисловий могло считаться просто недопустимым. Наконец, мысли и чувства, которые лежат в основе «Азбучной молитвы» и «Прогласа», — это не только личные мысли и чувства Константина-пресвитера, но мысли и чувства всего Кирилло-Мефодиевского социального круга, передовых элементов славянской общности IX—X вв., эпохи культурно самоопределявшихся верхов славянской феодальной общности. Это тем более вероятно, что Константин-пресвитер был непосредственным учеником Кирилла и Мефодия, каким он сам себя называет, т. е. принадлежал к старшему поколению ближайших сотрудников солунских братьев, в виду чего уже в Моравии имел священнический сан, а вскоре после прибытия в Болгарию был возведен в сан епископа. Этот сан говорит о его почтенном возрасте, давшем ему право, обращаясь к Науму, ученику Мефодия, называть его «brate Науме», т. е. обращаться к нему не как к учителю и отцу, но как к равному себе.¹

Рассмотренные выше произведения «Азбучная молитва» и «Проглас», не имеют, собственно говоря, непосредственного, прямого отношения к «Учительному евангелию». Это отдельные самостоятельные произведения болгарского автора, присоединенные к «Учительному евангелию», повидимому, позднейшими переписчиками творений Константина. Непосредственное отношение к «Учительному евангелию» имеет следующее за ним предисловие, которым открывается «Учительное евангелие». В этом предисловии автор говорит об обстоятельствах, которыми было вызвано написание его труда. Из него мы узнаем, что Константин написал свое «Учительное евангелие» побуждаемый на этот труд «братом Наумом»; что труд представляет собою перевод с греческого языка и что автор, однако, «убоявся и трепетен быв, словес видев выше думения и силы моея», не будучи в состоянии перевести всего греческого оригинала, ограничился только уставными воскресными евангельскими чтениями.

По своему содержанию рассматриваемое произведение Константина-пресвитера состоит из 51 разъяснительной беседы, или так называемых «гомилий», на воскресные евангельские чтения в течение круглого года. Кроме одной беседы (42-й), представляющей собою оригинальное произведение Константина, остальные 50 бесед являются переводами аналогичных произведений византийских авторов — Иоанна Златоуста (большинство бесед), Кирилла Александрийского и Исидора Пилусиота. Однако болгарский автор не сам выбирал необходимый ему материал из этих источников и не сам его сокращал, но буквально перевел уже готовый, в этом смысле, греческий оригинал. Такого рода произведения, представлявшие собою сводку сокращенных отрывков из других авторов, в византийской литературе назывались «катенами». Однако, как установило специальное исследование этого памятника, сделанное в 1885 г. русским ученым, архимандритом Антонием, Константин не был простым переводчиком: в «Учительном евангелии» имеется значительная часть и самостоятельной его литературной работы. Таковы его вступления

¹ Антоний архимандрит. Из истории древне-болгарской церковной проповеди. Константин епископ болгарский, и его «Учительное евангелие». Казань, 1885; то же в болгарском переводе Д. Цухлева (Периодическо Списание, XXI—XXII, Средец, 1887, стр. 372—425).

и заключения к отдельным беседам, основная же часть бесед — объяснение евангельского текста в виде последовательного толкования отдельных слов и стихов евангелия, изложенное в большинстве случаев в форме вопросов и ответов, представляет собою, как это показал в своем исследовании Антоний, всегда перевод, и в этой части своего труда. Константин болгарский выступает в роли простого переводчика.

Вступления к беседам сравнительно однообразны и обычно содержат в себе приглашение слушателей к внимательному усвоению евангельских истин. В своем изложении автор пользуется образным языком: «священное писание» он называет «хлебом небесным» и «источником», которые питают душу и совесть, а самые беседы автор называет то «пиром», то «духовным угощением», разыскание же смысла евангельского текста он уподобляет откапыванию источника, и т. п.

В то время, когда в Болгарии впервые насаждалось христианское вероучение по византийским образцам и руководствам, в византийской аналогичной литературе господствовало красноречие торжественно-хвалебного характера, отличавшееся риторикой и витиеватостью. В своем труде Константин отказался от этих образцов и усвоил себе литературную манеру византийских писателей IV в., отличавшуюся сосредоточением внимания исключительно на содержании текста.

Этот выбор литературного образца подсказывался болгарскому писателю реальными потребностями массового, малокультурного и непросвещенного болгарского слушателя. По простоте, ясности и доступности изложения для широкой массы слушателей беседы Константина, чуждые ораторского искусства, в отличие от аналогичных произведений Климента, представляют собою простые уроки христианского вероучения и морали.

В 47-й беседе Константин выражает, между прочим, радость по поводу того, что «не греци бо точию обогатишася отцом сим (т. е. Иоанном Златоустом), но и словенский род, мнимый попраи быти всеми». Эта деталь в сочинении, несомненно принадлежащем перу Константина болгарского, лишней раз подтверждает подчеркнутую нами выше мысль об общности культурно-просветительных установок рассматриваемого автора с идеологией Кирилло-Мефодиевского круга славянских просветителей, которая лежит в основе рассмотренных выше произведений того же автора — в «Азбучной молитве» и в «Прогласе», равным образом как и в произведениях других болгарских писателей, учеников и преемников культурного наследия Солунских братьев, современников Константина-пресвитера.

Кроме названных произведений Константину болгарскому принадлежит перевод нескольких «Слов Афанасия Александрийского против ариан», сделанный по поручению царя Симеона в 906 г., о чем говорит интересная хронографическая запись при этой книге в одном из ее русских списков XV в., где читаем следующие строки: «Сиа книги благочестныа, наричемыа Афанасии, повелением князя нашего Симеона преложи и епископ Константин в словенск язык от греческа в лето от начяла мира 6414 индикт 10 ученик сы Мефодов, архиепископа Моравы; напса же их Тудор черноризец Доксов, темжде князем повелел, на устии Тыча, в лето 6415 (907) индикта 14, иде же святаа златаа церквы новаа сотворена есть темжде князем. В се убо лето успе раб божии сего князя отець, в блазе вере живыйи, в добре исповедании господа нашего Иисуса Христа, великийи и

честны и благоверны господ наш княз Болгарск, именем Борис, христианое же имя ему Михаил, месяца маиа в 2 день, в суботны вечер. Сей же Борис Болгары крестил в лет етхъ бехти (866). Во имя отца и сына и святого духа аминь». ¹

Что касается последнего из названных нами выше произведений Константина-пресвитера, его «Историкии», то это произведение является древнейшим историческим трудом в болгарской литературе и представляет собою опыт всеобщей истории на основе данных византийских источников. Как и византийские хроники, изложение «Историкии» начинается с Адама и дает имена и годы лиц библейско-восточной, римской и византийской истории. О болгарях в «Историкии» имеется только одно, и притом очень коротенькое сведение, заимствованное из византийских источников, в связи с поражением императора Никифора I (802—811). По определению болгарских историков, это произведение было написано Константином между 1 сентября 893 и 31 августа 894 гг. и представляет собою яркий пример полного господства византийского влияния в болгарской литературе IX—X вв. Как исторический источник «Историкия» Константина не имеет никакого значения. ²

Григорий-пресвитер

Григорий принадлежал к Симеонову кругу писателей и работал по заданиям Симеона. О его литературной деятельности говорит одна заметка в славянском переводе хроники Иоанна Малалы в рукописи XIII в., где мы читаем следующие строки: «Книги завета божиа ветхаго, сказующе образы новаго завета, истину суцу, преложеныя от греческого языка в словенский при князи болгарстем Симеоне, сыне Бориши, Григорием презвитером, мнихом всех церковников болгарских церквии повелением того книголюбца князя Симеона истинне рещи боголюбца».

Имя этого болгарского писателя впервые было открыто русским ученым К. Калайдовичем и опубликовано в его работе, посвященной исследованию литературной деятельности болгарского писателя Иоанна-Экзарха. ³

Лучшее исследование вопроса о переводческой деятельности Григория принадлежит проф. И. Евсееву. ⁴

Анализ приведенной выше приписки привел этого исследователя к заключению, что Григорий переводил книги Ветхого завета, прообразовательные для Нового завета, т. е. так называемое «Пятикнижие» Моисея и книги Иисуса Навина, Судей и Руфь, составляющие вместе «Восьмикнижие». Приведенная выше приписка в знаменитом Хронографе, б. архива Министерства иностранных дел, содержащем славянский текст хроники Малалы, находится именно после «Восьмикнижия» и перед историей о взятии Трои. Таким образом,

¹ И. Срезневский. Запись при книге слов Афанасия Александрийского против ариан 907 г. (По русскому списку XV в.). Сборник ОРЯС АН, т. XX, № 4, СПб., 1879, стр. 5; Йордан Иванов. Княз Борисов надпис в Балши от 866 г. Български старини из Македония, 2-е изд., 1931, стр. 14 и сл.

² Иван Дуйчев. Преглед на българската историография. Jugoslovenski Istoriski Časopis, godina IV, Sveska 1—2, Ljubljana-Zagreb-Beograd, 1938, стр. 42 и сл.; В. Н. Златарски. Най-старият исторически труд в старбългарската книжнина. Списание на Българската Академия на науките, т. XXVII, Истор.-фил. клон, 15, 1923, стр. 132—182.

³ К. Калайдович. Иоанн-Экзарх болгарский. Москва, 1824, стр. 15, 99.

⁴ И. Евсеев. Григорий-пресвитер, переводчик времени болгарского царя Симеона. Известия 2-го Отд. АН, 1902, VII, кн. 3.

она относится к «Восьмикнижию», так как отдельные кодексы «Восьмикнижия» существовали как на греческом, так и на славянском языках. Проф. Евсеев установил, что при составлении б. Архивного сборника «Восьмикнижие» с завершающей его припиской целиком было внесено в середину текста Малалы, на замену краткого хронографического изложения ветхозаветной истории до времени царств. В этом автора убеждает, в частности, тот факт, что из состава всего сборника только это «Восьмикнижие» по языку можно отнести к Симеонову времени. Таким образом, теперь можно считать установленным, не только какой именно труд по поручению Симеона перевел на славянский язык Григорий, но и самый труд, дошедший до нас хотя и в более позднем русском списке XIII в. Раньше с именем болгарского Григория-пресвитера связывали представление как о переводчике так называемой «Палеи», сочинения исторического характера, излагающего Ветхий завет, но в настоящее время это представление отпало, так как можно считать установленным, что Григорий переводил не «Палею», а просто известную часть книг Ветхого завета, образующих собою «Восьмикнижие».

Иоанн-Экзарх болгарский

Прекрасное знание болгарской жизни и современной политической и культурной обстановки в Болгарии, выступающее в произведениях Иоанна-Экзарха, дает основание предполагать, что по национальности он был болгарин. Однако он знал греческий язык и был высокообразованным человеком, что дает исследователям основание говорить о том, что Иоанн принадлежал к высшему кругу придворной болгарской знати и вместе с молодым Симеоном, будущим болгарским царем, получил высшее образование в Византии. Славянскую грамоту Иоанн овладел в Болгарии, вероятно под руководством учеников и бывших моравских сотрудников Константина и Мефодия, по рассказам которых он одновременно познакомился с жизнью и деятельностью солунских братьев. Иоанн известен в истории под именем Экзарха по занимавшейся им должности. Так назывался в Болгарии в IX—XIV вв. священник, который нес обязанности верховного наблюдателя за порядком и дисциплиной в церкви.

Несмотря на то, что Иоанн был литературно-образованным человеком и хорошо подготовлен для писательской деятельности, тем не менее, не уверенный в своих силах, он не решался по собственной инициативе посвятить себя литературному труду. По признанию Иоанна, большую роль в этом отношении сыграл в его жизни черноризец Докс, брат князя Бориса. Об этом Иоанн подробно рассказал в предисловии, или «Прологе», к переводу сочинения Иоанна Дамаскина «О правой вере», известного в переводе Иоанна-Экзарха болгарского под заглавием «Небеса». В этом «Прологе» болгарский автор говорит о переводческой деятельности Константина-философа и Мефодия, о том, что Константин начертал буквы для славянских книг и перевел «избор» из Евангелия и Апостола и вообще перевел столько, сколько мог перевести пока был жив; и что Мефодий перевел с греческого языка на славянский все 60 уставных книг. И я, — продолжает Иоанн, — слыша много раз об этом, хотел попытаться дать точный перевод на славянский язык толкования учителей, но, поразмыслив, испугался того, как бы, продолжая дело Мефодия и потрудившись в пользу народа (чади), чтобы перевести на свой язык учительские сказания, не исказить их, ибо сознаю ограничен-

ность (тупость) и некультурность (грубость) своего ума и физическую немощь. Взвесив все это, я отказался от своей мысли. Когда прошло после этого несколько лет, почтенный человек, черноризец Докс, когда я пришел навестить его, настаивал, приказывал мне и умолял меня перевести сочинения учителей, говоря: «Попови что есть ино дело, разве учения? да ельма же еси службу ту приял, то и се ми нужда есть делати». — Убеждения черноризца Докса еще больше испугали Иоанна; особенно он убоился своей лености и ответственности, вспомнил известную притчу о ленивом рабе и, в конце концов, не желая быть ослушником, занялся этим делом и перевел книгу Иоанна Дамаскина. В заключении «Пролога» автор обращается к читателям с просьбой простить переводчику, если они найдут, что перевод не идентичен оригиналу, ибо греческий язык не всегда можно точно перевести на другой язык, как и всякий вообще язык, — прибавляет автор.

Таким образом, независимо от обстоятельств, как и почему Иоанн-Экзарх взялся за литературную работу, ясно, что главная мысль, которая лежала в основе его переводческой деятельности, заключалась в том, чтобы продолжить дело Мефодия и дать славянскому читателю более широкий и законченный круг чтения, необходимый для его культурно-просветительных интересов.

Сочинение Иоанна-Экзарха «Слово о правой вере» или «Небеса» представляет собою перевод избранных непосредственно самим болгарским переводчиком 48 глав из обширного догматического сочинения византийского писателя VIII в. Иоанна Дамаскина «Богословие» («Небеса»). Сочинение Иоанна Дамаскина состоит из 4 книг (100 глав). Болгарский автор оставил без перевода те главы оригинала, которые посвящены прениям между несторианами и евтихианами, но вместо этих глав он пополнил свой труд переводами других греческих статей.

Вторым аналогичным переводным трудом Иоанна-Экзарха было его «Любомудрие», представлявшее собою перевод «Философии» того же Дамаскина. Это сочинение Дамаскина, как и его болгарский перевод, посвящено философским толкованиям христианских истин в целях подготовки слушателей к разумному и сознательному усвоению основ нового вероучения (Д. Цухлев).

Кроме названных двух произведений, Иоанну-Экзарху принадлежит компилятивный труд философско-богословского характера под заглавием «Шестоднев», составленный по образцу и в духе популярных в византийской литературе аналогичных же произведений во главе с «Шестодневом» Василия Великого. Как византийские «шестодневы», так и «Шестоднев» Иоанна-Экзарха, представляющий собою опыт истолкования шести дней творения по библии, имел в виду дать обоснование византийско-православного учения о мироздании на основе библейского повествования о сотворении мира и философии Аристотеля, в целях борьбы с материалистическими учениями о мироздании античной философии.

В предисловии — «Прологе» к своему сочинению, посвящая его царю Симеону, болгарский автор говорит о том, что свои «шесть слов», из которых состоит его «Шестоднев» по библейскому повествованию о шестидневном творении мира, он не сам лично составил, а заимствовал — частью у Василия Великого, частью у Иоанна, а остальное у других, из которых кое-что в свое время он перечел. Толкуя шестидневное творение мира по библии, болгарский автор дает критическую оценку теорий мироздания представителей античной философской мысли: Аристотеля, Платона, Фалеса, Парменида,

Демокрита и др.; описывает красоты природы и восторгается ими; касается болгарского народного быта и современной болгарской общественно-политической жизни. Специальный исторический интерес представляет шестое слово, в котором болгарский автор дает описание роскоши и богатства преславского дворца и рисует картину царского приема во дворце и фигуру самого болгарского царя Симеона. Таким образом, по своему содержанию «Шестоднев» Иоанна Экзарха, как и византийские «шестодневы», не только имел в виду утверждение византийского православия, как догмы, вытекавшей из основ феодального строя, ими обусловленной и отвечавшей интересам упрочения феодальных отношений, но также специально и превознесение мудрости болгарского царя Симеона и возвеличение его личности и его самодержавной власти.

Как видели мы выше, в «Прологе» к переводу сочинения Иоанна Дамаскина «Богословие», болгарский автор говорит о том, что он долго колебался, браться ли ему за это дело, и боялся, что он не справится с этою трудной задачей, так как чувствует ограниченность своих способностей и физическую немощь. В заключении же «Пролога» он ясно дает понять читателю, что перевод его не всегда точно воспроизводит греческий оригинал, и объясняет это трудностью вообще перевода с греческого языка на славянский. Действительно, славянский язык, получивший свое первое литературное крещение в трудах Кирилла и Мефодия, был в то время еще не настолько литературно развит и не настолько богат лексически, чтобы переводчику философских сочинений Иоанна Дамаскина легко можно было справиться со своею задачею. Специальные исследования языка переводов Иоанна-Экзарха болгарского, сделанные в свое время крупнейшими специалистами филологами — Ягичем, Лескиным и Вондраком, установили, что болгарский переводчик был прав, когда он не только сомневался в своих возможностях браться за перевод философских сочинений византийских авторов, столпов византийского православия, но и вообще боялся браться за это дело, а если и взялся, то исключительно по настоятельному требованию высокопоставленных лиц преславского двора, царя Симеона и его дяди, черноризца Докса, очевидно, переоценивавших возможности своего «министра» по церковным делам и крупного придворного чиновника, каким при преславском дворе был Иоанн-Экзарх. Сейчас мы знаем, что болгарский переводчик не справился со своею задачею, да вряд ли мог бы с нею справиться и любой болгарский автор того времени. Лескин называет смелой попыткой Иоанна-Экзарха браться за перевод такого трудного текста, как «*Ἐκδοσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως*» Иоанна Дамаскина, представляющего собою завершение развития церковной догматики, перевод автора, усвоившего к тому же очень сложную философскую терминологию греков и весьма точно оперирующего этой терминологией. С этой точки зрения, перевод Дамаскина, по мнению Лескина, был бы затруднителен даже для современного языка и современного переводчика, а для переводчика средних веков, конечно, он был тем более непосильным. Уже по одному этому было бы трудно ожидать, чтобы перевод «Богословия» вполне удался Иоанну. Перевод его пестрит ошибками. Ошибки эти частью должны быть отнесены за счет позднейших переписчиков, частью могут быть объяснены ошибками в греческом оригинале. Но дело обстоит гораздо хуже. Оказывается, болгарский переводчик часто неправильно понимает самые простые греческие слова в очень легком греческом контексте и тем самым обнаруживает ту

«тупость и грубость» своего ума, о чем он сам со всею откровенностью честного человека говорит в своем «Прологе», подчеркивая, что он боится, в виду этого, исказить текст оригинала. Проф. Лескин отмечает случаи чисто механического составления болгарским переводчиком слов для передачи соответственных сложных терминов греческого языка, без надлежащего учета того, насколько созданный таким образом термин способствует точному пониманию текста. С таким переводом оригинала связана была и неправильная передача смысла отдельных мест текста. Еще более это стояло в связи с неправильным пониманием болгарским переводчиком конструкций греческого языка. Для одного и того же богословского или философского понятия Дамаскин всегда пользуется одним определенным термином. У Иоанна-Экзарха этого нет: в одном случае термин *ὀπίστασις* он передает через «оупостась», т. е. оставляет термин без перевода, в другом случае, однако, тот же термин у него передается через «съставъ»; первый он употребляет в тех случаях, когда речь идет о божестве, второй, — о прочих существах. Такое положение вещей, — говорит Лескин, — делало для читателя совершенно непонятным внутренний смысл текста, и он должен был обращаться для подлинного понимания его непосредственно к греческому оригиналу.¹

Царь Симеон

(864/865—927)

По свидетельству современников, в «Прологе» к книге «Златоуструй», представляющей собою сборник слов Иоанна Златоуста (творения этого автора IV в. были любимым чтением Симеона) названный выше «Златоуструй» приписывается авторству Симеона. В этом «Прологе» говорится, между прочим, что Симеон, изучавший все книги, древние и новые, и постигший внутренний и внешний смысл писания, а равно нравы и обычаи всех учителей и мудрость всего разума Иоанна Златоуста, полюбив читать его творения, выбрал из них («мало от многого») наиболее нравившиеся ему слова Златоуста и составил из них книгу, которую и назвал «Златоуструем».

Известны два списка этого сборника: один — XII в., так называемый Чудовский, хранящийся в Государственной Публичной Библиотеке в Ленинграде, в котором имеется 73 слова Златоуста, и другой — XVI в., собрания Уварова — 135 слов. Последний полностью совпадает как с греческим оригиналом, так и с более ранним списком, что говорит о том, что в древности одновременно имелось два независимых друг от друга славянских «Златоуструев». Наличие в древнеславянской письменности двух «Златоуструев» удостоверяется и показанием «Пролога» или «Похвалы», где в списке XV в., изданном И. И. Срезневским в «Сведениях и заметках о малоизвестных и неизвестных памятниках» (СПб., 1867), читаются, между прочим, следующие строки: «(Симеон) яко извык ему чести вся книги (т. е. книги Иоанна Златоуста), избрав его вся словеса

¹ A. Leskin. Die Übersetzungskunst des Exarchen Johannes. Archiv f. Sl. Phil., т. XXV, 1903, 48—66; его же. Zum Šestodnev des Exarchen Johannes. Там же, т. XXVI, 1904, 1—70; В. Ягич. Рассуждение Иоанна Экзарха болгарского о славянском языке в предисловии к его переводу «Богословия» Иоанна Дамаскина. «Рассуждения старины о церковно-славянском языке, Исследования по русскому языку», т. I, СПб., 1885—1895, стр. 320—325. Специальное исследование о языке Иоанна-Экзарха принадлежит чешскому ученому В. Вондраку (V. Vondrak. O mluvě Iana Exarcha, bulgarskeno. V Praze, 1896).

из всех книг его, в сия едины сложи книги, яже и прозва Златоструая. Аще бо иного по сему имени Златоструаго прозваша, то и мы несмь мню никакоже соблазнили книги Златоструая нарекше»... и т. д. Затем следует раскрытие образного названия книги «Златоструая». ¹ В «Прологе самого христолюбца цесаря Семеона» по списку XII в. то же место изложено несколько сокращеннее: «и избра вься словеса от всех его книг в сия едины сложи книги, яже прозваа (яже и прозва) златоструая; то и мы несмь ся мню никакоже соблазнили, сия книги златоструая нарекше». ²

Болгарский «Златоструй» был предметом внимания целого ряда крупнейших филологов-славистов. Им интересовались Калайдович, Шафарик, Бодянский, Срезневский, Палаузов, Гильфердинг, Ягич, Малинин. Лучшим исследованием этого памятника остается старое исследование В. Малинина. ³

Раньше думали, исходя из данных «Пролога», что «Златоструй» действительно был составлен болгарским царем Симеоном, причем большинством исследователей предполагалось, что это было сделано на основании греческого подлинника сочинений Златоуста самим Симеоном, — так думали Калайдович, Шафарик, Бодянский и Гильфердинг, — или Иоанном-Экзархом, — так думал Палаузов. Срезневский, установивший единство перевода в обоих изводах «Златоструая», относился скептически к авторству Симеоном: Ягич стоял на той точке зрения, что перевод этого памятника был сделан одним или несколькими неизвестными авторами. Малинин установил, — и его точка зрения является сейчас общепринятой в науке, — что составители «Златоструая» с полным собранием сочинений Златоуста дела не имели, а пользовались такими греческими источниками, в которых сочинения Златоуста представляются в извлечениях, приспособленных к известным целям, т. е. что славянский «Златоструй» представляет собою перевод греческого сборника, который заключал в себе труды Златоуста в сокращенном виде. Такие сборники в византийской литературе назывались катенами.

Такая же катена или сокращение бесед Златоуста на Евангелие Матвея была источником «Учительного евангелия» Константина-пресвитера. Самым решительным доказательством того, что славянский «Златоструй» не был составлен на основании самостоятельного выбора поучений из полного собрания сочинений Иоанна Златоуста, служит, по мнению исследователя, то обстоятельство, что в него включено до 30 эклог из катены, составление которой приписывается Феодору Магистру, называемому иначе Феодором Дифиопатом. Из этой катены, согласно исследованию Малинина, в славянский «Златоструй» полного извода взято 29 эклог. По своему содержанию эклоги представляют собою, по точному смыслу термина, извлечения из произведений Иоанна Златоуста. Текст источника, как установлено цитируемым исследователем, воспроизводился переводчиком или переводчиками славянского «Златоструая» в большинстве буквально, и только иногда с изменениями, пропусками и дополнениями, определить происхождение которых, однако, затруднительно.

Что касается «Пролога», которым открывается «Златоструй», то по характеру содержания, как это установил академик Соболевский,

¹ Цит. по хрестоматии Б. Ангелова и М. Генова. Стара българска литература (IX—XVIII в.), София, 1922, стр. 322 и сл.

² Цит. по изданию А. И. Соболевского в «Материалах и исследованиях» (стр. 28 и сл. — по списку XII в. Чудовского монастыря).

³ В. Малинин. Исследование Златоструая по рукописи XII в. Киев, 1878.

он представляет собою стихотворную «похвалу» — подражание аналогичным греческим стихотворениям, которые писались на экземплярах, подносившихся византийским императорам и важным особам, или переписывались по их заказу. По своему объему, по своим длинным периодам и по вычурному расположению слов, не говоря уже о содержании, «Пролог» очень близок к «Похвале» Святославова сборника, что дало академику Соболевскому основание предполагать, что оба произведения принадлежат перу одного и того же автора.¹

По характеру содержания «Пролог» «Златоструя» представляет собою панегирик Симеону, принадлежащий авторству одного из его почитателей, которому, однако, не была известна подлинная история происхождения «Златоструя» царя Симеона. С другой стороны, как в свое время было подчеркнуто Малининым, вторая часть «Пролога» показывает, что этот труд не только новый и отдельный от сборника Симеона, но и отличный от него до того, что оказалось необходимым оправдать наименование его «Златоструем». При этом второй труд не тождествен с трудом Симеона и в то же время — не сокращение и не пополнение «Златоструя» Симеона, иначе, — замечает Малинин, — не представлялось бы никакой надобности оправдывать наименование, раз усвоенное, и притом таким уважаемым лицом, каким в глазах самого составителя «Пролога» является царь Симеон. Таким образом, — заключает Малинин, — полный извод Златоструя не принадлежит Симеону и явился после него. Но был известен и другой «Златоструй», отличный от настоящего, составление которого приписывалось Симеону. Таковым можно было бы считать «Златоструй», дошедший до нас в списке XII в., т. е. в более краткой редакции, однако для этого Малинин не видит положительных данных.

На основании изложенного выше мы можем утверждать, что Симеонов «Златоструй» до нас не дошел. Полный извод «Златоструя», известный по спискам XV и XVI вв., представляет собой второй славянский «Златоструй», а дошедший до нас «Златоструй» по списку XII в. является сокращенной редакцией этого последнего. Наконец, то, что в «Прологе» говорится о работе или об участии в работе над составлением «Златоструя» царя Симеона, не имеет, таким образом, никакого отношения к дошедшему до нас «Златострую» и в полной и в сокращенной редакциях. Что представлял собою в действительности подлинный «Златоструй» Симеона, — остается пока неизвестным.

С именем царя Симеона связывается и другой сборник под заглавием: «Сбор от мног отец — толкования о неразумных словесех в евангелии и в апостоле и в инех книгах, в кратце сложены на память и на готов ответ». По характеру содержания это произведение представляет собою перевод, сделанный, по поручению Симеона, одной из популярных в византийской литературе «энциклопедий». В состав сборника входит 383 статьи различного содержания. Центральное место в сборнике составляют ответы Анастасия Синаита на предложенные ему разные догматические и этические вопросы. Кроме того, в состав сборника входят отрывки из творений отцов церкви с древнейших времен до VIII в., из хроники Евсевия, из грамматических трудов Георгия Херобоска VI в. и иерусалимского патриарха Михаила Сникела IX в.; краткая хроника римских и визан-

¹ См. его «Материалы и заметки» (Сборник ОРЯС АН, т. XXXVIII, № 3, СПб., 1910, стр. 28 и сл.).

тийских царей и цариц до Константина и Зои (X в.) и ряд статей других авторов. Первоначально сборник этот был известен под именем «Изборника Святослава» 1073 г., потому что в рукописи этого сборника б. Московской синодальной библиотеки на листе 263 имеется приписка, гласящая, что данный «Изборник» — «в лето 6781 (1073) написа Иоанн диак великууму князю Святославу», т. е. князю Святославу Ярославичу Черниговскому (1027—1076). Однако в другом списке того же «Сборника» Кирилло-Белозерского монастыря XVI в., открытом в 1847 г. Шевыревым, ясно говорится, о том, что как самый «Сборник», так и «Похвала» были написаны для Симеона болгарского и были посвящены ему.¹

В «Похвале», которой открывается «Изборник Святослава» 1073 г., читаются следующие строки: «Великий между князьями князь Симеон, могучий владетель, пожелав вожделенно опубликовать мысли, сокрытые в глубинах этих трудно понимаемых книг премудрого в науках Василия, приказал мне, не умудренному в науках, перевести их, сохраняя точность смысла. Собрав эти мысли, как трудолюбивая пчела, с каждого цветка литературы, как бы в единый медовый сот, в свое великомысленное сердце, он изливает их из уст своих, как сладкий мед, перед боярами для вразумления их разума, являясь для них новым Птолемеом. И потому, что он собрал все высокопочитаемые божественные книги, наполнив ими и свои палаты, он создал себе вечную память...»

Приведенная выше цитата из «Похвалы» «Изборника Святослава», в действительности «Симеонова сборника», дает несколько весьма ценных указаний. Уже академик Соболевский указал на то, что в роскошном Синаксаре² императора Василия Македоняна (867—886), следовательно в рукописи, современной оригиналам «Симеонова сборника» и «Златоструя», мы находим стихотворение в честь этого императора перед текстом Синаксаря, в ямбическом размере и с тем самым числом стихов (27), как в «Похвале» «Симеонова сборника». Исходя из этого, Соболевский рассматривал эти произведения болгарских стихотворцев как подражание посвятительным стихотворениям византийских авторов.³

В «Похвале» болгарского автора обращает на себя внимание то, что Симеон называется в ней князем. Вопрос о титуле верховного главы государства в Симеоново время, как показали мы выше, был сугубо политическим вопросом и для Симеона лично представлял собою вопрос первостепенной важности в его упорной борьбе за византийское наследие. Формально эта борьба заострялась на требовании Симеона к византийскому правительству признать за ним царское достоинство. Поэтому, если болгарский автор в своей «Похвале» называет Симеона князем, то это могло иметь место только до 913—915 гг., когда Симеон, не добившись от Византии признания за болгарским князем царского достоинства, сам оформил титулование себя «цесарем и самодержцем всех болгар». Следовательно, «Симеонов сборник» был написан до 913—915 гг., вероятнее всего в 912 или 913 гг., так как входящая в его состав краткая

¹ «Симеонов сборник» по рукописи 1073 г. был издан в 1880 г. Обществом любителей древней письменности под заглавием «Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г.» (СПб.).

² Так назывались в византийской литературе сборники из произведений христианской литературы, обыкновенно из рассказов о жизни христианских подвижников и целых жизнеописаний, предназначенных для чтения на внебогослужебных собраниях верующих.

³ А. И. Соболевский. Материалы и исследования, стр. 11 и сл.

хроника римских и византийских царей и цариц довержена до Константина и Зои, т. е. до 912—920 г. В 913 г. византийское правительство, уступая настойчивым требованиям Симеона, который в это время стоял у стен Константинополя и угрожал разгромом столицы империи, утвердило за ним титул византийского кесаря и на этом условии заключило с Симеоном мир. Но титул Византийского кесаря Симеона не удовлетворял. Поэтому, возвратившись в 915 г. в Преслав после успешной осады Адрианополя с богатыми подарками, полученными от правительницы Зои, Симеон объявил себя «цесарем и самодержцем всех болгар». Именованье после этого Симеона князем было бы для болгарского автора политически немыслимым. С другой стороны, как видели мы выше, в «Похвале» «Златоструя» в обеих ее редакциях Симеон именуется уже цесарем, что говорит о том, что сборник «Златоструй» в двух дошедших до нас редакциях был написан после 915 г., т. е. после «Симеонова сборника».

Затем, из той же «Похвалы» «Симеонова сборника» мы узнаем, что Симеон не только интересовался современной византийскою литературою и не только знал ее, но и вел культурно-просветительную работу среди своего боярства. Наконец, из этой же «Похвалы» мы получаем некоторое представление о том, как возник интересующий нас памятник, и в чем заключалось участие в его создании самого Симеона. Согласно показанию «Похвалы», Симеон лично отобрал из множества византийских авторов наиболее нравившиеся ему отрывки и приказал своему переводчику перевести на болгарский язык, дав ему при этом руководящее указание сохранять в переводе точность смысла греческого оригинала. Вероятно, однако, в руках Симеона имелся уже готовый аналогичный греческий сборник энциклопедического характера, который он только дополнил некоторыми текстами по собственному выбору.¹

Черноризец Храбр

Официальное признание болгарским народным Собором 893 г. славянского языка в качестве языка культа, быстрый рост письменности на славянском языке и широко развернувшаяся в Болгарии при Симеоне подготовка кадров священнослужителей из местного болгарского населения не могли не вызвать протеста со стороны греческого духовенства, которое со времени принятия Борисом христианства, опираясь на постановление Константинопольского собора 867 г., было в Болгарии фактическим хозяином в делах церкви и просвещения и, вероятно, не склонно было сдавать свои позиции, являясь исключительно привилегированным и влиятельным элементом в политической и культурной жизни страны. Однако и болгарская общественность во главе с Симеоном тоже не склонна была на какой-либо компромисс с греческим духовенством и вела борьбу словом и делом. Она обучала болгарскую молодежь славянской грамоте и готовила из ее среды кандидатов в священнослужители на смену греческого духовенства; усердно была занята переводом на славянский язык соответственной литературы; выступала устно и письменно с защитой славянского языка против агитации о неправо-

¹ Лучшим исследованием «Симеонова сборника» 1073 г. остается работа проф. Л. Мазинга «Studien zur Kenntniss des Izbornik Svjatoslava vom Jahre 1073 nebst Bemerkungen zu den jüngeren Handschriften» (Archiv f. Sl. Philologie, VIII, 1885; IX, 1886).

мочности его в качестве языка культа, которую вели и поддерживали представители греческого духовенства. Из биографии Климента мы знаем, что, будучи командирован Борисом на просветительскую работу в Кутмичевскую область в Македонии, он организовал здесь в каждом более значительном населенном пункте школы славянской грамоты, сам обучал ей болгарскую молодежь и непосредственно на местах руководил всем делом школьного образования в области. В результате этой деятельности Климент в короткое время мобилизовал для обучения славянской грамоте до 3500 человек, по 300 человек в каждом приходе или церковном районе своей области. Будучи возведен в 893 г. Симеоном в сан епископа Величского, он тем самым получил полномочия посвящать наиболее подготовленных и способных из своих учеников в церковнослужители, не прибегая в данном случае к санкции греческих епископов. К числу учеников Климента принадлежали, между прочим, неизвестный автор жития Наума, одного из лучших литературных памятников Симеонова времени, и деволский епископ Марк, у которого работал автор названного жития. Уже эти два имени достаточно ясно говорят об успехах учительской и просветительской деятельности Климента в Македонии. По всем вероятностям, на таких же началах было организовано народное образование и подготовка первых кадров славянского духовенства из болгар и в других районах Болгарии. Что славянская грамота среди болгарского народа очень быстро приобрела широкую популярность и пустила глубокие корни, об этом говорит, в частности, и тот факт, что, по свидетельству источников, болгарские богомилы почти поголовно были грамотны, а богомилы в Болгарии уже при ближайшем преемнике, сыне Симеона Петре, т. е. в первой половине X в., представляли собою внушительную и количественно и качественно народную силу.

С другой стороны, как мы видели выше, через всю обширную литературную деятельность того же Климента и его современников — Константина-пресвитера и Иоанна-Экзарха, крупнейших представителей болгарской литературы Симеонова времени, и, несомненно, множества и других неизвестных нам по имени писателей того же и ближайшего к нему времени красною нитью проходит мысль о славянском народе, о просвещении болгарского славянского народа на родном языке и его успехах в этом направлении. Огромная переводческая и оригинальная литературная деятельность болгарских писателей начального периода истории болгарской литературы, их усердная работа над родным языком и их постоянное подчеркивание в своих произведениях значения славянской грамоты и просвещения славянского народа на родном языке были литературной формой политической борьбы болгарского феодального общества за культурно-национальное самоопределение и национальную независимость. Борьба эта была направлена против засилья греческого духовенства внутри страны, за которым постоянно стояла и в котором постоянно скрывалась реальная угроза для Болгарии политического наступления на нее со стороны Византии. В наличности этой угрозы отдавали себе совершенно ясный отчет и Борис, и Симеон, и правительство сына Симеона, Петра.

К числу болгарских писателей этого же идеологического круга Симеонова или самого ближайшего к нему времени принадлежал и автор замечательной статьи «О письменех», известный под именем Черноризец Храбр. Статья Черноризца Храбра носит характер апологии, или защиты, славянской письменности и направлена

против антиславянской агитации греков. По характеристике академика Ягича, Черноризец Храбр «вооружился в своей статье всем запасом тогдашней византийской учености, насколько она была ему доступна и известна, и поставил своей задачей провести параллель между греческим и славянским алфавитом и доказать, что последний ничуть не хуже первого».¹

Статья открывается известной справкой культурно-исторического характера о письменности у славян в древности, до изобретения славянского алфавита. «Раньше славяне не имели книг, — говорит автор, — но, будучи язычниками, считали и гадали чертами и резами; приняв же христианство, они должны были писать по-славянски римскими и греческими буквами «без устройства». Но как можно хорошо написать греческими буквами славянские: бог или живот, или зело, церковь, чаяние, широта, ядь, юность, язык и тому подобное. И так было много лет...», пока, наконец, Константин-философ, прозванный Кириллом, не изобрел для славян 38 букв, частью по образцу греческих букв, частью в соответствии со славянским языком.

Основная часть статьи Храбра посвящена подробной защите славянского письма, в такой же мере законного и целесообразного, как законны и письмена еврейское, римское и греческое. В числе доводов в защиту славянской письменности Храбр ссылается на историю происхождения греческого письма. Статья содержит, между прочим, два ценных исторических показания: первое заключается в цитировании утверждения противника славянского письма о том, что Кирилл неудовлетворительно устроил славянские письмена, ибо они все еще продолжают строиться («понеже ся построяют и еще»); второе — это ответ автора на вопрос о том, когда была изобретена славянская азбука: «в времена Михаила царя греческого, и Бориса князя болгарского, и Ростисла князя моравского, и Коцела князя блатенского, в 6363 году от сотворения мира».

Первое из этих показаний Храбра важно в том отношении, что оно служит свидетельством тому, что еще во времена Храбра продолжалась начатая Кириллом работа по построению славянских письмен. Что понимает этими словами Храбр? То ли, что при нем продолжалась работа над усовершенствованием славянской азбуки или же над улучшением литургической литературы, основания которой были заложены Кириллом? Тот или иной ответ на этот вопрос зависит, во-первых, от того, как понимать термин «письмена» — в смысле ли буквенных начертаний или в смысле «книги», — и во-вторых, он стоит в зависимости от общего контекста речи. Некоторые толковали термин «письмена» как знаки письма, т. е. как буквы, и показание Храбра понимали в том смысле, что в его время получил свое начало новый славянский алфавит, т. е. наша кириллица. Ягич толковал это показание в смысле продолжения перевода книг священного писания.

Второе показание Храбра о времени изобретения славянской азбуки, с поименованием современных этому событию князей, важно в том отношении, что, во-первых, оно в точности соответствует исторической действительности, засвидетельствованной другими источниками, и, во-вторых, свидетельствует о том, что статья Храбра

¹ И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке. Исследования по русскому языку, т. I, изд. ОРЯС АН, СПб., 1885—1895, стр. 311.

была написана в ближайшее к этому событию время, так как имена моравского князя Ростислава и блатенского или паннонского Коцела быстро исчезли из народной памяти.

В рукописи бывшей Московской духовной академии, напечатанной впервые С. Палаузовым в 1852 г., имеется, между прочим, дополнительное замечание, в котором говорится: «суть бо еще живи, иже суть видели их», т. е. видели Кирилла и его брата Мефодия.¹ Это замечание Ягич рассматривал как позднейшую вставку и не склонен был придавать ему какое-либо значение. Соболевский основательно возражал против точки зрения Ягича, утверждавшего, что академический список Храбра восходит к глаголическому оригиналу, о чем, по Соболевскому, «не может быть речи»; он считает, что «подобные фразы, ценные для современного историка, не представляли интереса для старых переписчиков и читателей, интересовавшихся главным предметом рассказа, и потому свободно могли быть опускаемы». Ценность этой фразы Соболевский видел в том, что она свидетельствует, что Храбр писал свою статью едва ли не позднее 930 г. Исследование же вопроса — где писал свою статью Храбр, приводит Соболевского к заключению, что это было там, где славянская азбука и письменность подвергались нападкам и нуждались в защите, где греки были сильны, где славянские книжники жили рядом с греческими, где живо интересовались вопросами славянского просвещения, — скорее всего греческий город Солунь. Во всяком случае Солунь — говорит Соболевский, — это был тот город, где какое-то недавнее «устроение» (исправление) славянского текста священного писания («кънигы») вызывало толки. Если мы правы, считая автором «Прогласа евангелия» и редактором четвероевангелия Константина-пресвитера, то под «устроением», — замечает Соболевский, — всего удобнее разуметь работу именно этого лица (значит, один из живых очевидцев первоучителей, известных Храбру, — не кто иной, как Константин).

Сомнение Ягича вызывала, между прочим, дата изобретения славянской азбуки, показанная Храбром — от сотворения мира 6363. «По обыкновенному летосчислению 6363, — говорит Ягич, — дает 855 год н. э. (6363—5508). В этом смысле поняли эту отметку позднейшие летописцы, но в новейшее время предпочитают класть в основание счета от создания мира 5500 лет, таким образом получается действительно 863 год. Это объяснение несколько сомнительно».²

Соболевский находит, что дата, показанная Храбром, до сих пор «не пользовалась доверием ученых по недоразумению. Они были убеждены, что Храбр следовал византийской эре летосчисления; между тем как он, подобно другим современным ему деятелям древней церковно-славянской письменности, — пользовался эрой александрийской. Его дата в переводе на современный счет — 863 (т. е. 6363—5500); против нее не может быть спора».³

Среди многочисленных списков и редакций Храбра известна, между прочим, позднейшая русская редакция без имени автора в рукописи Синодальной библиотеки XVII в. и в рукописи грамматического

¹ С. Палаузов. Век царя Симеона. СПб., 1852, стр. 120—123. Этот же текст дает и опубликованный впервые проф. Йорданом Ивановым «Хилендарский список» сказания XVI в. (см. его: Български старини из Македония, 2-е изд. София, 1931, стр. 446.

² См. назв. исследование, стр. 319.

³ А. И. Соболевский. Материалы и заметки, стр. 131—133.

содержания проф. Н. С. Тихонравова, опубликованная Ягичем в его «Рассуждении южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке». ¹ Интерес русской редакции заключается в том, что в конце статьи, где перечисляются имена правителей стран, при которых Кириллом и Мефодием была изобретена славянская азбука и переведены на славянский язык книги, после имени Коцела, князя блатенского, следует: «в великое княжение русское Рюрика, погана суца и некрещена, за 120 лет до крещения русския земли, а от создания миру в лето 6363. Русская же земля крестися от великаго Владимира князя киевского и всея Руси в 6496 лето». Стало быть, крещение Руси отнесено автором этого списка к 988 г. (6496—5508), а изобретение славянской азбуки, исходя из того же счета, к 855 г. (6363—5508). Однако, если проверить дату изобретения славянской азбуки по другому показанию того же автора, говорящему о том, что оно имело место за 120 лет до крещения Руси, то получится цифра 868 (988—120). Последние две цифры в показании данной редакции статьи Храбра, таким образом, не совпадают друг с другом. Общепринятым годом изобретения Кириллом славянской азбуки признается 862—863 г. Относить его к 868 г. нельзя потому, что Кирилл умер 14 февраля 869 г., проработав до этого в Моравии 3 года и 4 месяца. Следовательно, в русской редакции статьи Храбра по рукописи Синодальной библиотеки XVII в. имеется какая-то хронологическая неувязка.

По свидетельству Ягича, статья Храбра в этом виде попадает в во многих русских рукописях XVII—XVIII вв. на ряду с другими текстами грамматического содержания. Наконец, эта же статья попала в книгу «Азбуки», напечатанную в 1637 г. «снисканием и труды многогрешного Василия Федора сына Бурцова». ²

Что касается содержания статьи Храбра, в которой автор не только говорит о том, кем и как была изобретена славянская азбука, но затрагивает и целый ряд других вопросов, касающихся истории культуры древних народов — египтян, персов, халдеев, ассирийцев, евреев и греков, о заимствовании греками азбуки у финикийцев и истории разработки греческого алфавита, — то можно было заранее предполагать, что Храбр, — выражаясь словами Ягича, — конечно не рылся в книгах, чтобы приобрести эти сведения, а сделал то, что славянские переводчики обыкновенно делали в подобных случаях, т. е. буквально перевел один попавшийся ему в руки источник. Так и оказалось в действительности. Ягичу удалось обнаружить один из источников Храбра и установить, что часть его статьи оказалась буквальным переводом с греческого: близкий греческий текст издан Гэтлингом в 1822 г. в грамматике Псевдо-Феодосия. Ссылка Храбра на то, что Адам в раю говорил по-сирийски и только после Вавилонского столпотворения народы разошлись по языкам и стали отличаться друг от друга различными преимуществами и способностями, по исследованию Ягича, имеет параллель в сочинении Феодорита Кирского — *Questiones in genesim*, в котором автор обширно распространяется об этом вопросе. Это приводит Ягича к заключению, что источником для Храбра могло послужить в данном случае соответственное известие в какой-нибудь византийской компиляции. Тот же Феодорит своим сочинением *Θεραπειὰ ἐλληνικῶν παθῶν* —

¹ И. В. Ягич. Исследования по русскому языку, т. I, изд. ОРЯС АН, СПб., 1885—1895, стр. 305—308.

² Там же, стр. 308.

мог послужить Храбру, как полагает Ягич, и источником для его рассуждения об искусствах, изобретенных различными народами, и т. д.¹

В заключение необходимо остановиться еще на одном вопросе, который всегда привлекал к себе внимание исследователей, интересовавшихся Храбром. Это, именно, вопрос о самом имени автора статьи — черноризец, т. е. монах Храбр. Представляет ли собою это загадочное имя подлинную историческую личность, о чем мы не имеем никаких показаний древности, или же это литературный псевдоним, и если псевдоним, то кто скрывается за ним? Что касается самого имени «Храбр», то оно никогда ни в ком не вызывало никаких сомнений: это такое же славянское народное имя, как и хорошо известное нам имя одного из ближайших учеников Кирилла и Мефодия — Г о р а з д.

Академик Ягич первый высказал предположение, что это псевдоним.² Чешский ученый Гануш полагал, что под псевдонимом «Храбр» скрывается сам Константин-Кирилл. Другой чешский ученый, Снопек, в 1911 г. отождествлял Храбра с Климентом. В 1917 г. русский ученый Гр. Ильинский, посвятивший этому вопросу специальную статью в «Византийском обозрении», видел в Храбре болгарского писателя Иоанна-Экзарха. В 1915 г. чешский ученый Милош Вейнгард в своей работе — *Vulhaři a Sařhrad před tisíciletím* — высказывает мнение, что Храбр — ученик Константина и Мефодия, болгарский Наум. В 1925 г. эту точку зрения повторил французский славист Андре Мазон. В 1927 г. болгарский историк, проф. В. Н. Златарски в своем капитальном труде — «История на българската държава» (т. I, полут. 2, стр. 853) высказал предположение, что под именем «Храбр» скрывается сам царь Симеон. Наконец, в 1937—1938 гг. болгарский ученый, проф. Ив. Гошев, в труде, посвященном Кириллу и Мефодию и интересном в том отношении, что, на основании имевшихся в распоряжении автора новых материалов, он внес целый ряд корректурных поправок в опубликованные ранее тексты Шафариком, Бодянским, Лавровым, — считает, в частности, что сочинение — «О письменех черноризца Храбра» надо понимать в смысле «О письменех храброго черноризца», т. е. о письменех, изобретенных храбрым черноризцем, как в материалах характеризуется Константин-философ, а не в смысле приписывания авторства этого сочинения какому-то черноризцу Храбру.³

Таким образом, вопрос о том, кто такой «черноризец Храбр», остается не решенным.

Разнообразие же высказанных на этот счет предположений, с одинаковым успехом обоснованных каждым из названных выше ученых, объясняется отсутствием в распоряжении науки каких-либо положительных в этом смысле данных, что, естественно, открывает самый широкий простор для всевозможного рода догадок. При таком положении вещей их можно с неменьшим успехом продолжать и дальше до бесконечности.

Правильнее всего поэтому будет оставить в стороне все эти догадки и предположения, как бы остроумны они ни были, и отказаться, впредь до открытия положительных данных по этому во-

¹ И. В. Ягич. Назв. соч., стр. 311—315.

² Там же, стр. 310 и сл.

³ Точку зрения проф. Ив. Гошева цитирую по реферату, напечатанному в «Училищен Преглед», год. XXXVIII, кн. I, София, 1939 г., стр. 86—88.

просу, от тенденции видеть в имени «черноризец Храбр» псевдоним. Автором статьи надо считать именно черноризца, т. е. монаха, носившего славянское имя Храбр, независимо от того, кто он был по национальности — западный или южный славянин, и кто из современников мог скрываться под монашеским облачением с именем Храбр.

Важно не то, кто написал данную статью, а то, что эта статья, интересная и ценная как исторический документ, своим идейным содержанием отражает политические настроения, господствовавшие в среде передовой болгарской феодальной общественности Симеонова времени и органически смыкается с его обширной литературой, служившей тем же культурным и политическим интересам руководящих верхов болгарского феодализма, которым служила и статья черноризца Храбра.

Глава V

БОЛГАРИЯ ПОД ВИЗАНТИЙСКИМ ВЛАДЫЧЕСТВОМ

(1018—1187)

§ 1. БОЛГАРСКАЯ ПОЛИТИКА ВАСИЛИЯ

(1018—1025)

В грамоте от 1020 г., данной на имя архиепископа Охридского, Василий II, утверждая его главенство над болгарской церковью с сохранением в неприкосновенности ее организационно-административного строя, одновременно объявлял, что Болгария сохраняется неприкосновенно в границах и формах управления, прочно установленных «теми, кто царствовал до нас», т. е. болгарскими царями Петром и Самуилом.

Таким образом, подпав под византийское владычество, Болгария, объединенная в единое целое, не потерпела никакого территориального ущерба и сохранила свой старый административный строй, т. е. прежнее деление на области или воеводства, во главе с воеводами, которые после завоевания Болгарии Византией стали называться архонтами (ἄρχων, мн. ч. ἄρχοντες) или реже стратегами (στратηγός или причастная форма ὁ στρατηγός). Так, например, тотчас же после завоевания Западно-болгарского царства Василий II назначил архонтом Охриды патриция Евстафия Дафномила. В том же году архонтом Сремской области (г. Сирмиум, теперь Митровица в Сербии) был назначен Константин Диоген, архонт Белградской области. Архонты имели в своем распоряжении гарнизоны и командовали ими, т. е. объединяли в своем лице гражданскую и военную власть. Стратеги командовали только войсками укрепленного центра или области. В 1018 г. командующим войсками (ὁ στρατηγός) в Силистре (древнеболг. Дръстьър) был некто Цициний, сын патриция Тевдата Иверийца.

На ряду с архонтами и стратегами (или стратигами), управлявшими крупными укрепленными административными центрами и областями, византийское правительство ввело в Болгарию еще одну, высшую должность «полномочного стратига» (στратηγός αὐτοκράτωρ). Так, например, в Скопие (Ускюб) в 1018 г. патриций Давид Арианит был назначен на должность «полномочного стратига» и получил при этом титул «катепан Болгарии». Это был импе-

раторский наместник Болгарии, высший представитель византийской правительственной власти, которому были подчинены все греческие правительственные областные архонты и стратиги в Болгарии.

Византийские правительственные наместники в Болгарии персонально носили различные титулы: проноит (*προνοητής*), претор (*πραιτωρ*), сатрап (*σατραπης*), архигос (*ἀρχηγός*) и архонт (*ἄρχων*). Титул *προνοήτης* носили в Византии высшие чиновники, награжденные императорами земельными владениями, которые по-гречески назывались *προνοιοί*. Греческий титул *πραιτωρ* соответствовал римскому *praetor*; в древнем Риме его носили консулы и диктаторы, а при императорах — императорские наместники в провинциях, объединявшие в своем лице и гражданскую и военную власть. Титулами *ἀρχηγός* и *ἄρχων* в Византии обыкновенно именовались болгарские владельцы в эпоху независимости Болгарии. Титул сатрап не нуждается в расшифровке.

Первый византийский наместник Болгарии, Давид Арианит, имевший свое местопребывание и свою штаб-квартиру в крупнейшем административно-политическом центре западной Болгарии, г. Скопие, носил титул катепан (*ὁ κατεπανῶ* не склон., а также и *ὁ κατεπανός*). Этот титул в Византии присваивался высшим начальникам областей, которым были подчинены все прочие архонты — воеводы и стратиги. Кроме титула «катепана», византийские наместники Болгарии носили также и титул «дукс», по-болгарски — «дука» (*δοῦξ, ὁ τῆς Βουλγαρίας δοῦξ*). По рангу титул «дукс» или «дука» был выше «катепана».

Постоянного административного центра византийского наместничества в Болгарии не было. Областной воевода-архонт, назначавшийся на должность наместника, продолжал управлять своей областью и оставаться в своем прежнем областном центре. Из первых византийских наместников в Болгарии в XI—XII вв. источники называют следующие имена:

1) Константин Диоген, сремский архонт-воевода, второй наместник Болгарии, в 1026 г. — *προνοήτης πάσης Βουλγαρίας*.

2) Василий Мономах, 1048—1049, *ὁ τῶν Βουλγάρων σατραπης* или *προνοήτης Βουλγάρων*.

3) Никифор Протевон, 1053, *τὴν τῆς Βουλγαρίας περιεζωσμένον ἀρχήν*, «облеченный властью над Болгарией».

4) Роман Диоген, архонт-воевода Сердики (соврем. София), наместник-дука Болгарии в 1064—1068 гг.

5) Никифор Вирений 1073—1074, *δοῦκα τῆς τῶν Βουλγάρων πάσης χώρας*.

6) Никита Карики, 1096, в г. Белграде, дука и князь болгарский.

7) Иван Таронит, 1100—1101, дука в Скопие.

8) Константин Комнен, 1105—1106, дука крепости Верроя.¹

Итак, начиная с 1018 г., вместе с завоеванием Византией, Болгария, в границах Симеоновой и Самуиловой Болгарии, была превращена византийским правительством в наместничество и

¹ В. Н. Златарски. История на българската държава през средните векове, т. II. София, 1934, стр. 3—16. Имена и титулы византийских наместников в Болгарии восстанавливаются как на основании письменных источников и документов, из которых важнейшими являются «История» Иоанна Скилицы и сочинения Яхая ибн-Саида Антиохийского, Кекавмена, Феофилакты Болгарского и др., так и на основании оловянных печатей или моливдовулов; обзор последних см.: Н. Мушмов. Византийски печати с значение за българската история. Македонски Преглед, год. V (1929), кн. 2, стр. 90—96; Б. Панченко. Каталог

управлялась византийскими наместниками — дуками и катепанами. Административное деление ее на округа-воеводства осталось прежнее, но во главе их были поставлены греческие чиновники, архонты и стратиги. Автокефальность болгарской церкви, из боязни вмешательства в византийские дела римской курии, была не тронута. В качестве главы болгарской церкви в 1018 г. Василием II был утвержден охридский архиепископ, монах Иван, болгарин по национальности, избранный и посвященный на эту должность собором болгарских епископов еще до утверждения его Василием II в качестве главы болгарской церкви. Болгарское патриаршество после завоевания Болгарии Византией не было, однако, восстановлено. Болгарская церковная область со всеми входившими в ее состав при последних болгарских царях епархиями была восстановлена Василием II полностью с подчинением всех ведению Охридского болгарского архиепископа. Не тронув на первых порах болгарского духовенства и оставив его на своих местах, византийское правительство, в целях поставить болгарский епископат себе на службу, довольно щедро наделило его материальными благами в дополнение к тем значительным доходам, которые составляли его обычное иждивение, как то: доходы от монастырей и недвижимой церковной собственности, плата за хиротонию, или рукоположение, т. е. посвящение в духовный сан средних и низших церковнослужителей; подъемный налог с населения и доходы от свадеб. В дополнение к этим доходам Василий II установил в пользу болгарских митрополитов и епископов так называемую каноническую подать (*τὸ κανονικόν*), собирающуюся со всех епископий, входивших в диоцезу болгарского архиепископа, а также специальную подать с влахов,¹ которые жили рассеянно по всей Болгарии, и с турок, живших по р. Вардару. Он закрепил за болгарскими епископами определенное число крепостных крестьян — клириков и париков или присельников, число которых в каждом отдельном случае определялось персональными заслугами епископа перед византийским правительством; число это выражалось обыкновенно в цифрах: 40 клириков и 40 париков или 40 клириков и 30 париков.² В-третьих, церковные и монастырские клирики и парики освобождались от всяких сверхданнических налогов как в пользу государства, так и в пользу чиновников, сборщиков податей и налогов (бирники). В-четвертых, византийским стратегам, бирникам и архонтам вменялось в обязанность уважать и почитать архиепископа, слушаться его, и строжайше запрещалось вмешиваться в церковные дела и вообще чинить какие-либо препоны архиепископу и его «боголюбивым епископам».

Что касается экономического положения прочих слоев населения завоеванной византийцами Болгарии, то, судя по сообщению Ивана Скилицы, оно было оставлено Василием II в том же положении,

моливдовулов. Известия Русского археологического института в Константинополе, т. VIII (1903), стр. 199—248; S. Schumberger. Sigillographie de l'Empire byzantin, Paris, 1884.

¹ Влахи — остатки романизированного до-славянского населения полуострова, фракийцев, предки румынского народа. У окрестного населения они известны под кличками куцовлахи и цинцары.

² Париками в Византии назывались государственные и частновладельческие крепостные крестьяне; клириками — крепостные крестьяне церковных и монастырских имений; литература указана у Златарского (назв. соч., стр. 21 и сл., примеч. 4).

в каком находилось и при последних болгарских царях, т. е. Василии II сохранил старую податную систему: поземельная подать, по-гречески «зевгаратикон» (Ζευγαράτικον, от ζευγάριον — «зевгарь» — «упряжка волов» или «пара волов»; переносно участок земли, который можно обработать одною парой волов) и десятинный налог натурою со всех продуктов сельскохозяйственного производства.¹

Таким образом, вместе с завоеванием Болгарии верхи феодального болгарского общества несколько экономически не пострадали, равно как несколько не улучшилось и экономическое положение трудового народа, зато значительно улучшилось материальное положение высшего болгарского духовенства за счет эксплуатации массового населения страны. Пострадали только члены царской фамилии и политически влиятельное боярство. Взятые Василием II в плен, они были высланы из Болгарии в периферийные районы империи.

§ 2. ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ БОЛГАРИИ ПРИ БЛИЖАЙШИХ ПРЕЕМНИКАХ ВАСИЛИЯ II

Существенные перемены завоевание Болгарии Византией внесло, однако, в военное и административно-политическое управление страню. Болгарские воеводы — правители отдельных областей — были смещены, и на их места были назначены испытанные византийские чиновники. Болгарская национальная армия была распущена, и вместо нее в болгарских городах и областях появились сильные византийские гарнизоны. Это были не только щупальцы византийского влияния в Болгарии, но и острые шипы политической власти Византии, которые очень быстро после смерти Василия II (1025), с первых же годов правления ближайших его преемников, начиная с брата Василия II, Константина VIII (1025—1028), дали весьма жестко почувствовать себя болгарскому народу.

Византийское правительство в то время находилось в состоянии развала. На сцену выступили всевозможные авантюристы и интриганы. Власть на местах перешла в руки разложившегося, преступного элемента, ставившего выше всего интересы личной наживы, в результате чего болгарский народ превратился в неиссякаемый источник эксплуатации, вымогательства и злоупотреблений со стороны византийских чиновников. С другой стороны, тотчас после смерти Василия II, начиная с 1026 г., Болгария становится ареною периодических вторжений с севера печенегов, которые избивают, грабят и уводят в плен массу болгарского народа. В 1034 г., ворвавшись на территорию Болгарии, печенеги проникли вплоть до Солуня, предавая грабежам, убийствам и уничтожению все живое, что попадалось им на пути. Подобные печенежские вторжения повторились затем в 1035 г. и три раза в 1036 г. К 1048 г. относятся два массовых вторжения печенегов на территорию Северо-восточной Болгарии. Первое — в количестве 20 тысяч человек, под предводительством Кегена, вступившего в союзнические отношения с Византией (Константин IX Мономах, 1042—1055) и принявшего вместе со своим народом христианство. Местом поселения этих печенегов была Северо-восточная Болгария. Второе печенежское вторжение в том же году насчитывало 800 тысяч человек и имело во главе

¹ В. Н. Златарски. Назв. соч., стр. 20—28.

вождя Тираха. Византийским войскам, при содействии Кегена, удалось ликвидировать это второе вторжение. Печенеги были разбиты и частью уничтожены, частью погибли от эпидемии гастрита, частью бежали за Дунай, а взятые в значительном количестве в плен были поселены в Западной Болгарии на территории районов Софии, Ниша и Овче-поле в Македонии. Отсюда они вскоре стали производить опустошительные нападения на византийские владения и грабить болгарское население. Одновременно с этим болгарский народ стал подвергаться насилиям и грабежам и со стороны местных балканских владов, которые, пользуясь бездеятельностью местной византийской власти, спускались с гор и безнаказанно грабили окрестное болгарское население.

К этим бедствиям, постигшим болгарский народ в первой половине XI в. и подробно описанным у Скилицы, с 1026 г. присоединяются новые: болгарский народ становится жертвою целого ряда стихийных бедствий, о которых сообщает тот же источник. Это были, прежде всего, катастрофические землетрясения, которым Болгария подверглась в 1026 г. и по несколько раз в году в 1037—1039 гг. Землетрясения перемежались или ужасающими засухами, от которых пересыхали все реки, колодцы и источники, или непрерывными в течение нескольких месяцев проливными дождями, от которых реки выходили из берегов и население массами теряло скот, пожитки и продовольственные запасы, в результате чего оно гибло от страшного голода, как это было, например, в 1030 г. В 1037 г. засуха в Болгарии продолжалась шесть месяцев, а после этого, вместо дождя, выпал крупный град, валивший деревья и ломавший черепичные крыши домов. Страдая периодически от этих стихийных бедствий, от голода, население одновременно массами гибло от эпидемических болезней.

По свидетельству Скилицы, в 1039 г. народ в Болгарии вымирал такими массами от тифозной эпидемии, что не успевали хоронить мертвых. То, что еще оставалось у болгарского народа после печенежских погромов, эпидемий и стихийных бедствий, грабили византийские чиновники во главе с дуканами и катепанами. Положение болгарского народа в этом смысле особенно ухудшилось начиная с 1034 г., когда византийский престол занял Михаил IV Пафлагонец (1034—1041), а фактическим правителем государства был его брат, евнух Иван, прозванный Орфанотрофом (Сиротопиталец). С этого времени византийское правительство вступило на путь ликвидации политических прав, утвержденных за болгарским народом конституцией Василия II.¹

Началось это с церкви. После смерти первого болгарского автономного охридского архиепископа Иоанна его преемником явился не избранный в установленном порядке кандидат болгарского епископского собора, а кандидат, назначенный на эту должность непосредственно византийским правительством, грек или ромеец по национальности — Лев, родом из Пафлагонии. Этим откровенным нарушением основного государственного закона по управлению церковью завоеванной страны византийским правительством было положено начало ромеизации болгарской церкви и всего церковного культа. Как отнесся болгарский народ к этому событию, доподлинно неизвестно, но если нарушение завоевателем национальной церковной независимости непосредственно и не затрагивало жизненных

¹ В. Н. Златарски. Назв. соч., стр. 36—43.

интересов народа, то в жизни его к этому времени и без того уже накопилось достаточно горючего материала, так что первая же искра могла вызвать массовое народное восстание. Роль такой искры сыграла предпринятая византийским правительством в 1040 г. реформа податной системы, сводившаяся к замене натуральных податных взносов денежным и, при отсутствии у населения денег, открывавшая широкий простор для хищнической эксплуатации народа скупщиками за бесценок его сельскохозяйственной продукции.

§ 3. ВОССТАНИЕ ПЕТРА ДЕЛЯНА 1040 Г.

Во главе народного восстания стал сын последнего болгарского царя Гавриила-Радомира Самуиловича, Петр Делян, бежавший к этому времени из византийского плена. Провозглашенный болгарским царем собравшимися вокруг него в Белграде повстанцами, он начал отсюда через Ниш и Скопие наступление на Византию, всюду по пути торжественно встречаемый восставшим народом. Центром восстания стал македонский город Скопие, бывший в то время, судя по данным некоторых источников (Скилица), «главным городом Болгарии», т. е. столицей Болгарского наместничества.

Одновременно с восстанием Петра Деляна и независимо от него вспыхнуло народное восстание в Драчской области (г. Драч или Дураццо на Адриатическом побережье) под предводительством Тихомира, которого восставший народ объявил болгарским царем. Таким образом, на территории Болгарии возникли два повстанческих центра: один во главе с царем Петром Делян, другой — с царем Тихомиром, что само по себе уже не сулило ничего хорошего. Это прекрасно сознавал Делян, немедленно принявший меры к полюбовному соглашению с Тихомиром. Он пригласил к себе Тихомира с его сторонниками и на общенародном собрании выступил с речью, в которой предложил сторонам, в интересах дела, избрать единого вождя восстания: или его, «от рода Самуилова суца», или Тихомира. Выступление Деляна произвело такое сильное впечатление на собравшихся, что они не только заявили, что желают иметь Деляна во главе народного восстания в качестве «самодержавного начальника», но тут же забросали Тихомира камнями. Так рисуются источниками события начального периода восстания.¹

Став единолично во главе объединенных сил восстания, Петр Делян одним из своих отрядов занял область Преспу, а с основными силами направился к Солуню. Находившийся в то время в Солуни на лечении византийский император Михаил IV бежал в Константинополь. Наступление Деляна сопровождалось исключительным успехом. Всюду он был поддержан массами народа, страдавшего от хищнических поборов византийского правительства и его агентов на местах. Ему удалось овладеть Драчем и привлечь на свою сторону население Драчской области, проникнуть глубоко в Фессалию и захватить г. Димитриаду (нынешний Воло). Один из своих отрядов он направил в Элладу, где ему удалось взять древние Фивы и распространить отсюда восстание и на Аттику. Но с этого момента военное счастье начинает изменять Делян. Положение вещей значительно ухудшилось с появлением в его лагере сына западно-болгарского царя Ивана-Владислава (1015—1018), Алусиана, бежавшего из Армении, где, взятый вместе с матерью, царицей Марией,

¹ В. Н. Златарски. Назв. соч., стр. 51—54.

братьями и сестрами в плен, он занимал крупную должность стратега. Деляну удалось договориться с братом, и, по поручению Деляна, Алусиан стал во главе 40-тысячной болгарской армии и повел наступление на Солунь. Попытка взять Солунь закончилась неудачно. Алусиан был разбит византийцами, но бежал в Константинополь, где был очень дружелюбно встречен врагами болгарского народа, во главе которого продолжал твердо стоять Делян, но геройское сопротивление Деляна, значительно обессиленного предательством брата, не имело успеха. Он был взят в плен и доставлен в Константинополь. Однако и после этого болгарский народ не складывал своего оружия, и византийскому императору, продвигаясь на север, приходилось с большими усилиями брать один укрепленный пункт за другим вплоть до г. Триадицы (нынешняя София), где он встретил сильный отпор у крепости Бояна (нынешнее с. Бояна к юго-западу от Софии), во главе гарнизона которой стоял болгарский воевода по имени Ботко. Крепость Бояна была взята византийцами. С взятием этой крепости Болгария вновь была завоевана Византией.¹

§ 4. ВОССТАНИЕ ГЕОРГИЯ ВОЙТЕХА 1072 Г.

Как было отмечено выше, при византийском императоре Константине IX Мономахе, вступившем на престол после кратковременного правления Михаила V Калафата (1041—1042), ближайшего преемника Михаила IV, Болгария становится ареною хищнических вторжений из-за Дуная кочевников печенегов, которые всею своею тяжестью легли на болгарский народ. Массовое экономическое разорение народа, массовые убийства и грабеж, массовое пленение печенежскими шайками болгарского народа, обращавшегося затем в рабство, в течение десятка лет угнетали болгарский народ и уничтожали то, что уцелело у него после византийского погрома.

С конца 50-х годов XI в. при византийских императорах Исааке I Комнине (1057—1059) и Константине X Дуке (1059—1067) на территорию Болгарии вторгаются мадьяры, за ними следуют узы или торки и половцы-куманы. Печенеги и половцы грабят затем болгарское население вплоть до конца правления Алексея I Комнина (1081—1118). В 1064 г. узы, переправившись через Дунай в количестве 600 тысяч человек и разбив встретившие их на правом берегу византийские войска, напали на беззащитную Болгарию и подвергли ее уничтожающему погрому, а один из отрядов проник через Македонию в Элладу.

В эти тяжелые годы народных испытаний болгарский народ, экономически обессиленный и брошенный на произвол судьбы византийским правительством, вновь взялся за оружие в целях самообороны и поднял восстание против Византии. Во главе восстания стал выходец из среды болгарского боярства, некто Георгий Войтех. В то время византийским императором был Роман IV Диоген (1068—1071), все внимание которого было занято востоком империи, где ей наносили удары турки-сельджуки.

Заручившись поддержкою сербского князя Михаила (около 1050—1081 гг.), владетеля Зеты, Захлумья, Травунии, Расы и Котора, болгарское боярство в 1072 г. провозгласило Георгия Войтеха вождем восстания и царем болгар под именем Петра и объявило

¹ В. Н. Златарски. Назв. соч., стр. 77—80; Н. П. Благоев. Делян и неговото въстание в Моравско и Македония против византийците. Македонски Преглед, год. IV, кн. 2, София, 1928.

восстание. Центром восстания был г. Призрен. Зетский князь Михаил прислал в помощь болгарам отряд в 300 человек во главе с воеводою Петрилом и под общим командованием своего сына Константина Бодина. Первая битва с византийскими войсками закончилась блестящей победой болгарских повстанцев. Византийцы были разбиты, командующий византийским войском со множеством византийцев был взят в плен, весь византийский лагерь попал в руки повстанцев.

Город Скопие с округом перешли во владение повстанцев, и Константин Бодин был провозглашен болгарским царем. Вслед за этою победою южным отрядом повстанцев, под командою воеводы Петрила, были взяты Охрид и Девол, но под Костуром болгарские повстанцы потерпели поражение. Помощник Петрилы был взят византийцами в плен, а сам Петрила спасся бегством.

Успешно развивалось вначале наступление и северной повстанческой армией, которой командовал сам царь Константин Бодин. Ею был взят сильно укрепленный Ниш и целый ряд более мелких крепостей по пути. В это время к Скопие из Константинополя подошла новая сильная византийская армия под начальством вновь назначенного катепана (наместника) Болгарии, вестиярха Михаила Саронита. Командующий повстанческим гарнизоном Скопие, Георгий Войтех, лишенный поддержки разбитой под Костуром южной армией, сдал город византийцам без боя и в то же время сообщил о происшедшем в Ниш Константину Бодину, который тотчас же двинулся со своею армией на выручку Скопие. Встреча неприятельских войск произошла в южной части Коссова поля, в местности Таонион (нынешний Паун). Болгары потерпели жестокое поражение. Константин Бодин, взятый в плен и закованный в цепи, вместе с Георгием Войтехом был отправлен в Константинополь и сослан в заточение в Антиохию. Войтех, в результате истязаний озверевших византийцев, не мог вынести зимней стужи и физического изнурения и умер в пути. Зетскому князю Михаилу, с помощью наемных венецианских моряков, удалось освободить сына Константина из заключения и вернуть его на родину. После смерти отца Константин Бодин около 1081 г. занял зетский престол.¹

§ 5. «УСМИРЕНИЕ» ВИЗАНТИЙСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ «СЛАВЯНСКОГО НАРОДА»

Окончательная ликвидация болгарского восстания, «в целях обуздания усилившегося славянского народа», была поручена Михаилом VII (1071—1078) вновь назначенному «правителю всей болгарской страны» с титулом дука, знаменитому византийскому полководцу Никифору Вриению. Как Вриений ликвидировал народное славянское (т. е. болгарское) восстание, об этом можно судить по показанию Скилицы, который пишет, что «императорские наемные войска, состоявшие из германцев и франков (норманнов), набросившись на страну, разрушили оставшиеся в Преспе (южная Македония) болгарские дворцы и ограбили тамошнюю церковь св. Ахиллия, построенную царем Самуилом, не пощадив ее святынь, из которых некоторые были возвращены, а другие поделены войсками и переделаны для собственного употребления». Внук Вриения Мак пишет об усмирении дедом «славянского народа»: «в короткий срок после

¹ В. Н. Златарски. Назв. соч., стр. 140—147.

прибытия Вриения в Болгарию он настолько «усмирил» славянский народ, что последний сразу же склонил свою выю под ромейское ярмо и был доволен, что Вриений управлял делами в Болгарии».

Второе болгарское восстание было задушено византийским правительством в 1073 г.¹

Однако, как жестоко ни был «усмирен» византийцами болгарский народ, борьба за жизнь вынуждала его и после «усмирения» неоднократно прибегать к вооруженному восстанию против насильников, как к единственному средству спасения, на которое болгарский народ, несмотря на свою беспомощность, крайнее экономическое истощение и понесенные поражения, еще возлагал некоторые надежды. Но так как восстания эти были разрозненными и носили местный характер, то византийскому правительству, при всем развале его административного аппарата, при полном оскудении финансовых средств и в крайне тяжелой международной обстановке, когда с востока Византию стали угрожающе теснить сельджуки, а с запада на Балканский полуостров в правление Алексея I Комнина (1081—1118) вторглись из Апулии норманны под предводительством герцога Роберта Гвискара, — удавалось, тем не менее, очень быстро их ликвидировать. Такие восстания имели место: 1) при Михаиле VII Дуке (1071—1078), в северной Болгарии в византийской теме, известной под именем Подунавье или «Придунавские города» (τὸ Παραδούναβον) и занятой печенегами; 2) при том же императоре в 1077 г., когда болгары приняли участие в восстании против центрального правительства диррахийского дуки Никифора Вриения под Одрином (Адрианополь); 3) при императоре Никифоре Вотаниате (1078—1081), когда болгары приняли участие в восстании диррахийского дуки Никифора Василаки; 4) при том же императоре в 1078 г. — восстание в Средеце во главе с неким Лекой (Лека) павликианином из Пловдива (Филиппополя); во время этого восстания Лека собственноручно убил средецкого греческого епископа Михаила, когда этот последний в полном облачении вышел к населению города и увещевал его оставаться верным императору; названный епископ был одним из ревностнейших проводников византийской политики ромеизации болгарского народа, т. е. его денационализации; 5) одновременно болгарское восстание в Мессемврии, где во главе восстания стоял болгарин Добромир; 6) при том же императоре было ликвидировано народное революционное движение в северо-западной Болгарии (Ниш и София) и в Одрине; во главе византийских войск стоял «великий доместик», будущий император Алексей I Комнин; 7) при Алексее I Комнине (1081—1118) — восстание 1086 г. пловдивских павликиан под предводительством Травэла (болг. Травъл) с центром в крепости Белятов в окрестностях Пловдива.

Как мы видим из приведенных фактов, никакого «усмирения» болгарского народа, несмотря на бесчеловечные по своей жестокости мероприятия византийских императоров по отношению к болгарским повстанцам, византийскому правительству, в действительности, не удалось достигнуть. Выступая против византийских насильников, неорганизованный и беззащитный болгарский народ массами погибавший от голода, эпидемий и непрерывных вторжений на болгарскую территорию северных варваров-печенегов, мадьяр, узов и половцев-куманов, шел на верную смерть, шел, борясь за право на

¹ В. Н. Златарски. Назв. соч., стр. 147 и сл.

жизнь, и тысячами погибал в неравном бою. Но это не сломило ни его энергии, ни воли к борьбе за независимость и свободу: временно они были придушены в нем, но не убиты окончательно.

§ 6. ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО БОЛГАРСКОГО НАРОДА С ЕВРОПЕЙЦАМИ

Выше мы видели, что за короткое сравнительно время византийского владычества в Болгарии, исчисляемого ровно в сто лет, начиная со времени завоевания Болгарии Василием II в 1018 г. и кончая правлением Алексея I Комнина в 1118 г., болгарский народ очень хорошо узнал восточных кочевников-печенегов, мадьяр, узов или тюрков и половцев-куман. От встречи с ними он перенес неисчислимыя бедствия и страдания, не только лишавшие его родного очага, разорявшие его хозяйство и значительно урезавшие его территорию захватом северо-восточной Придунайской Болгарии (Паристрион), но и обратившие десятки тысяч болгарского народа в рабство. Одна часть болгар была захвачена в плен, другая вынуждена была из-за куска хлеба отдать себя в рабство светским и духовным феодалам.

На это же время падает и знакомство болгарского народа с европейцами в лице норманнов и крестоносцев первого ополчения, которые, по характеристике проф. В. Н. Златарского, оказались для него гораздо более опасными, чем печенеги и куманы.¹

В 1044 г. норманны обосновались в юго-восточной Италии, где в Апулии и Калабрии образовали независимое феодальное государство Апулию во главе с норманнским сеньёром Робертом Гвискардом (Robert Guiscard, 1015—1085).² Против Апулии, на весьма недалеком от нее расстоянии, начинались обширные и богатые европейские владения Византийской империи на Балканском полуострове, а за ними, если пересечь полуостров, тянулись еще более богатые страны Малой Азии.

Византийская империя в то время находилась в критическом положении. Начиная с 1034 г., как мы уже знаем, ее европейские владения стали местом непрерывных, почти из года в год повторявшихся разрушительных и угрожающих хищнических вторжений северных кочевников, распространявшихся почти на весь полуостров. Внутри полуострова было неспокойно: разоренное болгарское население, доведенное до крайности целым рядом стихийных бедствий, печенежскими погромами, варварскими поборами византийского правительства и самоуправством византийских чиновников, взялось за оружие. Массовое народное восстание 1040 г. быстро охватило широкие районы полуострова, в том числе и приадриатические районы, ближайшие к Апулии, с центром в г. Дураццо (Драч). На юге оно распространилось на Фессалию. Вскоре после первого восстания 1040 г. следует второе болгарское восстание Георгия Войтеха 1072 г., в котором принимает участие и сербский народ во главе с князем Зеты (Черногория) Михаилом. В 70-х и 80-х годах, как мы видели выше, народные болгарские восстания следуют одно за другим почти непрерывно.

На востоке Византийскую империю все больше и больше тревожат турки-сельджуки, что, в конце концов, заставило византийское пра-

¹ В. Н. Златарски. Назв. соч., стр. 167.

² О нем см.: v. Heinemann. Geschichte der Normannen in Unteritalien und Sizilien, Bd. I, 1894; F. H. Chalandon. Histoire de la domination normande en Italie et en Sicilie, Bd. I, 1907.

вительство Алексея I Комнина уступить туркам все захваченные ими обширные византийские владения в Малой Азии и даже г. Никею, лежавшую почти у самых ворот столицы Византии, Константинополя.

Таким образом, политическая обстановка в соседней с Апулией Византийской империи складывалась весьма благоприятно для того, чтобы предприимчивому норманнскому сеньёру, устроившемуся недурно на Апеннинском полуострове, попытаться счастье и на соседнем Балканском полуострове. В мае 1081 г. он начал из г. Отранто наступление на Византию в сопровождении сына Боэмунда. На 15 кораблях армия Гвискара очень быстро переправилась через Отрантский пролив и заняла остров Корфу и расположенный против него на материке город Ботрунто (греч. Βοτρυντόν). Норманны заняли приадриатические города Авлону (Валону) и Канину и, продвигаясь на север, осадили город Диррахиум (Дураццо, слав. Драч) с моря и с суши. Однако союзный с византийцами венецианский флот под командою дожа Доменико Селво отогнал флот Гвискара из Дураццкого залива на юг и, установив связь с осажденным гарнизоном Дураццо, стал снабжать город провиантом. В середине октября того же года к осажденному Дураццо подошел Алексей I со значительной армией, в которую входили и македонцы-болгары, и пловдивские павликиане, и турки-вардариоты и наемные варяжские дружины. Уже одно это не сулило успеха византийцам. Попытка Алексея I уладить дело миром окончилась неудачей, и он вынужден был принять бой, в котором византийцы понесли решительное поражение. Пловдивские павликиане в самый критический для византийцев момент ушли с поля битвы и разошлись по домам; македонцы-болгары, по совершенно понятным причинам, вовсе не склонны были поддерживать военные успехи византийцев; союзники-венецианцы за приличное вознаграждение очень легко перешли на сторону норманнов, а жители осажденного города не имели оснований ссориться ни с венецианцами, ни с норманнами и без всякого сопротивления 2 февраля 1082 г. открыли ворота норманнам. Византийский император оказался в критическом положении: армия его разбежалась, а сам он трудно проходимыми горными дорогами через двое суток добрался до Охриды. Неподалеку от г. Охриды в г. Девол он встретил подходившие сюда остатки армии и отсюда направился в Солунь, куда приказал прибыть после отдыха и своей армии. Здесь он предполагал набрать новую армию для борьбы с норманнами, но набрать ее византийскому императору было не из кого, да и содержать ее было не на что.

Дочь Алексея I, царица Анна, написавшая историю Византии в правление отца — «Алексиаду»,¹ представляющую собою важнейший источник для изучения интересующей нас эпохи, несколько не сгущая красок, — напротив, сглаживая все острые углы в жизни и деятельности отца, говоря о критическом положении, в котором находилась в то время Византия, пишет, между прочим, следующее: «Он (Алексей I) нуждался в союзниках, но заручиться союзниками без денег нельзя было, а денег не было, потому что царские сокровищницы были настолько опустошены предыдущим императором Никифором Вотаниатом без всякой надобности, что и двери их не закрывались, а беспрепятственно были открыты для всякого, кто хотел пройти через них: в кладовых не было ничего. В виду этого все

¹ *Annae Comnenae Alexias*. Edit. Reifferscheidii, vol. I—II. Lipsiae, 1884 (BT).

впали в величайшую нужду; слабость и беднота терзали в одно и то же время ромейское царство». При таком печальном положении вещей Алексею I не оставалось ничего другого, как обратиться за помощью к частной благотворительности, что он и сделал, обратившись к своим родственникам, которые отпустили ему в долг свои сокровища. Когда же и этих средств оказалось недостаточно, то, по словам того же источника, он собрал по церквам драгоценную утварь и обратил ее в деньги. Кроме того, в распоряжении Алексея I было еще одно вернейшее средство, к которому он всегда прибегал в трудные минуты. Это средство заключалось в коварстве, хитрости, интриганстве и предательстве, составлявших вообще характерную черту византийского двора и блестяще воплощенных, в частности, в персоне Алексея I Комнина. Поэтому, когда норманны после взятия Дураццо стали успешно продвигаться в глубь полуострова и уже заняли македонские города Девол и Костур, в Апулии вспыхнуло народное восстание, и Гвискар, передав командование своей балканской армией сыну Боэмунду, поспешил в Апулию. Военные действия норманнов на полуострове были, таким образом, приостановлены. Это дало Алексею I некоторую передышку; воспользовавшись ею, он сколотил кое-какую армию и в мае месяце 1083 г. подошел к г. Янине в Эпире, где находился главный штаб армии Боэмунда. Но и на этот раз византийскому императору не повезло: он был разбит и бежал в Охриду. Собрав новую армию из болгарского населения Вардарской долины, он вновь выступил против норманнов и вновь был разбит ими у г. Арты, южнее Янины, в области болгарского племени войничей. После этого Боэмунд овладел всею Албанией, Эпиром, северной Фессалией (Великая Валахия), значительною частью Македонии и расположился лагерем на Вардарской долине у с. Белая Церковь, откуда занял города Костур, Пелагонию (Битоль), Трикала и Цивиск и подступил к Лариссе (Лерин, Флорина).

За это время Алексею I удалось в Константинополе сформировать новую армию, в состав которой вошел 7-тысячный отряд сельджуков, отпущенный в распоряжение Алексея I, по его просьбе, турецким султаном. Осажденный норманнами, г. Ларисса держался шесть месяцев. Население стало терпеть голод. В это время подошел на помощь осажденным Алексей со своею армией, и на этот раз военное счастье впервые изменило норманнам: в июне 1084 г. они были разбиты византийцами и потеряли весь свой лагерь.

В это же время византийские эмиссары усердно работали среди норманнской армии, давно уже не получавшей жалованья и испытывавшей материальные лишения. Распропагандированные и подкупленные Алексеем норманнские рыцари стали переходить на сторону византийцев, и норманнский гарнизон, по договору с Алексеем, очистил крепость Костур. 1 декабря 1084 г. Алексей вернулся в Константинополь.

Во время второй балканской экспедиции 1085 г., начавшейся удачно для норманнов, Роберт Гвискар умер на о. Корфу. На этом оборвались планы Гвискара захватить балканские владения Византии и занять ее столицу. Но четырехлетняя война с норманнами стоила византийскому правительству огромных жертв и поставила ее на край гибели. Еще больших жертв стоила она болгарскому народу.

Достаточно уже того, что в течение четырех лет юго-западные районы Болгарии были театром военных действий; что норманны рас-

поряжались в захваченных районах как у себя дома и не стесняясь грабили население; что одновременно в течение четырех лет византийское правительство насильственно формировало свои армии, уничтожавшиеся одна за другою норманнами, главным образом из болгарского населения полуострова, потому что его азиатские владения были уже во власти сельджукских турок. В результате создавшегося в стране положения в 1084 г. началось новое восстание болгарского народа под предводительством Травэла, которое было отмечено нами выше, а после его ликвидации последовал ряд новых восстаний и ряд новых варварских вторжений печенегов и куманов из-за Дуная на территорию полуострова, т. е. ряд новых испытаний для болгарского народа, продолжавшихся с 1086 по 1114 г.¹

Когда Алексею I Комнину удалось, в конце концов, установить в своих европейских владениях некоторый «порядок», он перешел к разрешению запущенного восточного вопроса, с тем чтобы вернуть себе отторгнутые сельджукскими турками малоазиатские владения, начиная от Грузии на севере и кончая арабской границей на юге, с включением в эти границы Антиохии, Дамаска и Иерусалима. Для осуществления своего плана Алексей I Комнин обратился за помощью через римского папу к западноевропейским державам. Это обращение вполне отвечало политическим и торговым интересам Рима и западноевропейских феодалов. Предпринятая римским папой Урбаном II (1088—1092) агитация в пользу помощи византийскому правительству под прикрытием религиозного лозунга освобождения «гроба господня» от «коварных» иноверцев, имела широкий успех и подняла на ноги вместе с авантюристами, мечтавшими о богатой добыче на Востоке, и огромные толпы голодного, нищего и несчастного народа, для которого участие в «крестовом походе» явилось счастливым выходом из угнетенного эксплуатацией феодалов существования.²

Весною 1096 г. огромная толпа нищих пилигримов во главе с проповедником Вальтером Неимушом, направилась из Франции на Восток, держа курс на Константинополь. Благополучно переправившись у города Малевила (совр. Землин, сербск. Земун) на мадьярской территории через Дунай, пилигримы подошли к «болгарскому городу Белеграду», т. е. к Белграду. Трезвый болгарский народ отнесся к несчастным полуодетым и голодным европейским пилигримам как к сброду жуликов и проходимцев, не внушавших никакого доверия, и занял по отношению к ним враждебную позицию. Поэтому, когда вождь пилигримов Вальтер обратился к болгарскому наместнику, дуге Белграда, Никите Карики с просьбой разрешить ему сделать в городе необходимые закупки для себя и войска, наместник и комендант города решительно отказали ему в этом, «считая их обманщиками и шпионами». Оскорбленные таким недружелюбным к себе отношением со стороны белградчан, пилигримы напали на стада мелкого и крупного скота, который пасся в поле за стенами города, и хотели его угнать, но население вступилось за свой скот, и дело дошло до оружия. После этого столкновения отношения между пилигримами-крестоносцами и болгарскими приняли характер военного столкновения двух враждующих сторон. По рассказу Альберта Аахенского (XII в.), являющегося главным источником для

¹ В. Н. Златарски. Назв. соч., стр. 167—182.

² Г. Ф. Герцберг. История Византии. М., 1896; А. А. Васильев. Византия и крестоносцы. Петербург, 1923; Георгиев. Първият кръстоносен поход и българските земи. Бълг. Историческа Библиотека, год. I, т. II, 1928 и др.

изучения первого крестового похода,¹ после этого вооруженного столкновения с болгарами крестоносцы рассыпались в разные стороны в поисках убежища. Болгары же, собравшись в количестве 140 тысяч человек, стали отбиваться от крестоносцев. Предводитель крестоносцев Вальтер, оставшись без армии, бежал, в течение восьми дней скрывался в «болгарских лесах» и, наконец, добрался до «очень богатого города Ниша, который лежал в центре болгарского царства». В Нише Вальтер встретился с дуком Никитою и пожаловался на перенесенные им и его спутниками обиды. Никита, получивший, очевидно, соответственные инструкции от византийского правительства, признал Вальтера во всем правым и в знак своего миролюбия снабдил его даже деньгами и оружием. Кроме того, он дал Вальтеру проводников, чтобы тот свободно мог пройти через болгарские города Средец (Софию), Пловдив (Филиппополь) и Одрин (Адриано-поль) и разрешил ему покупать по дороге съестные припасы, пока не достигнет со своим войском до «Царьграда, столицы всего греческого царства».

Прибыв к столице, Вальтер,—рассказывает Альберт Аахенский,—испросил милостивого разрешения византийского императора остановиться около Царьграда и покупать продукты питания, пока не подойдет к нему Петр Пустынник, по убеждению которого он предпринял это путешествие. Алексей I ответил благосклонно на его просьбу и согласился на все.

Спустя немного времени после того, как Вальтер со своими пилигримами прошел через Болгарию, на Дунае появился и Петр Пустынник из Амьена в сопровождении «бесчисленной, как морской песок, — по словам Альберта, — армии, которая состояла из французов, швабов, баварцев и лотарингцев». С разрешения венгерского короля Коломана (1095—1114) крестоносцы свободно прошли через всю Венгрию, но у г. Малевила (болг. Землин, серб. Земун) они встретили сильный отпор со стороны правителя области, графа Гуца, который, по объяснению Альберта, «увлеченный корыстолюбием», вступил в сношения с дуком Никитою, и они оба решили, что Никита со своею пехотою ударит на авангард крестоносной армии Петра, а Гуц со своею кавалерией атакует ее арьергард. «Таким способом, — пишет Альберт,—они легко могли захватить все имущество такой многочисленной армии, состоявшее из лошадей, золота, серебра и платья, которое они предполагали разделить между собою». Узнав об этом, Петр не хотел верить, что болгары и мадьяры—христианский народ — осмелятся на такое преступление; тем не менее ему удалось воодушевить свою армию, и он быстрым маршем двинулся к Малевиле. У Малевилы произошло крупное сражение, в котором Гуц и мадьяры были жестоко разбиты и город был взят крестоносцами; в городе крестоносцы нашли богатые запасы провианта, скота и много лошадей, что, собственно, им и было нужно».

Дука Болгарии Никита, узнав о победе крестоносцев у Малевилы, посоветовавшись со своими приближенными, решил не ждать Петра в Белграде и немедленно дал распоряжение отступить в Ниш, захватив с собою все ценности, а горожанам приказал эвакуироваться с семьями и стадами в окрестные леса и горы и ждать прибытия подкрепления из Константинополя. Между тем Петр Амьенский, под угрозой наступления на него с севера венгерского короля с целью

¹ Alberti Aquisiensis Historia Hierosolimitanae expeditionis. Ed. Bongars, Gesta Dei per Francos etc. T. I. Hanoviae, 1611, pp. 184—381.

отмщения за нападение на его владения и разгром венгров у Малевилы, быстро оставил город и с большой награбленной добычей и стадами стал перебрасывать свои войска на кораблях и наскоро сколоченных плотах на правый белградский берег притока Дуная, р. Салы. Во время спешной переправы многие плоты, увлеченные течением реки, опрокинулись, и много людей погибло в реке, но самое важное было то, что во время переправы крестоносцев через Салу на них напали «пинценарии болгарского дуки», т. е. печенеги, посланные дукой Никитой, и множество крестоносцев частью перебили, частью потопили в реке. Пострадали при этом и печенеги: семь лодок с печенегами были потоплены, но в плен к крестоносцам попали всего семь человек, которые, по распоряжению Петра, были казнены.

Переправившись через р. Салу, крестоносцы заняли Белград, разграбили его, но не задерживались в городе и немедленно двинулись к г. Нишу. Расположившись на лугу у стен города лагерем и получив от дуки Никиты разрешение сделать в городе закупки, крестоносцы на следующий же день двинулись в дорогу, но, отступая от Ниша, сожгли несколько мельниц по р. Нишаве и подожгли несколько домов на окраине города, несмотря на то, что горожане не только благожелательно отнеслись к ним, но и снабдили их продуктами питания бесплатно. Пострадавшее население Ниша обратилось с жалобой к наместнику, дуке Никите, который приказал населению немедленно вооружиться и выступить вместе с ним в погоню за крестоносцами. Вооруженный болгарский народ составил пехотную армию дуки Никиты, но, кроме пехоты, в его распоряжении имелась и конница, составленная из печенегов, куманов и мадьяр.

Настигнув арьергард крестоносной армии, войско Никиты подвергло его уничтожающему разгрому и задержало стада и весь обоз крестоносцев, а женщин, девушек и мужскую молодежь увело в плен. Когда о постигшем арьергард несчастье довели до сведения Петра, он признал, что виновниками этого являются «неистовства бессмысленных немцев» в его армии, которые своим буйством ответили на миролюбивое отношение к крестоносцам со стороны горожан. В связи с этим Петр предложил на созванном им совещании вернуться в Ниш, принести наместнику извинение за себя и своих спутников, заключить с ним мир и тем самым освободить пленников. Так и было сделано. Но когда крестоносцы подошли к Нишу и расположились лагерем на том же лугу на р. Нишаве, тысячная толпа буйной крестоносной молодежи, не считаясь с планами и распоряжениями своего вождя, с гиком и руганью бросилась к городским воротам. Болгары в большом количестве вышли из городских ворот, отогнали буйствующих крестоносцев и многих из них перебили во время их бегства через Нишаву. Эта стычка у городских ворот вызвала вмешательство других крестоносцев, поспешивших на помощь своим товарищам. Между болгарами и крестоносцами завязался «страшный бой», в котором крестоносцы были совершенно разбиты и обращены в бегство. Петр, однако, и при этих крайне тяжелых обстоятельствах нашел возможным вступить в мирные переговоры с Никитой. Но не успели еще закончиться переговоры, как крестоносцы, погрузив полученные обратно от Никиты повозки, двинулись в дорогу. Горожане и сам наместник истолковали это поведение крестоносцев как обман, как коварную увертку с их стороны, направленную к тому, чтобы под предлогом возвращения своих плен-

ных и своего обоза, избежать заключения каких бы то ни было обязательств по договору. Немедленно же вслед за крестоносцами была отправлена конница, которая настигла их, избила множество народа и многих захватила в плен. Захватила она также и богатую военную добычу, среди которой оказалась и повозка с казною Петра Амьенского. Сам Петр и некоторые вожаки крестоносцев, которым удалось спастись от погрома, рассыпались в разные стороны и скитались среди непроходимых болгарских лесов до тех пор, пока, наконец, им не удалось вновь собраться; но когда они собрались, то оказалось, что из 40-тысячной крестоносной армии уцелело всего только 7 тысяч человек.

Двинувшись дальше в дорогу, крестоносцы подошли к какому-то городу, в котором не оказалось ни одного человека. Здесь крестоносцы расположились лагерем и начали испытывать голод, потому что все запасы у них были отняты. Но так как дело происходило в июле, то, по словам Альберта, крестоносцы стали собирать зерна с созревшего в окрестных болгарских полях хлеба и кормить ими голодный народ.

За то время, пока Петр со своими спутниками оставался в безлюдном городе, к нему подошли отставшие крестоносцы, и, таким образом, армия Петра достигла 30 тысяч человек. С этой армией Петр двинулся к Софии; во время пребывания его в Софии ему был доставлен указ Алексея I, которым Петру и его спутникам ставились на вид все их преступные деяния, совершенные на территории империи, но одновременно и отпускались все содеянные крестоносцами грехи. Петру давалось разрешение на беспрепятственное движение вперед, к столице империи с правом останавливаться в городах по пути и делать необходимые закупки, но не более трех дней. 1 августа 1096 г. Петр Амьенский со своими крестоносцами расположился лагерем у стен Константинополя и встретился здесь с Вальтером и его спутниками, а через пять дней весь этот крестоносный «сброд» был переправлен Алексеем в Малую Азию, где погиб в первых же сражениях с турками.¹

Вслед за крестоносными толпами Вальтера Неимущего и Петра Амьенского на территории Болгарии вскоре появились крестоносные войска под предводительством герцога Готфрида Лотарингского. Эти войска оказались более дисциплинированными, поэтому и поход их через территорию Болгарии не причинил болгарскому народу никакого ущерба. Только после того, как крестоносцы подошли к Константинополю и расположились лагерем у стен столицы, они стали грабить окрестное население, а затем дело дошло и до вооруженного столкновения с византийцами. На помощь Готфриду Лотарингскому пришел из Апулии уже известный нам Боэмунд Тарентский.

Высадившись осенью 1096 г. с 10-тысячной армией в Дураццо, Боэмунд со своими спутниками, пройдя Эпир, подошел к болгарской крепости Костур, и когда горожане отказались разрешить Боэмунду сделать необходимые закупки в городе, войска его стали грабить окрестное население и уводить его скот. От Костура Боэмунд прошел в область Пелагонию (Битоль), где его войска разгромили и сожгли какое-то болгарское село или город, жители которого были еретики (очевидно—богомилы), и с награбленной добычей двинулись дальше. У Константинополя Боэмунд со своими крестоносцами встретился с Готфридом Лотарингским.

¹ В. Н. Златарски. Назв. соч., стр. 222—234.

Вслед за Боэмундом по его же пути и в том же 1096 г. через юго-западные районы Болгарской территории прошел пятый крестоносный отряд во главе с тулузским графом Раймондом. Византийское наемное войско, состоявшее из турок, куманов, печенегов и болгар, наблюдало за походом крестоносцев и не позволяло им уклоняться в сторону от пути, а в случае каких-либо попыток крестоносцев в этом смысле, войска и местные жители подвергали их избиению. Эти стычки с крестоносцами нередко принимали характер подлинных сражений.

В следующем 1097 г. через Болгарскую территорию, направляясь тем же путем через Дураццо в Константинополь, прошли отряды крестоносцев герцога Роберта Нормандского и его зятя Стефана, графа Шартрского. После заключения договора с Алексеем I Комнином все собравшиеся у стен Константинополя отряды крестоносцев были переправлены византийским правительством через Босфор в Малую Азию.

§ 7. ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ БОЛГАРИИ В XII В.

Характеризуя внутреннее положение Болгарии в XI и в начале XII в. Ф. Ив. Успенский в 1879 г. в своей монографии — «Образование Второго болгарского царства» (Одесса) писал следующее:

«Привыкли думать, что византийское правительство соблюдало от начала до конца то устройство, которое было дано Болгарии при подчинении ее, или, лучше, что оно сохранило в Болгарии прежнее устройство. Что касается до церковной администрации, в этом отношении уже нельзя было сослаться на соблюдение первоначального договора, так как назначение болгарского архиепископа из Константинополя (с половины XI в.) и не из местного духовенства, а из природных греков, было весьма ясным признаком перемены в отношениях Византии к Болгарии. В гражданском управлении завоеванной страны должны были также произойти изменения, и начало их, по всей вероятности, относится к XI в. И те и другие перемены клонились к закреплению над Болгарией чужеземного влияния. Нужно при этом отделять западную часть Болгарии от восточной. Подчинение последней было номинальное, в ней нечего было делать греческой администрации, так как здесь хозяйничали половцы и команы. Но Западная Болгария с течением времени вполне вошла в общую систему управления империи. Относительно этой части, в конце XI и в начале XII вв. не может быть и речи о привилегиях, изъятиях и местной автономии, согласно первоначальным условиям, имевшим место после замирения страны. Она управляема была на тех же основаниях, что и остальные области империи».¹

Выше мы видели, что Болгария после завоевания ее Византией была превращена в наместничество с греческим генерал-губернатором (дука, катепан) во главе. В отдельных болгарских областях были такие же губернаторы со штатом греческих чиновников. В ряду их первое место занимал областной начальник по государственному налоговому обложению. При ближайших же преемниках Василия II Болгария была, прежде всего, лишена церковной автономии и превращена в греческое архиепископство, подчиненное константинопольскому патриарху. Во главе же управления отдельными болгарскими областными епархиями были поставлены греческие епископы. Таким

¹ Назв. соч., стр. 16.

образом, подчинив Болгарию своей политической власти, завоеватель наложил свою руку и на культурную или духовную жизнь болгарского народа, с тем чтобы путем лишения грамоты и церковного культа на родном языке постепенно привести болгарский народ к полной ромеизации и сделать его безропотным и покорным объектом своей безграничной эксплуатации. Ревностным проводником в жизнь византийской политики ромеизации болгарского народа, начиная с конца XI и в начале XII в., был охридский архиепископ Феофилакт, уроженец г. Еврипа на о. Эвбее (Негропонт).

Феофилакт принадлежал к числу образованнейших для своего времени византийцев и занимал высокое положение в византийском обществе. Как предполагают, свое образование он получил в Афинах, а затем продолжал его в Константинополе в школе ученого монаха Михаила Пселла. По окончании учения Феофилакт был назначен на должность диакона в церковь св. Софии, а затем — начальника школы риторов (*χορηγαῖος τῶν ῥητόρων*, или, как он сам себя называет, *μαῖστωρος τῶν ῥητόρων*). Посвященный патриархом Николаем II Грамматиком в епископский сан, в 1090 г. он был назначен византийским правительством на должность охридского архиепископа в Болгарии, как человек, которого в Византии считали наиболее отвечающим правительственным видам ромеизации болгарского народа.¹

Ко времени назначения в Охриду в качестве главы болгарской церкви Феофилакта повсюду в Болгарии церковная служба уже совершалась на греческом языке, и все болгарские училища, основанные учениками болгарского просветителя Климента, были закрыты. Задачей Феофилакта было продолжить дело ромеизации болгарского народа и ликвидировать болгарскую письменность и болгарский язык. В осуществление своего плана Феофилакт стал писать на греческом языке жития чтимых болгарским народом национальных подвижников, используя для этой цели старые болгарские жития и другие произведения старой болгарской письменности. В результате Феофилакт написал «Житие Климента Охридского», «Житие 15 Тивериопольских мучеников» и т. п., представляющие собою «в высшей степени искусственную, тенденциозную и самовольную обработку» (Н. Л. Туницкий) соответственного староболгарского литературного памятника. Для того чтобы привлечь внимание болгарского читателя и слушателя к этим произведениям, написанным на греческом языке, Феофилакт всячески превозносит в них историческую роль болгарского народа, старается льстить его национальному самолюбию и одновременно уничтожает болгарские оригиналы своих произведений, как и вообще памятники болгарской письменности. Таким способом ревнитель ромеизации болгарского народа имел в виду заставить свою паству читать и слушать о жизни и деятельности своих

¹ В. Г. Васильевский. Феофилакт Болгарский и его сочинения. Труды, т. I, 1908, стр. 134—149; Ф. Ив. Успенский. Образование Второго болгарского царства. Одесса, 1879, стр. 1—57; В. Н. Златарски. История на българската държава през средните векове, т. II. София, 1934, стр. 252—350; М. С. Дринов. Исторически преглед на българската църква. Вiena, 1869; Е. Е. Голубинский. Краткий очерк православных церквей — болгарской, сербской и румынской. М., 1871; *Theophilacti, Bulgariae archiepiscopi, Epistolae*. Migne, *Patrol. gr.*, t. 126, col. 307A—558D. В болгарском переводе письма Феофилакта изданы Симеоном-митрополитом: Писмата на Теофилакта Охридски, архиепископ български. София, 1931. Приводимые ниже отрывки из писем Феофилакта цитируются нами по болгарскому тексту В. Н. Златарского и русскому тексту Ф. Ив. Успенского.

национальных подвижников на греческом языке и забыть свой родной язык, который он расценивал как язык варварский. Феофилакт в своей деятельности был, конечно, не одинок. У него, несомненно, были единомышленники, сотрудники и подражатели, увлекавшиеся его лаврами душителя болгарского языка и болгарской письменности. К числу подобных «подвижников» ромеизации болгарского народа впоследствии принадлежал один из его преемников, Димитрий Хоматиан, написавший краткое житие Климента. Усердной деятельности господ Феофилактов, Хоматианов и им подобных ревнителей ромеизации болгарского народа надо приписать тот печальный факт, что до нас дошло очень мало произведений болгарской письменности X—XI вв., давшей, судя по уцелевшим памятникам, блестящие ростки в Македонии, т. е. в тех именно районах Болгарии, которые были ареною деятельности первых болгарских просветителей с Климентом во главе и которые подверглись «культурной» перестройке Феофилактом и сторонников его метода борьбы с болгарским языком и болгарскою письменностью.

Феофилакт, архипастырь болгарского народа, ненавидел болгарский народ от всей души и относился к нему с нескрываемым презрением.

Так, например, в одном из писем к «великому domesticу» Адриану, брату Алексея I Комнина, Феофилакт, сравнивая свою участь во время пребывания среди болгар с тяжелыми испытаниями, которым был подвержен Геракл на службе у лидийской царицы Омфалы, пишет: «Выносил таковое сын Зевса и вытерпел эту обиду, пока в predeterminedенное время не освободился от рабства. Я описал тебе положение, в котором нахожусь я сам. Различие лишь то, что я состою в рабстве не у богатой царицы, чистой и прекрасной, — словом, не у золотой Афродиты, но у грязных рабов варваров, от которых несет пёсым запахом бараньей кожи, которые весьма жалки по удобствам жизни и богаты разве злонравием, или, лучше, которые бедностью и злонравием царствуют вместе надо всеми. Освободите же меня, пожалуйста, от этого постыдного рабства...».

Дальше в этом письме, написанном Феофилактом в первом же году его пребывания в Охриде, автор называет охридчан безголовыми чудовищами. «С такими-то чудовищами, — пишет Феофилакт, — обречен я иметь сношения, и, что всего хуже, нет никакой надежды при помощи каких-либо зиждущих сил приставить головы к этим шеям... Орел, что на скипетре Зевса, по земле ходит и, увы, держится на навозе и выносит жизнь с лягушками. А они, замышляя нечто несообразное со своим жребием, забавляются над птицей бога и скачут на ее спину, грязные и вонючие, и, разместившись там, заводят свое неприятное и нестройное кваканье! И чего ждать от болотной твари? Они думают петь победную песнь, но не наступило еще тому время: не притупился еще клюв и острые когти, есть еще чем щипать и унести мясо! Считаю же ниже своего достоинства защищаться или мстить им за обиду, она (птица) внимательно и открыто смотрит на лучи солнца во все глаза, как наделила ее тем природа. И кажется, как тот, она желает призвать солнце в свидетели своих страданий, дабы оно показало свое нерасположение и явилось мстителем за те поругания, которым ее подвергают. Заклинаю тебя, мудрейший и любезнейший из людей, чистыми лучами этого солнца, которые тебя освещают каждодневно и которыми ты освещаешь производимых тобою молодых орлов! Этот орел, оскорбляемый, желает жить с вами, счастливыми, где рассеян

чистый эфир, свободный от болота и грязи». В письме к императрице Марии, жене Михаила Дуки (1071—1078), Феофилакт, пользовавшийся ее покровительством, пишет: «Пока я был в столице, пропахли и загнили все мои (здешние) дела, приятные и благоуханные в другом месте. Итак, возвращаюсь к болгарам, цареградец в душе, чуждый в Болгарии. От меня пахнет гнилью, как от них бараньей кожей. . .»

Феофилакт называет Болгарию «варварской» страной; говорит, что он одичал, живя с болгарам «вдали от обиталищ мудрости и как бы опьянев от амусии» (т. е. от отсутствия общения с культурой, с музами); что для него, живущего в Болгарии, «деревенщина сделалась спутницей и сотрапезницей». Феофилакт оплакивает свою участь, называя ее несносной и несчастной, «потому, что она бросила меня в эту даль, где зависть и гнев и всякие страсти и где красноречие не имеет никакой цены». Такими высокомерно-презрительными отзывами о болгарам и их стране переполнены многочисленные письма византийца-аристократа Феофилакта, верховного «архипастыря» болгарского народа.

Письма Феофилакта представляют собою ценный исторический источник не только в том смысле, что они прекрасно характеризуют отношение господствующих классов византийского общества к болгарскому народу, но также и потому, что они рисуют яркую картину политического бесправия и экономического угнетения, в котором находился болгарский народ в конце XI и в XII вв. Автор писем в самых мрачных тонах говорит о несправедливостях, насилиях, взяточничестве и вымогательствах византийских чиновников, о их ничем не сдерживаемой и откровенной распущенности в злоупотреблениях, о циничном отношении к органам вышестоящей власти. Характеризуя поведение византийских чиновников в письме к семнонскому епископу, Феофилакт пишет, что они как будто соревнуются друг с другом в злодеяниях, желая угодить кому-то тем, что причиняют народу как можно больше зла. «Поэтому мы призываем твои молитвы, — пишет Феофилакт, — чтобы они притупили их меч, или, лучше, так как от долгого употребления в резне он притупился, а тупой меч причиняет больше боли, мы призываем твои молитвы, чтобы они помогли его окончательному разрушению».

В письме к «великому доместику Адриану» Феофилакт пишет: «В то время как я наблюдал это смешение жизни и насилие любостяжания, и наглость, которая бесстыдно блудодействовала и оскверняла дела; когда я видел, что государственные чины скорее грабители, чем собиратели податей, что они божеские и царские законы разрывают, как паутину, и что христианство гибнет и несется к пропасти и нет никакой надежды на спасение, я потерял всякую способность рассуждать и, как труп, лежал, отчаявшись в исправлении зла. Но когда благороднейший зять твой принял на себя управление нашими делами, странное зрелище поразило меня; снова возвратилась улетевшая надежда, и все вокруг меня стало оживать. Потом он возвратился к вам, оставив нам одно безутешное воспоминание. Кто теперь соберет остатки мелким собственникам, кто возведет в состояние довольства тех, которые пьют из чаши бедности? Кто доставит сиротам, как милость, засвидетельствовать это самую смертью, чрез которую они лишились немощных родителей и взамен получили такого сильного покровителя? Чьи повеления утвердят границу вдовьего участка? Чьи глаза отрут слезы притесняемых и доведут до горьких слез притеснителей и кто поспешит разложить сей

штраф на ту и другую сторону: одной бóльшую часть, другой — меньшую. Найдет ли теперь бедняк, кто бы стал преследовать хищных богачей...».

Отвечая на письмо видинского епископа, который жалуется Феофилактору на сборщиков податей и налогов, Феофилакт пишет: «У тебя жестокие сборщики. Но они не более жестоки, чем сборщики здешних стран, которые из пяти детей одного ребенка отправляют в рабство, как одного из молодёжного скота, из которого взимается один на пять или на десять голов». По мотивам, прежде всего, личных имущественных интересов Феофилакт вел настолько решительную борьбу с злоупотреблениями чиновников, не останавливавшихся и перед авторитетом архиепископа, что наместник Болгарии Иван Таронит упрекал его в том, что он является помехой для заведующих государственными налогами. Феофилакт слал письма высокопоставленным лицам, в которых, называя чиновников государственного фиска разбойниками, просил о заступничестве от их злоупотреблений, жертвою которых становились не только имущественные интересы архиепископа, церковнослужителей и церковных крепостных крестьян — клириков, но также и имущественные интересы народа — париков, — бросавшего свои пожитки и разбежавшегося от чиновничьих поборов по окрестным лесам.

Рисуя бедственное экономическое положение Охридской области, Феофилакт в своих письмах говорит о непосильных наборах народа в пехотные войска, приводящих к сокращению населения округа и лишаящих его рабочих рук.

Письма Феофилакта интересны и в том отношении, что они рисуют яркую картину морального разложения высшего греческого духовенства в Болгарии, погрязшего в интригах, в сутяжничестве, в интересах личной наживы и угнетавшего народ своими поборами не в меньшей мере, чем его угнетали царские чиновники и сборщики податей и налогов.¹

Политическая жизнь Византии в XII в. при ближайших преемниках Алексея I Комнина, его сыне Иване Комнине (1118—1143) и внуке Мануиле I Комнине (1143—1180), не внесла никакого улучшения в правовое положение болгарского народа, но значительно ухудшила его. В 1122—1123 гг. территория Болгарии вновь становится жертвой грабительских вторжений печенегов из-за Дуная, и хотя весной 1123 г. печенеги и были разбиты Иваном II при Верроя (Стара Загора), часть их, с разрешения византийского правительства, осталась на постоянное жительство на территории придунайской Болгарии с обязательством нести военно-охранную службу и защищать северную границу империи от варварских вторжений из-за Дуная.

В XII в. на северо-западной границе Византийской империи вырастает мощное Венгерское королевство под управлением Владислава I, прозванного «святым» (1077—1095), и Коломана (1095—1114). Расширяя свои владения на Балканском полуострове, венгры захватили Хорватию, Словению и Далмацию, что привело их в 1128 г. при сыне Коломана, Стефане II (1114—1131) к военному столкновению с Византией. Венгры заняли Белград, Браничево, Софию и подошли к Пловдиву. Византийско-венгерская война закончилась миром в 1129 г., но натянутые отношения между Византией и Венгрией про-

¹ В. Н. Златарски. История..., т. II, стр. 252—350; Ф. Ив. Успенский. Образование Второго болгарского царства, стр. 1—57.

должали оставаться и при Мануиле I, при котором территория Болгарии вскоре после мадьярского нашествия стала жертвою Второго крестового похода (1147—1149) во главе с германским императором Конрадом III Швабским, Гогенштауфеном (1138—1152), и французским королем Людовиком VII (1137—1180).¹ Движение крестоносцев Второго похода через болгарскую территорию к Константинополю «сопровождалось насилиями и грабежами, как и в первый раз» (Васильев).

Бслед за крестоносцами весною 1148 г. Болгария стала жертвою вторжения куманов (половцев), которые с огромной награбленной добычей переправились обратно на левый берег Дуная и расположились лагерем. Здесь Мануил настиг их, разбил в сражении вблизи южной границы Галицкого княжества, и они разбежались по окрестным горам, покрытым густым лесом. Куманские вторжения повторились затем в 1151—1156 гг. и в 1159 г.²

Ликвидировав вторжение куманов, Мануил в союзе с Конрадом III начал борьбу против норманнского короля Роджера II (1127—1154), захватившего о. Корфу и угрожавшего греческим владениям Византии. В ответ на выступление Мануила I Роджер II заключил союз с венгерским королем Гейзой II (1141—1161), который натравил против Византии сербского великого жупана Уроша II, и в то время, когда в 1149 г. Мануил был занят осадой Корфу, сербы, находившиеся в вассальной зависимости от Византии, подняли против Мануила восстание. Прибыв, после взятия Корфу, через Авлону и юго-западные районы Болгарии в Сербию, Мануил разрушил столицу сербских жупанов, г. Расу, разорил страну, занял почти все укрепления, в том числе и крепость Галич на р. Сочанице и захватил в плен множество сербов. Окончательно сербское восстание было подавлено Мануилом зимой 1150/1151 г.

Спустя несколько лет после этого, в 1154 г., началась длительная венгерско-византийская война, закончившаяся в 1161 г. миром, но продолжавшаяся и после этого, с некоторыми перерывами, и в правление венгерского короля Белы III (1173—1196).³

Все изложенные выше события — и вторжения кочевников с севера, и второй поход крестоносцев, и войны Византии с норманнами, сербами и мадьярами, разыгрывавшиеся в течение всего XII в. на территории Болгарии, — ложились тяжелым бременем, прежде всего, на болгарский народ. Постоянные насильственные наборы в войска, военные постой и реквизиции и неизбежно связанное с военными нуждами византийского правительства усиление налогового пресса привели болгарский народ к концу XII в. к полному экономическому разорению и к массовому переходу свободного народа в рабское состояние, а вместе с успехами ромеизации — к насильственному изъятию самого имени Болгария с этнографической карты полуострова.

Характеризуя внутреннее положение Болгарии в XII в., Ф. Ив. Успенский в своем труде, посвященном истории «Образования Второго болгарского царства» (1879), пишет следующее.

«При императорах Иоанне и Мануиле Комнинах (1118—1180) самое имя Болгарии и болгар как будто изъято было из обращения. В самом деле, не без причины писатели и политические деятели этого времени, И. Киннам и Н. Акоминат, чрезвычайно бережно обхо-

¹ А. А. Васильев. Византия и крестоносцы. Петербург, 1923, стр. 44—48.

² В. Н. Златарски. Назв. соч., стр. 386—395.

³ Там же, стр. 388—394.

дятся с этнографическими и географическими терминами, когда они касаются Болгарии. С одной стороны, границы отодвигаются более и более на северо-восток, причем входит в употребление полузабытый термин Мизия или Загорье, с другой же — имя господствующего племени заменяется именем спорадически живших между болгарами владов. Вследствие политических соображений, последовательно проводимых в XII в., и первое движение против Византии, поднятое в 1185 г., приписано византийскими писателями уже влашскому элементу, а не болгарскому. Нельзя не предполагать, что стремление в литературе XII в. обходить молчанием болгарские дела стоит в связи со взглядами византийского правительства на Болгарию и с надеждами его вполне подчинить эту провинцию греческому господству, т. е. ввести в ней византийскую администрацию и устройство, суд, систему податей и т. п. К концу XII в. на Болгарию греки смотрели уже как на часть одного и того же тела империи...»

Ценными источниками для изучения интересующей нас эпохи являются два церковных писателя: солунский митрополит Евстафий (1175 — ок. 1194),¹ и афинский митрополит Михаил Акоминат.² Как и Феофилакт охридский, названные авторы «неумолимо и беспощадно бичуют византийскую систему управления подвластными народами; в частности же они восполняют один другого и все вместе служат прекрасным освещением любопытнейшей эпохи в истории, когда почти одновременно отпали от громадной империи две большие части (Болгария и Кипр) и сама столица уже намечена была, как легкая добыча, латинянами» (Успенский). Кроме того, в большом сочинении — «Об исправлении монашеской жизни» Евстафий солунский блестяще вскрывает распущенность монашествующего духовенства в балканских странах, подвластных Византии, его своекорыстную алчность и наглую эксплуатацию населения. Чтобы оценить этот исторический источник, по достоинству, следует иметь в виду, что духовенство, в частности монашествующее, играло в это время в Византии огромную экономическую и политическую роль и представляло собою весьма значительный и влиятельный слой в византийском обществе. «Византийская церковь, — говорит Успенский, — отвлекала от государства лучшие силы и пользовалась широкими правами. Целые семьи посвящали себя духовному званию, редко кто не учился в монастыре или в епископской школе; мало можно указать исторических лиц, не имевших родственных связей в монастыре или при епископской кафедре. Наделение монастырей и церквей поместьями было в духе нравов, против которых тщетно боролись некоторые императоры». ³ Любопытную в этом смысле справку дает, между прочим, русский путешественник, новгородский архиепископ Антоний, автор интересных записок о путешествии к «святым местам» (ум. в 1233 г.): «От греческого моря и до Русского моря, — говорит он, — есть попов 40 000, а кроме монастырских; а монастырев 14 000; а у Святыя Софии 3 000 попов». ⁴

Чем же были заняты обитатели и правители этих 14 000 «монастырев»? Исчерпывающий ответ на этот вопрос дает Евстафий в названном выше сочинении. Приведем из него несколько цитат.

¹ Eustathii, mitropolitae Thessalonicensis, De emendanda vita monachica. Migne, Patr. gr., t. 135, col. 729—910.

² Σ. Π. Λάρπρος, Μιχαήλ Ἀκομινάτου τοῦ Χωνιάτου τὰ σωζόμενα, κτλ. ἐν Ἀθήναις 1879.

³ Ф. Ив. Успенский. Назв. соч., стр. 60.

⁴ См. изд. П. Саввантова. СПб., 1872, стр. 183.

... «Мы имеем в нашей среде род людей, — говорит Евстафий, — который ношением бороды купил себе право на беспошлинную торговлю. Они не едят мяса, но получают свои барыши и не боятся властей, которые за невзнос пошлины могли бы отнять у них товар. Разводят виноградники и сады, размножают стада домашних животных, оставляя без надзора словесное стадо, и делают все, чем можно доказать свою принадлежность к миру, или, лучше, свое помещичье звание»...

... «Стоит посмотреть, как это достопочтенное лицо с длинной бородой ведет себя в братской беседе. Наш великий игумен начинает речь. Это не будут изречения священного писания, или толкования трудных мест, или слова св. отцов, или предметы, относящиеся к добродетели, или увещание к братии; нет, нашего учителя занимают разнообразные житейские дела. Начав с виноградников и садов, и с доходов, и с других не менее важных вещей, когда старцы не благоволят поддерживать разговор личными замечаниями, обрывает речь на маслине, фиге и других плодах и начинает философствовать: какой род винограда дает лучшее вино, какая почва приносит большой урожай, как собирать братии больше податей».

... «Если случится, что придет к нему для беседы кто-нибудь из сильных мира сего, тогда наш отец бывает неподражаем. Сначала он помолчит довольно, как Пифагор, внешним поведением желая обнаружить глубину своей добродетели и показать себя подвижником молчания; потом заговорит медленно о себе... Скажет затем о почестях, которые воздают ему и царь, и патриарх, и архонты... Когда заметит, что довольно уже овладел вниманием слушателя, сводит речь на свою бедную обитель, которую или притесняют требованием взяток, или которой не дают суда с мнимым обидчиком. А этот угрожающий враг — или епископ, по большей части без вины виноватый, или сосед-владелец. Первый не расположен к обители, во все вмешивается, все проверяет и хочет вознаграждения за все дела свои, — словом, нарушитель канонов. Второй не лучше первого: его имение находится рядом с монастырскими землями, а он не хочет ни продать его, ни подарить бедной обители... Излишне говорить подробно, как он обрабатывает своего посетителя. Стоит только вообразить себе, что набег неприятелей не так пагубен для землевладельца, как соседство святых отцов!..»

... «Окружает забором проселочные и другие дороги, если они идут по церковной земле, и приказывает прокладывать новые пути, этот реформатор и нововводитель; преграждает доступ к мельницам, злоумышляет и против самой реки, если она протекает по епископской земле. Власть его широка и неограниченна. Достойный удивления по злобе, он радеет о своем авторитете в деревнях; попускает воровство, унизившись до ремесла вора, присуждает к плетям и бичам и делает все, чтобы стать страшным и недоступным».¹

Приведенные выше строки из сочинения Евстафия рисуют яркую картину крупного средневекового церковного землевладельца — феодала и его эксплуататорские отношения к окружающему монастырь населению мелких земельных собственников — крестьян, имеющих несчастье быть соседями монастыря, или епископа-феодала.

Погрязшее в предпринимательских хозяйственных интересах своих владений греческое духовенство в Болгарии пришло, в конце концов, в такой культурный упадок и невежество (вплоть до без-

¹ Цит. по: Ф. Ив. Успенский. Назв. соч., стр. 61—63.

грамотности), что говорить о каком-либо культурном влиянии его на болгарский народ не приходится. Народ видел в нем не своих духовных вождей и учителей, а самых злостных и наглых эксплуататоров народного труда и народной совести, и не только избегал с ним связи, но и поднимал против него восстания. А между тем, даже в 70-х годах XII ст. византийское правительство не отказывалось от своей политики ромеизации болгарского народа при содействии своего духовенства. Так, например, к этому времени относится крайне тенденциозная переделка на греческий язык славянского жития болгарского национального святителя Ивана Рильского, составленного во второй половине X в. Эта переделка принадлежит греческому писателю, стоявшему тогда во главе управления Средеца, нынешней столицы Болгарии — Софии, Ивану Скилице, по поручению Мануила I Комнина, причем болгарский оригинал жития был уничтожен греческим переводчиком. Следовательно, еще во второй половине XII в. дело с ромеизацией болгарского народа обстояло далеко не блестяще, если византийскому правительству пришлось прибегнуть к такому грубому подлогу. Другими словами, политика денационализации болгарского народа, проводившаяся с исключительным усердием византийским правительством в течение двух веков через свою церковь и свое духовенство, не дала желательных результатов.

С другой стороны, вполне понятно, что в той удушливой экономической, политической и культурной обстановке, в которой пришлось жить болгарскому народу в XII в., богомильство явилось для народа естественным убежищем, где находили себе выход его антиправительственные и антицерковные национальные чувства и социально-политические устремления. В нашем распоряжении нет, к сожалению, необходимого документального материала, чтобы судить о том, какую роль сыграли болгарские богомилы в организации болгарского народного восстания 1185 г., которое вскоре привело к свержению византийского ига, но уже та напряженная борьба, которую в XII в. ведет с богомилами византийское правительство через свои церковные соборы 1140, 1143 и 1156—1157 гг., свидетельствует о том, что византийское правительство отдавало себе совершенно ясный отчет в том, какую мощную революционизирующую силу представляли собою богомилы в среде угнетенных завоевателей национальностей, в частности — в среде болгарского народа. Не исключена поэтому возможность, что болгарское национально-освободительное движение 1185 г. было инспирировано и получило свое оформление именно в недрах национального богомильского движения, представленного наиболее культурными и политически наиболее передовыми элементами тогдашней болгарской общественности.

Исключительно тяжелые экономические и политические условия жизни болгарского народа в XI—XII вв. под византийским игом часто приводили его к массовой утрате свободного состояния и к переходу в рабство. Рабство не только существовало в это время в Византии, но, по характеристике Успенского, представляло собою «крепкий и распространенный институт».

Известно, что основным источником рабства в древности и в средние века была война: рабство, прежде всего, было уделом военнопленных, которых византийцы забирали во время своих непрерывных войн и в Азии и на Балканском полуострове. Другим, не менее обильным источником, поставлявшим византийскому правительству и эксплуататорским классам византийского общества рабов из славян-

ского, и в первую очередь болгарского народа, в XI—XII вв., в эпоху византийского владычества в Болгарии, было экономическое разорение и обнищание болгарского трудового крестьянства. Выше мы цитировали характерный в этом смысле отрывок из письма охридского архиепископа Феофилакта к видинскому епископу в ответ на жалобу последнего на жестокость местных сборщиков налогов. В этом письме Феофилакт пишет, что в здешних странах, т. е. в юго-западной Болгарии (Македония) сборщики еще более жестоки, чем видинские, и из пяти детей отбирают у населения по одному, как это они делают и с мелким крестьянским скотом, отбирая из него по одному на пять или на десять голов.

Источники, насколько нам известно, не говорят о том, что в налоговой системе Византии существовал тот вид дани, который впоследствии был введен в Болгарии завоевателями-турками и был известен как «дань крови» (турецк. «испенч»): он заключался в периодическом, через каждые пять лет, сборе завоевателем среди подвластного ему христианского населения мальчиков в возрасте 10—12 лет. Этих детей затем отправляли в Константинополь и здесь частью распределяли для службы в дворцах султанов и пашей, частью продавали в рабство, частью же отдавали в янычарские казармы для подготовки их к янычарской службе и пополнения корпуса янычар. (Подробнее на эту тему мы скажем в 3-й части настоящего труда, посвященной истории Болгарии под турецким владычеством.) Если в налоговой системе у византийцев такого сбора не значилось, а он, между тем, производился, то из этого следует, что византийские фискальные чиновники отбирали у родителей детей в том случае, если родители, в силу своей бедности, оказывались не в состоянии уплатить налоговый сбор деньгами. Отобранных у родителей, таким образом, детей византийское правительство обращало затем в рабов. Наконец, имеются и документально засвидетельствованные случаи, когда родители-болгары принуждены были продавать своих детей в рабство, притом по очень низкой цене, чтобы спастись от голода. На эту тему говорят две новеллы Алексея I Комнина от 1095 г., данные на имя солунского митрополита Феодула.¹

В одной из этих новелл говорится, что многие болгары, как и другие, прибегали к покровительству церкви св. Софии в Солуни и очень настаивали на том, чтобы им была возвращена свобода. В своих петициях они мотивировали это тем, что они были людьми свободного происхождения, «так как, — по их словам, — были рождены от свободных родителей, болгар и других, которых наша государственная система обратила в рабов, и в доказательство своих прав приводят свидетелей; господа же с своей стороны ссылаются на свидетельские показания, так что рабская доля опять остается уделом первых». Новелла предлагала церковному суду на будущее время не принимать во внимание показаний свидетелей, выставленных господами, а удовлетворяться лишь достоверными свидетелями, выставленными со стороны ищущих свободы.

В другой новелле Алексея I на имя того же Феодула прямо указывается на голод как источник рабства в Византии: «Приходящие к твоей церкви (рабы) утверждают, что они произошли от болгарских родителей, но что по случаю голода они были проданы своими

¹ Alexii Comneni. Chrisobula ad Theodulum, mitropolitam Thessalonicensem anno 1095.—Zachariae von Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, pars III. 1857, p. 401—402, 405.

родителями. Царство мое постановляет: принимать всех приходящих к тебе и ищущих свободы и судить их с господами. И если они представят достаточное число свидетелей, имеющих на то законные права, то на присяге таких свидетелей освободить истцов от ярма рабства».¹

В одной из своих речей названный выше Евстафий рисует, между прочим, такую яркую картину, характеризующую обращение господ со своими рабами: «На этих днях один неважный гражданин, из менял, когда его бедный раб прибежал в нашу церковь,² сделал набег, как какой-нибудь насильник-латинянин (каких мы испытали к несчастью), вытащил это несчастное создание из самой середины храма и увел его домой, как волк ягненка. И не удовлетворившись тем, что вырвал его из рук божиих, остриг ему волосы на голове и не оставил на всем теле здорового места, нанося ему жестокие удары. И кого бьешь, благородный муж? Человека, который по преклонным летам не может даже прямо держаться на ногах. Измерив так раба и высосав, так сказать, его душонку, он наложил на него оковы и посадил на цепь. Наконец, одел его в грубую волосяную одежду... и за что, несчастный, обрушились на тебя такие бедствия? За то, что ты дерзнул прибегнуть к богу!..»³

Солунский митрополит Евстафий принадлежал к числу просвещенных византийских иерархов, которые восставали против рабства и в устных и письменных выступлениях вели борьбу с рабовладельчеством. В одном из своих писем, говоря о том, что человек по природе создан для свободы, но что человеческие страсти породили неравенство, он пишет: «Зло рабства, не известного природе, вошло в жизнь вследствие любостыжательности людей. Итак, было бы делом богоугодным возвратить рабское состояние к прежней свободе, грех же любостыжания приравнять к братству по природе. Ибо мы были бы недостойны извинения, когда господь, владыка всего, возводит нас, рабов, к братству и удостаивает имени братьев, а мы сами желаем низвести наших братьев с высоты равенства в глубину рабства. Помышляя о сем, — продолжает Евстафий, — и имея в виду ожидающую всех людей участь, я желаю, чтобы доставшиеся мне рабы, когда я переселюсь в иной мир, не переходили во власть никакого другого господина. Но доколе я остаюсь в живых, будут со мною и продолжают пользоваться моим благорасположением, которое едва ли в чем уступит попечению родителя о своих детях. Когда же переселюсь в другую жизнь, они вольны жить, где хотят, как свободные ромей, и никто из моих родственников, свойственников и знакомых не имеет над ними права. Настоящая моя запись оградит их против всякого покушения удержать их в рабстве. Для большего уже утверждения я предъявил ее в священном судилище, дабы она была оградой моим рабам (таким-то), если кто-либо по моей смерти будет угрожать их свободе».⁴

Таким образом, наличие рабства в Болгарии в XI—XII вв. во время византийского владычества рабства, и притом как «крепкого, — по

¹ Ф. Ив. Успенский. Образование Второго болгарского царства, стр. 72 и сл.; В. Н. Златарски. История..., II, стр. 400—402.

² Согласно старым народным воззрениям, церковь, как храм или обиталище бога, считалась неприкосновенным убежищем для всех угнетенных и преследуемых: скрывшийся от преследования в церкви тем самым как бы отдавал себя под защиту бога и, пока оставался в церкви, пользовался правом неприкосновенности личности (Н. Д.).

³ Ф. Ив. Успенский. Назв. соч., стр. 65 и сл.

⁴ Там же, стр. 69.

характеристике Успенского, — учреждения», выросшего на почве полного экономического разорения народа, не подлежит никакому сомнению.

Таков был естественный результат 167-летнего византийского владычества в Болгарии, построенного на политическом, экономическом и культурно-национальном угнетении народных масс.

§ 8. ВОССТАНИЕ ПЕТРА И АСЕНЯ 1185—1187 ГГ. И НАЧАЛО ВТОРОГО БОЛГАРСКОГО ЦАРСТВА

«Когда 23 сентября 1180 г. Мануил I всего 58 лет от роду отошел к праотцам, — пишет Герцберг, — вместе с ним навеки погрузился в могилу древний блеск и древнее величие Византии».¹

Как видели мы выше, «древний блеск и древнее величие Византии», в действительности, были уже весьма поблекшими и ко времени Мануила I. Во всяком случае, болгарскому народу, доведенному под власть Византии при Алексее I и Мануиле I Комнине до полного экономического разорения и рабства, говорить о блеске и величии Византии в XII в. не приходится. Уже при Мануиле I Византия представляла собой «живой труп», заражавший своим смрадным разложением атмосферу, в которой задыхался болгарский народ. Катастрофа, постигшая Византию при ближайших преемниках Мануила I, Алексее II (1180—1183), Андронике II (1183—1185) и Исааке II Ангеле (1185—1195; 1203—1204), была естественной развязкой того узла ее политической и финансово-экономической системы, который был туго затянут византийскими правителями на шее народов умиравшей империи.

Тотчас после смерти Мануила I, когда в верхах византийского правительства возникли некоторые затруднения в связи с вопросом о преемнике Мануила в виду малолетства его сына Алексея, сербский великий жупан Стефан Неманя решил воспользоваться сложившейся в Константинополе обстановкой и начал свои вторжения в область долины р. Моравы, в южную Далмацию и в Дуклянскую землю. В это же время и венгерский король Бела III (1173—1186), женатый на сестре византийской императрицы Марии, жены Мануила Комнина, узнав о том, что провозглашенный соправителем малолетнего Алексея II узурпатор — император Андроник I Комнин (1183—1185) арестовал и заключил Марию в монастырь, напал на пограничные византийские крепости Белград и Браничево. В 1183 г. Мария была казнена, и Бела в союзе со Стефаном Неманей продолжили свои наступления на северо-западные болгарские районы Византии, опустошили Белград, Браничево, Равно, Ниш и Средец (София) и разрушили их стены настолько, что когда, шесть лет спустя, через названные города проходили крестоносцы Третьего крестового похода, они нашли эти города в развалинах. Подкрепив свои силы союзом с венгерским королем, Стефан Неманя отложился от Византийской империи и объявил независимость Сербии. Против мятежного сербского жупана и венгерского короля Андроник I отправил своих лучших полководцев, Лампарда и Алексея Враня, но экспедиция эта не имела успеха для византийцев. Разыгравшиеся на Болгарской территории события, которые привели к освобождению Сербии от византийского владычества, не могли, однако, не стимулировать соответствующих сепаратистских настроений и в среде болгарского

¹ Г. Ф. Герцберг. История Византии, М., 1897, стр. 311.

боярства смежных северо-восточных районов Болгарии. Здесь, в силу местных политических условий, о которых мы говорили выше, византийская власть не успела пустить глубоких корней и была скорее номинальной, чем фактической, так как районы северо-восточной Болгарии находились в оккупации печенегов и куманов. Свободное от хищнических поборов и эксплуатации византийских чиновников местное население, особенно в придунайских городах, успело экономически окрепнуть и пользовалось известным материальным благополучием. В этой обстановке удачный опыт отложения от Византии Стефана Немани наталкивал и болгарское боярство на мысль о своевременности аналогичного предприятия и для болгарского народа.¹ События, складывавшиеся в это время в Византии, благоприятствовали начинанию болгарских вождей.

Характеризуя создавшееся в Византии положение вещей, советский историк говорит:

«После смерти Мануила вдова его Мария, дочь антиохийского князя, «латинянка», ненавистная византийцам уже по своему происхождению, стала регентшей при своем малолетнем сыне Алексее II. Государственными делами при ней заправлял протосеваст Алексей, родственник императора, человек мало способный, заботившийся больше о личном обогащении, чем о нуждах государства, искавший себе опоры в ненавистных византийцам иностранцах. Новое правительство не было авторитетно. В дворцовых кругах после смерти Мануила по вопросу о регентстве начались внутренние распри и интриги, в свою очередь давшие толчок давно уже накопившемуся в столице народному недовольству. Народные массы были возмущены систематическим пренебрежением правительства к их интересам. Выразилось опасение, что «ромеям» неминуемо угрожает поражение со стороны латинян, если последним не будет дано решительного отпора. Но народная ненависть была направлена не только против латинян. Не меньшую ненависть народные массы питали и к своей правящей верхушке. Уже в 1180 г. константинопольский плебс разгромил роскошные дворцы епарха и прокурора верховного суда. Случаи разгрома богачей и расхищения их имущества все учащались».²

В наши задачи не входит обзор подробностей развертывавшихся в Константинополе при преемниках Мануила I событий, но так как события эти, носившие чрезвычайный характер, — поскольку в них вылилась ненависть широких народных масс византийской столицы против своих правителей, — находила себе, несомненно, отклик и внутри империи, то хотя бы вкратце они должны быть отмечены и нами. В византийской правительственной системе Константинополь был центральным нервным узлом, и события, разыгрывавшиеся в столице, несомненно стимулировали подъем соответственных настроений и за пределами империи и внутри нее. Важнейшие из этих событий следующие:

«2 мая 1182 г. в Константинополе вспыхнуло восстание против правительства регентши Марии. Враждебный латинянам народ объявил правителем государства 67-летнего Андроника,³ который

¹ В. Н. Златарски. История... т. II, стр. 422—425.

² М. В. Левченко. История Византии. 1940, стр. 215.

³ Андроник приходился двоюродным братом Мануилу I и до 1181 г. жил в ссылке в Пафлагонии; известен, между прочим, тем, что, бежав из тюрьмы, во время своих скитаний жил в 1164 г. некоторое время у Галицкого князя Ярослава.

с отрядом преданных ему пафлагонян появился перед Халкидоном с намерением, по его словам, «избавить императора от плохих советников». Итальянцы, особенно венецианцы, готовы были пожертвовать всем, чтобы только не допустить Андроника в Константинополь, но вмешательство иноземцев вызвало измену — переход византийского флота на сторону Андроника. Вслед за тем константинопольский плебс набросился на латинские кварталы у Золотого Рога, насчитывавшие до 60 тысяч жителей. К народу присоединились переправившиеся через Босфор пафлагонцы Андроника. Все латиняне, не успевшие спастись морем, подверглись беспощадному истреблению. Кто не выходил из домов, тех сжигали вместе с домами. Богатый иностранный квартал был превращен в дымящиеся развалины. На море гнались с греческим огнем за отплывавшими. Четыре тысячи уцелевших венецианцев, генуэзцев, сицилийцев было продано в рабство туркам. Андроник после этого был провозглашен императором».¹

Правление Андроника, объявившего себя «крестьянским императором», характеризуется борьбой против эксплуататоров крестьянства — землевладельческой аристократии и ликвидацией иностранцев в пределах империи. Андроник ставил основной задачей своей внутренней политики «укрепление государства путем усиления тех элементов общества, которые составляли его истинную жизненную силу». Он повел суровую, решительную борьбу со взяточничеством и вымогательством чиновников и сборщиков податей. По словам византийского историка этой эпохи, Никиты Акомината или Хониата, «от одного имени Андроника, как от волшебного заклинания, разбежались алчные сборщики податей; оно было страшным пугалом для всех, кто требовал сверх должного».² «Оттого, — пишет Хониат, — люди, с давних пор заснувшие и доведенные общественными недугами до смерти, как бы услышав трубу архангела, пробудились от долгого тяжелого сна и воскресли».

Андроник повел жесточайшую борьбу с землевладельческой аристократией и византийской чиновной знатью, представителей которой он подверг систематическому истреблению: он их вешал, ослеплял и сжигал живыми. Враги Андроника отвечали ему тою же монетой, поднимая против Андроника в различных пунктах империи восстания. Такие восстания имели место в Филадельфии, в Никее, в Бруссе и Лопадии. В 1184 г. объявил себя независимым и отложился от Византийской империи остров Крит. Независимым владельцем острова объявил себя один из византийских аристократов Исаак Комнин Дука.

Летом 1185 г., в результате соглашения, заключенного между племянником Мануила I, Алексеем Комниным, с латинянами, с которыми Андроник вел такую же решительную борьбу, как и с византийской знатью, южно-итальянские норманны во главе с Вильгельмом Сицилийским напали на Диррахрум, взяли его, двинулись внутрь балканских владений Византии, к Солуню, и овладели этой византийской твердынею, захватив, таким образом, в свои руки обширную Византийскую территорию на юго-западе полуострова. И несмотря на то, что за два-три года правления Андронику удалось добиться некоторого подъема благосостояния провинциального населения, что

¹ М. В. Левченко. Назв. соч., стр. 216.

² Nicetae Acominati Historia. Corpus Scriptorum historiae Byzantinae, edit. Bekkeri. Bonnae, 1835, II, 3, стр. 422; О Хониате см. Ф. Ив. Успенский. Византийский писатель Никита Акоминат из Хон. СПб., 1874.

благодаря прекращению вымогательств беглые возвратились на свои места, население городов увеличивалось, а вместе с тем увеличивались и государственные доходы, что улучшилось земледелие и подешевели съестные припасы и пр. и пр., — неудачи, постигшие Андроника на «латинском» фронте, вызвали враждебное к нему отношение со стороны константинопольского плебса, который посадил Андроника на престол и для которого Андроник сделал все, что было в его силах, чтобы улучшить его положение. Это вызвало резкое осуждение плебса со стороны Никиты Хониата, вовсе не расположенного к Андронику и не разделявшего его политики. В результате измены Андронику константинопольского плебса, поднятое против Андроника в Константинополе аристократом Исааком Ангелом 12 января 1185 г. восстание имело успех, и Андроник погиб жертвою разъяренной аристократии. По характеристике историка, правление Андроника было в истории Византии единственной попыткой создания демократической монархии.¹

С низвержением Андроника власть в Византии перешла в руки крупной землевладельческой аристократии в лице правительства императора Исаака Ангела. В византийской политике вновь восторжествовала реакция, вновь ожили взяточничество и вымогательства чиновников, вновь воскресло невыносимое бремя налогов.

«Трусливый и ничтожный кутила», по характеристике Маркса,² Исаак Ангел с увлечением отдался увеселениям придворной жизни и кутежам, что требовало больших денег, а византийская казна была настолько истощена, что византийскому правительству, несмотря на взвинченный до крайности налоговый пресс, не на что было содержать армию.³

Новый император принял управление, — говорит проф. Златарский, — в то время, когда империя находилась в крайне критическом положении: при Мосинополе стояла лагерем норманнская армия, отдельные отряды которой совершенно свободно нападали и опустошали страну на восток от столицы, и ждала только соединения с нею других частей сицилийской армии, чтобы продолжить свой маршрут к Константинополю, а неприятельский флот подошел к Мраморному морю и тоже ждал только прибытия сухопутной армии, чтобы вместе ударить на византийскую столицу. С северо-запада империи угрожали союзники, мадьяры и сербы, которые после взятия Средеца готовы были вторгнуться далее внутрь империи. Первой задачей Исаака Ангела было освободиться от страшной норманнской опасности, и он выслал против норманнов отличного, опытного и способного византийского полководца Алексея Врана, который быстро стал оттеснять отдельные норманнские отряды и нанес при Мосинополе норманнской армии довольно чувствительный удар. Этот первый успех придавал императору достаточно мужества, и он тотчас же вступил в переговоры о мире с венгерским королем. Мир был заключен и скреплен брачным союзом Исаака II с Маргаритой, 10-летней дочерью Белы III, который, со своей стороны, вернул Византии оккупированные им северо-западные болгарские области — Белградскую, Браничевскую и Поморавие в качестве приданого за дочерью. В это же время, по предположению болгарского историка, была, вероятно, признана Исааком II и политическая самостоятельность Сербии.

¹ М. В. Левченко. Назв. соч., стр. 217—219.

² К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 192.

³ М. В. Левченко. Назв. соч., стр. 219 и сл.

Событие это должно быть отнесено к октябрю 1185 г., свадьба же императора состоялась не ранее января 1186 г.

По сообщению Никиты Акомината и Георгия Акрополита, в связи с предстоящими торжествами по случаю царской свадьбы, Исаак II издал распоряжение собрать бесплатно с населения овец, свиней и волов, а так как Болгария разводила этот скот больше чем какая-либо другая страна, то на нее и пала значительная доля сбора. Одновременно на население были наложены и другие чрезвычайные налоги. Это распоряжение императора, а равно и проведение его в жизнь явились как нельзя кстати для болгарских вождей, братьев Петра и Асеня, чтобы поднять к восстанию колебавшихся и вероломных владхов, так как потеря скота наносила благосостоянию этого скотоводческого народа существенный удар.

7 ноября 1185 г. византийская армия нанесла решительное поражение норманнам на нижней Струме у с. Димитрицы. Разгромленная норманнская армия в панике бросилась в Солунь, где в огромном количестве была уничтожена; оставшиеся же в живых частью успели бежать в Диррахиум, частью, в количестве 4 тысяч человек, были взяты византийцами в плен. В это именно время братья Петр и Асень решили поднять народное восстание. «Но так как, — пишет Никита Акоминат, — они не хотели поднимать восстание без всякого повода, то они явились к императору, который в это время находился в византийском лагере при Кипселе (совр. Ипсала) с просьбою о принятии их в армию наравне с ромеями и пожаловании им царскою грамотой небольшого доходного села, расположенного в Балканских горах». Уверенные в том, что им будет отказано в ходатайстве, Петр и Асень, таким образом, получали формальный повод для начала восстания. Когда, по рассказу Никиты Акомината, братьям Петру и Асеню было отказано в их ходатайстве, они стали жаловаться на то, что их презирают и игнорируют их просьбу, несмотря на их знатное происхождение, и в своей возбужденности они намекали на восстание, которое могли бы поднять, вернувшись домой. Особенно грубым в своих выражениях был младший из братьев, Асень, который за бесстыдство получил по приказу севастократа Ивана, дяди Исаака II Ангела, пощечину».

Вернувшись домой, униженные и оскорбленные, братья тотчас же объявили восстание, к этому времени ими уже подготовленное. Начало восстания проф. Златарский относит к ноябрю 1185 г. Центром восстания братьев Петра и Асеня, по предположению проф. Златарского, был город Тырново или, точнее, Тырновская крепость, известная под названием Царевец, которая первоначально была расположена на самой высокой вершине скалистого полуострова на р. Янтре, так называемое Чантепе, и принадлежала братьям — вождям восстания, как их родовое владение.¹

До последнего времени вопрос о том, какой национальности были вожди болгарского восстания 1185 г., братья Петр или Калопетр и Асень, первоначально носивший имя Феодор и прозывавшийся Белгун, оставался не решенным. Одни исследователи считали их влахами, т. е. приписывали им румынское происхождение, другие считали их болгарами, третьи — праболгарами, четвертые — русскими. Подробно на этом вопросе останавливался в свое время Ф. Ив. Успенский,² который дал исчерпывающую критику мнения о валашском проис-

¹ В. Н. Златарски. История..., т. II, стр. 433—441.

² См. его «Образование Второго болгарского царства», стр. 104—108.

хождении братьев Петра и Асеня, поставив это мнение в связь с тенденцией византийских писателей конца XII в. замалчивать географический и этнографический термин «Болгария» и заменять его термином «Валахия». Ф. Ив. Успенский отметил, что Никита Акоминат старательно обходит имя болгар, заменяя его названиями: обитатели Балканских гор, мизийцы или валахи, также загорцы. Путешественники XII в. согласно уже называют Валахией страну, входившую прежде в область болгарского царя Симеона. «Таким образом, — замечает Ф. Ив. Успенский, — нет ничего удивительного, что византийские летописцы начавшееся на Балканском полуострове движение назвали валашским и предводителям, Петру и Асеню, прямо или косвенно приписали романское происхождение. Папа Иннокентий III в своих сношениях с болгарским царем Иоанном (Калоян) лишь воспользовался этим обстоятельством, дабы, с одной стороны, склонить Иоанна к единению с римской церковью, с другой же — чтобы оправдать свой образ действий в глазах угорского короля, возлюбленного сына римского престола, который всеми мерами препятствовал осуществлению болгарских притязаний, угрожая враждой и неисполнением уже ранее того данных папе обещаний. В XIII в., когда Болгария счастливо окончила начатую с Византией борьбу, этнографический и географический термин «Болгария» снова приобретает утраченное прежде значение. В официальных византийских актах, равно у летописцев, болгары без колебаний называются болгарами, а не влахами». ¹ Решительно возражая против приписывания вождям болгарского восстания 1185 г., Петру и Асеню, румынского происхождения, Ф. Ив. Успенский, исходя из странного для славянина имени Асени или Асаны и, в связи с этим, участия турецкого элемента в главнейших актах борьбы болгар с Византией, ставил вопрос, не куманского ли происхождения Асени, но не дал на него положительного ответа. ²

В болгарской историографической литературе имеются три специальные исследования, посвященные вопросу о происхождении Петра и Асеня. Они принадлежат профессорам Софийского университета П. Мутафчиеву, В. Н. Златарскому и лингвисту Ст. Младенову. ³

Проф. Златарский, прежде всего, считает ошибочным мнение, что имя Асен, выступающее в греческих источниках в форме 'Ασάν, т. е. Хасан, представляет собой турецкое имя, и подчеркивает, что все без исключения исследователи вопроса признают в нем туранское имя, и, исходя из этой основной предпосылки, разрешает в своем исследовании вопрос, от какого туранского народа происходят Петр и Асень. Что кочевники туранцы играли крупную роль в истории Византии своими вторжениями на Болгарскую территорию, в этнографии которой, несомненно, оставили свое отложение, мы уже знаем из предыдущего: печенеги, начиная с 1026 г., узы — с 1064 г.; куманы (половцы) — в 1078, 1087, 1092 и 1114 гг. В русской летописи проф. Златарский находит имя половецкого, т. е. куманского,

¹ Ф. Ив. Успенский, назв. соч., стр. 104 и сл.

² Там же, стр. 108.

³ П. Мутафчиев. Произходът на Асеневици. Македонски Преглед, год. IV (1928), кн. 4; В. Н. Златарски. Потеклото на Петра и Асеня, водачите на възстанието в 1185 год. Списание на Българската Академия на науките, кн. XLV, Клон историко-филологичен и философско-обществен., 22. София, 1933, стр. 7—48; Ст. Младенов. Потеклото и състав на среднеобълг. Бългоун, прекор на цар Асеня I. Там же, стр. 49—66. Этому же вопросу проф. В. Н. Златарский посвящает несколько страниц и в своей «Истории на бълг. държава» (т. II, стр. 426 и сл.).

князя Осѣнь, которое выступает также и в формах: Асѣнь, Асинь и Ясѣнь. Таким образом, куманское происхождение имени Асень, по Златарскому, не подлежит никакому сомнению, как не подлежит сомнению и куманское происхождение имени болгарского царя Борил, которое носил племянник Петра и Асеня. Такого же куманского происхождения и прозвище Асеня Белгун, как и аналогичные с ним по словопроизводству имена половецких князей Белдюзь, Белдюзь и Белкатгин русских летописей.

В Византии при Никифоре Вотаниате (1078—1081) играли крупную политическую роль «скифы», как их называет Анна Комнина, Борил и Герман. Анна Комнина характеризует этих «рабов-скифов» как отъявленных интриганов и злейших врагов Комнинов. В действительности, Борил и Герман были не купленными рабами, но «самыми преданными» и «самыми близкими» к императору лицами, состоявшими у него на службе и имевшими высокие звания и исключительное политическое влияние. В противоположность тенденциозным характеристикам Анны Комниной и Н. Вриения, Скилица называет Борила «мужем благородным и предприимчивым» ἀνὴρ γενναῖος καὶ δραστήριος. Что касается названия их по национальности «скифами», то в данном случае сказалась характерная для византийской писательницы неосведомленность: она без различия называла «скифами» и «сарматами» и печенегов, и узов, и куманов. Имя Борил, по определению проф. Златарского, говорит о том, что царедворцы Борил и Герман были куманами, а не печенегами и не узами. Та же Анна Комнина называет Борила и Германа «варварами славянского рода». Исследования Златарского приводят его к заключению, что названные лица по своему происхождению принадлежали к поколению варваров-метисов (μιξοβάρβαροι), т. е. к тому полуварварскому этнографическому типу, который, по свидетельству М. Аталиата, сложился на территории Северо-восточной Болгарии в результате скрещенія местного славянского, т. е. болгарского, населения с печенегами, куманами и другими варварскими народами. Таким же метисом в царствование Алексея I Комнина был и полководец Монастр (Μοναστράς, болг. Монастър), которого Анна Комнина характеризует как весьма опытного в военном деле и знатока турецкого языка. Итак, по заключению проф. Златарского, мать Борила была болгаркой, а его родиной была Мизия, т. е. Северная Болгария. Родился Борил в 30-х годах XI в. С другой стороны, на основании источников, Н. Вриения и Анны Комниной, проф. Златарский приходит к заключению, что Борил по социальному происхождению принадлежал к княжескому куманскому роду, с которым Никифор Вотаниат сблизился, вероятно, еще в 1064 г., когда в должности помощника правителя темы Паристрион вел борьбу с вторгшимися на территорию Болгарии узами и был взят ими в плен. Никифор Вотаниат освобожден из плена при содействии Борила и Германа, так как в отражении узов, по свидетельству М. Аталиата, деятельное участие, кроме печенегов, принимали также и «местные болгары», т. е. местные болгарские воеводы со своими дружинами, чем и объясняется позднейшая взаимная привязанность Никифора Вотаниата и названных Борила и Германа.

После свержения с престола Никифора Вотаниата Борил удалился от двора на родину, в Северную Болгарию, во владения своего отца, и затаив глубоко в себе ненависть к Комнинам и к ромеям вообще, вошел здесь в число местных северно-болгарских воевод, живших в своих родовых балканских замках, возвышавшихся, по характери-

стике Никиты Акомината, «на обрывистых скалах и в заоблачных высотах».

Вожди болгарского восстания 1185 г., Петр и Асень, были внуками этого Борила и выступили на историческую сцену вместе с прекращением династии Комнинов, чем и объясняется их самоуверенное и дерзкое поведение при встрече в лагере у Кипселы с византийским императором Исааком II Ангелом.

Поднятое братьями Петром и Асением восстание быстро перекинулось на окрестности и распространилось на всю область между Дунаем и главным Балканским хребтом (Стара Планина). Старший из братьев Петр «возложил себе на голову золотой венец и на ноги надел красные сапоги», провозгласив себя, таким образом, болгарским царем. Болгария отпала от Византии, и болгарский народ под предводительством Петра начал третье революционное наступление на Византию. Старая болгарская столица, представлявшая собою первоклассную крепость, без боя сдалась болгарам, и Петр занял важнейший из существовавших тогда балканских проходов, охранявшийся этою крепостью, так называемый Варегавский (соврем. Чалыкавакский) проход.

Как только весть о восстании болгар достигла до Константинополя, Исаак II Ангел выслал против повстанцев экспедиционную армию под командованием своего дяди, севастократора Ивана. Опытному полководцу удалось оттеснить болгар в горы, но, заподозренный в намерении захватить в свои руки власть, Иван был отозван из армии и на его место был назначен зять императора, кесарь Иван Кантакузин. Византийская экспедиция закончилась полной неудачей: византийская армия была наголову разбита болгарами, в руки которых попала масса пленных и весь византийский лагерь. После этого поражения Кантакузин был отставлен от должности командующего армией, и на его место был назначен знаменитый византийский полководец, прославившийся разгромом норманнов под Солунью, Алексей Вранá. Наступление византийцев открылось весной 1186 г., но не получило развития. Собрав под своим командованием огромную армию для наступления против сильного неприятеля, Алексей Вранá, уроженец города Одрина (Адрианополя), был провозглашен своими земляками византийским императором, двинулся со всей армией к Константинополю и расположился лагерем у его стен. На этом и закончилось предприятие Алексея Вранá: при одной из попыток взять приступом город он был убит зятем Исаака Ангела — рыцарем Конрадом Монферратским. После убийства Алексея Вранá его единомышленники и часть войска перешли на сторону болгар.

Пока в Византии шла ликвидация восстания Алексея Вранá, Петр и Асень успели поднять против Византии северную Фракию (область Загорье), где имя Алексея Вранá пользовалось широкой популярностью, и фракийские болгары приняли затем активное участие в восстании на стороне Петра и Асеня.

В начале лета 1186 г. против болгар выступил сам Исаак II Ангел. Перед значительно превосходившими силами неприятеля болгары отступили в горы, где ждали византийцев на хорошо укрепленных позициях. Однако Исааку Ангелу удалось обойти болгарские укрепления и ударить на болгар с тыла, в результате чего войско повстанцев рассеялось в разные стороны, а Петр и Асень со своею дружиною бежали к Дунаю и, переправившись через него, явились к куманам. Здесь они получили значительное куманское подкрепление и незамедлительно явились вновь на свои позиции в Мизию, т. е. в Северную

Болгарию, для продолжения борьбы с византийцами, поставив теперь своей задачей освобождение от византийского ига не только северной Болгарии (Мизии), но и западной (Македонии и Фракии), т. е. всего болгарского народа, и объединение его в одно государство, «как было некогда раньше».

Для того чтобы остановить успешно развивавшееся наступление болгарских повстанцев, Исаак Ангел предпринял против болгар второй поход, который, однако, не дал решительных результатов ни той ни другой стороне. Весною 1187 г. военные действия возобновились безуспешной для византийцев трехмесячной осадой крепости Ловеч в Северной Болгарии. Сняв осаду Ловеча, Исаак II Ангел со своими войсками отступил к Константинополю, заключив предварительно по собственной инициативе мирный договор с Петром и Асенем, будучи вынужден к тому угрожающими событиями, развертывавшимися в то время (1187) на восточной и западной границах империи: в Малой Азии, в Филадельфии, вспыхнуло восстание, угрожавшее охватить всю южную часть малоазийских владений империи, и в Палестине начало успешно развиваться наступление турок; на Западе началось наступление на восточные и южные районы империи сербского великого жупана Стефана Неманя, в Германии готовился Третий крестовый поход для освобождения Иерусалима, захваченного в это время турками.

Мирный договор, заключенный Исааком Ангелом с вождями болгарского восстания в конце мая или в начале июня 1187 г., предусматривал признание со стороны Византии независимости Болгарской территории, охваченной восстанием, и вождей восстания, Петра и Асеня, в качестве полноправных владетелей Болгарии. Со своей стороны Петр и Асень обязались, во-первых, приостановить военные действия и распространение восстания на остальные болгарские области, которые до тех пор не принимали участия в восстании, и, во-вторых, в подкрепление своих обязательств выдать императору в качестве заложника своего младшего брата Ивана, которому, впрочем, вскоре удалось бежать из Византии на родину. Таким образом, в 1187 г. Византия официально признала Болгарию независимой державой. С этого времени ведет свое начало Второе болгарское царство. В территорию Второго болгарского царства по договору 1187 г. входила вся северная придунайская Болгария, начиная на западе от главного Балканского хребта и по хребту на восток до Черного моря, Добруджа и область Загорие в северной Фракии. От имени этой области Болгария Петра и Асеня получила имя «Загора» (*Zagora*) в отличие от имени «Болгария», которым в эпоху византийского владычества назывались западные и юго-западные районы Первого болгарского царства, оставшиеся пока под властью Византии.

Первым актом владетелей независимой Болгарии, Петра и Асеня, было восстановление независимой болгарской церкви, во главе которой был поставлен тырновский епископ, рукоположенный в сан архиепископа видинским митрополитом, старый сотрудник Петра и Асеня по революционной работе, священник Василий. В 1203 г. этот болгарский архиепископ был назначен римским папою примасом всей Болгарии. Вслед за созданием независимой, автокефальной болгарской церкви, не признанной, конечно, ни византийским патриархом, ни охридским архиепископом, который в эпоху византийского владычества в Болгарии возглавлял всю болгарскую церковь, поставленную в зависимость от византийского патриарха, последовал второй акт — коронование на царство одного из вождей восстания. Как мы

знаем, в самом начале восстания болгарским царем был провозглашен старший из братьев Петр. Однако, признавая младшего брата, Асеня, более подходящим для царского престола во всех отношениях — и по способностям, и по возрасту, и по военным талантам, и по характеру, — Петр отказался от верховной власти в пользу Асеня, который осенью 1187 г. и был коронован на царство болгарским архиепископом Василием. За Петром же и после этого остался титул «царь», которым он был облечен восставшим народом в начале революции. После венчания на царство Асеня оба брата продолжали совместно, в тесном сотрудничестве друг с другом, управлять государством и совместно же, с 1190 по 1195 гг., продолжали вести борьбу с Византией. Кроме того, Асень уступил в удельное владение старшего брата Великий Преслав и Проватон (совр. Провадия) с прилегающими к ним окрестностями. Столицею Болгарии Петра и Асеня был объявлен Великий Преслав. В историю Болгарии первый верховный владетель Второго болгарского царства царь Асень (1187—1195) вошел под именем А с е н ь I С т а р ы й.

Глава VI

ВТОРОЕ БОЛГАРСКОЕ ЦАРСТВО И ЗАВОЕВАНИЕ БОЛГАРИИ ТУРКАМИ

(1187—1396)

§ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВТОРОГО БОЛГАРСКОГО ЦАРСТВА

За время Второго болгарского царства, просуществовавшего всего только 208 лет (1187—1396), немногие страницы истории болгарского народа были сплошь заполнены правительственной анархией, междоусобною борьбою феодальных магнатов из-за царской власти, дворцовыми интригами и убийствами, непрерывными войнами с Византией болгарских царей и претендентов на болгарский престол, нашествиями монгольских орд с севера, крестоносцев — с запада и, наконец, османских турок — с юга.

Государство феодалов влачило жалкое существование, неспособное ни обеспечить народу внутренний мир, внешнюю безопасность, ни, тем более, содействовать успехам развития народного хозяйства. Оставленное на произвол насильников и грабителей — феодалов, разоренное и обнищавшее пастушье болгаро-валашское население страны скиталось со своими стадами в горах или пополняло собою печенежские и половецкие банды, бродившие в поисках наживы и куска хлеба по опустевшей стране.

Внешнее положение Болгарии было не менее тяжелым. На западе росла мощь Сербского государства Неманичей, оспаривавшего у болгар Белград, Браничево, Поморавье и Ниш, которые болгарскими рассматривались как их исконное историческое достояние. С севера начинали теснить Болгарию мадьяры, поддерживаемые римским папою. В то же время территория Болгарии сделалась проходным двором для полчищ крестоносцев, отбиравших у местного населения последние его пожитки. Наконец, с юга беспрестанно тревожила Болгарию Византия, которая не могла примириться со своим поражением и видеть возрождение своего старого ненавистного врага — болгар.

Начало правления Асеня I совпало с Третьим крестовым походом, организованным папою в связи с завоеванием в 1187 г. Иерусалимского королевства властителем Египта Саладином. В этом крестовом походе принимали участие три державы: Франция, во главе с королем Филиппом II Августом, Англия, во главе с Ричардом I «Львиное

сердце», и Германия, во главе с Фридрихом I Барбароссой. Французские и английские крестоносные войска отправились на Восток через Сицилию, а германские войска, во главе с Фридрихом Барбароссою, направились к своей цели через Венгрию и Балканский полуостров. Византийское правительство Исаака Ангела недружелюбно встретило этот поход, во главе которого стоял непримиримый союзник враждебно настроенных к Византии сицилийских норманнов. Формально между Фридрихом I и Исааком Ангелом перед выступлением в поход германского отряда в Нюрнберге был заключен договор, в силу которого Византия обязывалась оказывать крестоносцам дружественное содействие при прохождении через византийские владения. Одновременно Исаак Ангел вступил в сношения с Саладином и заключил с ним соглашение, в силу которого обязался задерживать продвижение вперед армии Фридриха. И действительно, с момента вступления на Византийскую территорию крестоносцев византийские отряды не только не оказывали им никакого содействия, но постоянно тревожили их своими нападениями, в результате чего крестоносцы стали беспощадно грабить все города и села, попадавшие им на пути.

Отношения между Фридрихом I Барбароссой и Исааком Ангелом приняли еще более обостренный характер, когда Фридрих вступил в соглашение с болгарами и сербами и радушно был встречен сербским великим жупаном Стефаном Неманем в г. Нише.

В силу этого соглашения, имевшего в виду взятие Константинополя, болгары обязались выставить в помощь 80-тысячной армии Барбароссы 40 тысяч болгар и куманов, а сербы — 20 тысяч. С моря против Константинополя должен был действовать итальянский флот. В виду угрожавшей столице серьезной опасности, Исаак Ангел заключил с Барбароссой в Адрианополе мир, на основании которого обязался переправить крестоносцев в Азию, снабжать их провиантом и дать Фридриху Барбароссе заложников. Весною 1190 г. крестоносцы были переправлены на судах в Малую Азию, где по пути к границам Армении Фридрих I Барбаросса утонул в реке. Армия же его разбежалась во все стороны.

Развязав себе руки после переправы крестоносцев в Азию, Исаак Ангел открыл против Болгарии военные действия, но в первом же столкновении с болгарами при Веррое (Стара Загора) осенью 1190 г. потерпел катастрофическое поражение и сам едва спасся бегством. Однако Исаак Ангел не складывал оружия и еще несколько раз пытался ликвидировать Болгарию, как независимое государство, и подчинить ее своей власти, пока, наконец, во время похода 1195 г. в лагере в Кипсела не был свергнут с престола и ослеплен своим братом Алексеем III, которого войска провозгласили императором.

Византия в это время переживала крайне напряженное внутреннее положение. Государством управляла более энергичная, чем изнеженный Сарданапал, — как характеризуется обыкновенно Алексей III, — его жена Евфросиния со своими клевретами. Армия была рассеяна, и порядок в городе поддерживался только отрядом варягов. В этой обстановке Алексей III не склонен был продолжать войну с болгарами и предложил Асеню I мир. Но болгары на этот раз отвергли мирные предложения Алексея III и продолжали победоносное наступление на Византию.

Не будучи в силах нанести решительный удар болгарам в открытом бою и сломить, таким образом, их сопротивление, византийское правительство прибегло по отношению к Болгарии к своей излюбленной тактике, нередко дававшей Византии положительные результаты

и выручавшей ее в критические минуты, т. е. к интриге и убийствам из-за угла.

В числе приближенных бояр при Асене I был некто Иванко, отличавшийся гигантским ростом и такую же распущенностью. Он возглавлял собою оппозиционную группу бояр, недовольных правлением Асеня, и вступил в тайные переговоры с зятем Алексея III, севастократором Исааком Комнином, — находившимся в болгарской столице Тырнове в качестве военнопленного, — и в связь с сестрою императрицы. Повидимому, замыслы боярской оппозиции стали известны Асеню, и он вызвал к себе однажды ночью боярина Иванка. Во время этого свидания Иванко неожиданно выхватил спрятанный под платьем меч и убил безоружного Асеня (1195 г.) Столица была занята приверженцами Иванка, поджидавшими прибытия византийских войск. Однако византийские войска дошли только до горных проходов через главный хребет и в страхе перед болгарами вернулись обратно. Между тем к утру подоспел из Преслава Петр со своею армией и сбложил город. Иванку тайком удалось бежать из города.

Через год после убийства Асеня та же участь, в 1196 году, постигла и вступившего на престол после смерти Асеня I Петра. Преемником убитых Асеня и Петра на болгарском престоле был их младший брат **И в а н К а л о я н** (1196—1207).

Непримиримо настроенный против Византии, энергичный и решительный, поддерживаемый богомилами и наладивший дружественные отношения с жупанами, Иван Калоян ежегодно предпринимал опустошительные вторжения в византийские владения во Фракии и Македонии. Он заключил унию с римским папою, благодаря чему не только сумел получить от Рима королевскую корону и торжественно короноваться в Тырнове в 1204 г., но и парализовать при содействии римского папы нажим на Болгарию со стороны мадьяр. В это время, однако, Болгарии пришлось столкнуться с новым врагом — Латинской империей, возникшей на развалинах Византии в результате Четвертого крестового похода и оспаривавшей у болгар права на владения в Македонии и во Фракии. В знаменитой битве с крестоносцами под Адрианополем (1205) Калоян нанес им решительное поражение и взял в плен самого императора, бывшего фландрского графа Балдуина. В результате этого военного успеха вся Фракия и Македония попали в руки Калояна. Правитель Македонии Бонифаций Монферратский пал в битве с болгарами, а Балдуин был убит в Тырнове. Однако при осаде г. Солуня был предательски убит и сам Калоян.

Несколько окрепшая в военном и политическом отношении страна со смертью Калояна вновь переживает тяжелый внешний кризис. Одной из придворных боярских партий удается посадить на престол племянника Калояна, **Б о р и с а III**, или **Б о р и л а** (1207—1218); законные же наследники на болгарский престол, сыновья Асеня I, Асень и Александр, скрываются за Дунай и находят себе приют у куманов. Попытка Борила продолжать борьбу с латинянами заканчивается поражением болгар под Пловдивом. Принужденный заключить мир с латинянами, Борил вызывает резкий протест в феодальных кругах. От центрального правительства отпадают деспот **С л а в а** со столицей в г. Мельнике в Родопах, **Д о б р о м и р Х р и з** — в Македонии (Проссек и Струмица), деспот **М и х а и л** — в Эпире. Ища, с другой стороны, благоволения римского папы Иннокентия III, Борил начинает решительную борьбу с богомильством (церковный собор в Тырнове в 1211 г.), чем вызывает протест против себя в широких

народных массах. Общее недовольство политикой Борила создает благоприятную почву для государственного переворота, во главе которого становятся эмигранты Асень и Александр. В 1218 г. они являются в Болгарию с русской дружиной и берут осадою столицу Тырново. Борил пытался спастись бегством, но был пойман и ослеплен.

Наивысшего политического и культурного расцвета Второе болгарское царство достигает при преемнике Борила, Иване Асене II (1218—1241).

Тяжелое положение Латинской империи в связи с военными успехами греков заставило ее искать союза с болгарским царем. В этих видах дочь Ивана Асеня была выдана замуж за молодого императора Балдуина II, и болгарский царь, надеясь на регентство, склонен был считать себя законным претендентом на византийский престол. Это вызвало решительный протест со стороны эпиротского деспота, коронованного охридским архиепископом на императорский византийский престол, — Феодора. Однако попытка Феодора решить спор с Асенем оружием закончилась катастрофой: в сражении при Клокотнице (Семидже) греки были разбиты наголову, а император со всеми боярами и генералами попал к болгарам в плен. Болгарский царь стал владельцем огромной территории от Адрианополя на юге и вплоть до Адриатического побережья, включая Солунь, Македонию, Албанию, Эпир, а также придунайские и восточные области Сербии — на западе.

Свои блестящие военные успехи болгарский царь запечатлел на мраморной колонне в храме Сорока мучеников в Тырнове, где мы читаем следующее: «В лето 6748 (1230) я, Иван Асен, в Христа бога верный царь и самодержец болгарский, сын старого Асеня царя... завоевал все земли от Одрина до Дураццо, землю греческую, а затем албанскую и сербскую; латиняне удержали за собою только города около Царяграда, но и латиняне покорились под десницу моего царства...»

Об экономических успехах Болгарии за то же время говорит специальная покровительственная грамота царя Ивана Асеня II, данная им дубровницким купцам.

Политические успехи Болгарии и подготовка Иваном Асенем II в порядке секретных дипломатических переговоров с греками и никейским императором захвата Константинополя заставили Запад принять против него некоторые меры предосторожности. Папа Григорий IX отлучил Асеня II от церкви за его покровительство еретикам богомилам и стал готовить против Болгарии крестовый поход и натравливать на нее мадьяр. Однако путем искусных дипломатических ходов болгарскому царю удалось наладить добрососедские отношения с Латинской империей и избежать внешних политических осложнений.

Со смертью Ивана Асеня II (1241) феодально-помещичья Болгария вновь становится жертвою борьбы дворцовых партий и неуклонно идет к упадку и гибели.

В то время как с севера в Болгарию вторгаются отряды татарской орды, опустошившей перед этим Россию, Польшу и Венгрию; в то время как с юга она становится жертвою завоевательной политики Никейской империи, оспаривавшей власть в Византии у крестоносцев, а западные провинции Болгарии, Албанию и Македонию захватил в свои руки эпиротский деспот, — в правительственных кругах идет борьба боярских партий из-за власти. Жертвами этой борьбы становятся ближайшие преемники Ивана Асеня II, Калиман I (1241—

1246), Михаил Асень (1246—1257) и Калиман II (1257—1258). Боярский двор, воспользовавшись этим, возводит на престол своего ставленника, владельца богатейших вотчин в Софийской области и родственника сербской королевской фамилии, Константина Тиха (1258—1277), женившегося на внучке Асеня II и вступившего на престол под именем Константина Асеня.

В 1260 г. пала Латинская империя, и Константинополь был взят греками (Михаил VIII Палеолог). Попытка болгарского правительства военным нажимом на возродившуюся Византийскую империю обеспечить прочность болгарской государственности окончилась неудачей, и Болгария потеряла свои фракийские и македонские провинции. В возмездие византийцам за неудачу болгарское правительство вызвало татар и сельджукских турок и с их помощью подвергло всю Фракию уничтожающему погрому.

Политика Византии по отношению к Болгарии продолжала оставаться тою же. Когда Константин Асень заболел и правительницею государства сделалась его жена, Мария, Византия выдвинула в качестве претендента на болгарский престол одного из скрывавшихся в Константинополе потомков Асеня II, Ивана Асеня. Вокруг болгарского престола вновь разгорелась борьба боярских партий. В то же время с севера Болгарию беспрестанно разоряли татары, с запада ее теснили сербы, а с юга — греки.

В этой сложной политической обстановке на сцену болгарской истории в качестве решающего фактора впервые выступает народ в лице пастуха Ивайло. Вокруг него собирается большая крестьянская армия, и он, прежде всего, очищает страну от внешних насильников, татар и греков, а затем занимает болгарскую столицу Тырново, где заперлась правительница Мария. Не будучи в состоянии оказать сопротивление крестьянскому войску, она сдалась Ивайле, вышла за него замуж и короновала его на царство (1277—1281).

Чтобы дать отпор крестьянскому восстанию, болгарское боярство объединилось вокруг византийского ставленника Ивана Асеня и возвело его на престол под именем Ивана Асеня III (1279—1280), пустив в народе слух, что Ивайло убит. Ивайло же в это время был занят на севере отражением татарских полчищ, разорывших страну. Узнав о происшедшем в Тырнове перевороте, Ивайло подошел к Тырнову, где был встречен византийскими войсками, и дважды нанес им поражение. Новообъявленный болгарский царь Иван Асень III бежал в Византию, а бояре возвели на болгарский престол Георгия Тертера (1281—1292 (?)). К этому времени военная мощь Ивайла ослабела, он не мог продолжать борьбы с объединенным боярством и отправился за помощью к татарскому хану Ногаю, где встретил хороший прием и обещание поддержки, но был предательски убит.

Со смертью Ивайла крестьянское восстание против феодалов было задушено, но имя Ивайла еще долгое время после его смерти продолжало жить в народной памяти как имя народного вождя и борца с боярским игом.

По внутреннему устройству Болгария в то время представляла собою типичное феодальное государство, раздробленное на множество крупных и мелких вассальных владений, почти независимых от центральной власти и нередко ей враждебных. Южная Болгария (провинция Кран, поблизости от Казанлыка) находилась во власти брата Тертера, жупана Эльtimiра; Среднегорская область — во власти бояр братьев Радослава и Войсила; в Ихтимане сидел их же брат, князь Смил; в Видине — Шишман; в области Браничево —

братья Дорман и Куделин из половцев. Эти феодалы имели собственные войска, вели друг с другом открытую и тайную войну и действовали каждый сообразно личным выгодам, обращаясь за помощью против своих соперников в борьбе за престол к ногайским татарам, которые в это время были фактическими хозяевами в стране и подвергали ее беспощадному разорению.

Не будучи в состоянии силою оружия бороться с татарами, Тертер решил парализовать их вторжения родственным союзом, выдав свою дочь за сына Ногая Чаку. Последний скоро воспользовался этим и занял на короткое время с помощью образовавшейся в боярской среде в Тырнове партии своих сторонников болгарский престол. С помощью Ногая болгарский престол перед этим некоторое время занимал и ихтиманский феодал Смил (1292—1295). Конец татарскому влиянию и владычеству в Болгарии был положен восстанием сына Георгия Тертера, Феодора Святослава. В результате этого восстания царь Чака со всеми своими приверженцами и сторонниками были уничтожены, и болгарский престол был занят Феодором Святославом (1295—1321).

Византия не унималась. Она продолжала свои нападения извне и интриги внутри Болгарии, вынуждая Святослава отдавать все силы и средства на борьбу с ее агрессивной политикой. Борьба эта закончилась успешными для болгар военными операциями во Фракии, после чего Византия, теснимая в Азии турками, принуждена была заключить в 1308 г. с болгарами мир, давший Болгарии ряд территориальных приобретений во Фракии и обеспечивший ей несколько лет спокойной жизни.

Последние годы Второго болгарского царства, протекавшие под управлением боярских ставленников из династии видинского деспота Шишмана [Михаил III Шишман (1324—1330), Иван Александр (1331—1370) и его сыновья: Иван Срацимир и Иван Шишман (1371—1393)], были заполнены борьбой с сербами (Стефан Урош III и Стефан Душан), активным участием Болгарии в династических переворотах в Византии, внутренней борьбой с разбойничьими бандами феодалов (воевода Момчил или Момчило), грабивших по большим дорогам и своею анархией тормозивших налаживание хозяйственной жизни страны, — наконец, упорною борьбою с османскими турками и отчаянными попытками оказать сопротивление их всепобеждающей силе.

§ 2. УМСТВЕННЫЕ ТЕЧЕНИЯ И ЛИТЕРАТУРА В БОЛГАРИИ НАКАНУНЕ ЗАВОЕВАНИЯ ЕЕ ТУРКАМИ

(1187—1363)

Катастрофическое материальное и моральное положение, в котором оказалась Болгария во второй половине XIV в., как в области внутренней социально-политической жизни, так и в области внешних международных отношений, привело болгарскую общественность к подъему мистики и широкому развитию сектантства. Положение Болгарии в то время напоминало собою, в известном отношении, то положение, которое несколько веков назад переживали все покоренные римлянами страны в период «всеобщего экономического, политического, умственного и морального разложения», когда угнетенным политически и эксплуатируемым экономически народам загнивавшего мирового колосса — Римской империи «настоящее» пред-

ставлялось «невыносимым», а «будущее, пожалуй, еще более грозным»; когда общественная мысль не видела «никакого выхода» и «всеобщему бесправию и утрате надежды на возможность лучших порядков соответствовала всеобщая апатия и деморализация». ¹ Характеризуя время первого выступления христианства, Энгельс пишет: «Но во всех классах должно было быть известное количество лиц, которые, отчаявшись в материальном освобождении, искали взамен его освобождения духовного, утешения в сознании, которое спасало бы их от полного отчаяния. Этого утешения не могла дать ни стоическая философия, ни школа Эпикура, во-первых, потому, что это были философские системы, рассчитанные, следовательно, не на рядовое сознание, а во-вторых, потому, что образ жизни их приверженцев вызывал недоверие к учению этих школ. Для того чтобы дать утешение, нужно было заменить не утраченную философию, а утраченную религию. ² Утешение должно было выступить именно в религиозной форме, как и все то, что должно было захватывать массы, — так это было в ту эпоху и так продолжалось вплоть до XVII в. Едва ли надо отмечать, — говорит Энгельс, — что среди этих людей, страстно стремившихся к этому идеальному утешению, к этому бегству от внешнего мира в мир внутренний (разрядка наша. — Н. Д.), большинство должны были представлять — рабы». ³

Выражением этих настроений в Болгарии в XIV в. явилось, прежде всего, широко распространенное в это же время в Византии мистико-аскетическое учение, известное под именем исихазм (от греч. ἡσυχία — мир, спокойствие, тишина), получившее в Византии, а затем и в Болгарии признание официального православного вероучения.

Хотя элементы исихазма в восточно-христианском культе выступают очень рано, тем не менее свое оформление, как мистико-аскетическое учение, исихазм получает в XIV в.

Основоположником и теоретиком исихазма, как учения, был византийский ученый и писатель, монах Григорий Синаит. Он родился в 60-х годах XIII в. в богатой и знатной семье в местечке Кукул, близ Клазомен (теперь с. Келисмен) в Малой Азии. В молодые годы Григорий вместе с родителями был взят в плен турками и, выкупленный из плена лаодикийскими христианами, ⁴ посвятил себя подвижнической монастырской жизни сначала на острове Кипр, затем на горе Синай, где принял схимничество, ⁵ откуда и ведет свое начало его имя — Синаит. После Синая Григорий побывал в Иерусалиме, на острове Крите, на Афоне, в Солуни, на острове Хиосе, в Константинополе и, наконец, обосновался, как монах-отшельник, на Балканском полуострове в местности Парория или Парраория, лежащей на юг от болгарского города Ямбола в горах так называемой Сакар-планины. Умер Григорий Синаит в Болгарии в 1346 году.

Еще со времени пребывания на Афоне, где Григорий Синаит

¹ Фр. Энгельс. Бруно Бауэр и раннее христианство. Маркс и Энгельс, Соч., т. XV, М., 1935, стр. 606, 608.

² Энгельс имеет в виду в данном случае «особые религии» древности, которые «Римская империя обрекала на гибель вместе с политическими и социальными особенностями народов» (там же, стр. 607).

³ Там же, стр. 608.

⁴ Лаодикия — город в древней Фригии; сейчас на месте его стоят развалины, известные под именем Ески-Хиссар, т. е. «старая крепость».

⁵ Схимничество или схима — самый строгий чин монашеского аскетического служения.

основал свой исихастий, т. е. отшельнический скит в духе основных лозунгов своего учения, куда стекались к нему ученики со всего христианского Востока, он пользовался в образованных кругах своего времени известностью, как выдающийся теоретик исихазма. Поэтому, когда он обосновался в Парории, где при содействии болгарского царя Ивана Александра (1331—1370) организовал монастырь, к нему в Парорию стали собираться ученики и единомышленники не только из Константинополя и Малой Азии, но также и из славянских земель полуострова. В числе ближайших учеников Григория Синаита в Парории был и болгарин Феодосий Тырновский, усвоивший непосредственно от него исихастское учение и перенесший затем это учение в Болгарию, где оно быстро приобрело широкую популярность в верхах феодальной общественности и наложило свою печать на всю культурную жизнь Болгарии накануне завоевания ее турками.

В статье, посвященной Фейербаху, Фр. Энгельс говорит, между прочим, следующее: «В каждую эпоху мысли господствующего класса суть господствующие мысли, т. е. тот класс, который представляет собою господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила. Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, в силу этого располагает и средствами духовного производства, так что ему, благодаря этому, в то же время в общем подчинены мысли тех, у кого нет средств для духовного производства. Господствующие мысли суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений, иными словами: выраженные в виде мыслей господствующие материальные отношения; следовательно, это — идеальное выражение тех отношений, которые и делают один класс господствующим, т. е. мысли его господства. Индивиды, составляющие господствующий класс, обладают, между прочим, также и сознанием и, в силу этого мыслят; в той мере, в какой они господствуют именно как класс и определяют данную историческую эпоху на всем ее протяжении, они, само собою разумеется, делают это во всех ее областях, значит господствуют также и как мыслящие, как производители мыслей, регулируют производство и распределение мыслей своего времени; а это значит, что их мысли суть господствующие мысли эпохи».¹

Мы привели эти прекрасные слова Энгельса, с изумительной четкостью и ясностью формулирующие мысль о классовой сущности господствующих на разных этапах исторического развития классового общества идеологий, чтобы объяснить, каким образом мистико-аскетическое учение Григория Синаита, возникшее в недрах господствующих классов византийского общества в XIV в., представлявших собою господствующую материальную силу общества, легко и быстро проложило себе путь в правящие классы болгарского феодального общества того же века, представлявшего собою в экономическом, социально-политическом и культурном отношениях подлинный сколок с разлагавшегося и умиравшего византийского феодального общества. Исихазм в Болгарии накануне турецкого завоевания владел умами господствующих классов, представлявших собою «господствующую материальную силу общества», а потому и явился комплексом господствующих мыслей эпохи.

¹ К. Маркс и Фр. Энгельс. Немецкая идеология. Партиздат ЦК ВКП(б), 1935, стр. 36 и сл.

Основная сущность мистико-аскетического учения Григория Синаита, так называемого *исихазма*, сводилась, вкратце, к следующему.

Счастливая и радостная жизнь первоначального человека обуславливалась единением бога с человеком. Непослушание первого человека божественной воле привело к нарушению первоначального единения бога с человеком. Для восстановления этого первобытного состояния человеку необходимо удалить все чувственные и умственные помыслы, подчинив себя богу и восприняв действие благодати св. духа. К этому можно подготовить себя упражнением в *πρᾶξις* (дело), откуда следует переход к *θεωρία* (теория), а с *θεωρία* связана «умная молитва» — действие благодати св. духа... Грехопадение превратило людей из божественных, осеняемых действием и благодатью бесконечного света, в звероподобных, из умных — в скотоподобных. Вначале у человека была простая память, направленная к добру. Непослушание испортило все силы памяти человека, омрачило ее влечение к добродетели, сделало ее сложной из простой, разнообразной из единовидной. И эта-то развратившаяся память является причиной помыслов. Непослушание привело человека к звероподобному гневу и неумному желанию; душа подчинилась тогда страстям, а тело уподобилось животным. Таким образом, явились в словесной части души помыслы, в страстной — звероподобные страсти, в желательной — скотоподобные стремления, в разумной — фантастические образы, в мыслительной — идеи обо всем этом. Тогда же ум, отделившись от бога, стал везде блуждать, подобно пленнику.

Главным условием для восстановления первоначального единения с божеством, по учению Григория Синаита, является *πρᾶξις*, как подготовка к *θεωρία*, и наконец *θεωρία*, в которой заключается высшее совершенство и которая доставляет человеку желанное единение. Учение о *θεωρία* образует центральный пункт во всей системе Григория.¹

Πρᾶξις, т. е. дело, деятельность, являющаяся, по учению Григория Синаита, необходимою, подготовительною стадией к *θεωρία*, т. е. к «созерцанию» или к «познанию», заключается в обычном монашеском подвижничестве, в частности — в воздержании от удовольствий, в посте, в бодрствовании, в поклонах, в голоде, в нестяжании, в постоянной молитве в неподдельном смирении, сокрушении и непрестанном воздыхании, в разумном молчании и в терпении.² Отсюда — молчание, воздержание, бодрствование, смирение и терпение, по учению Григория, составляют пять основных добродетелей, которыми должен обладать исихаст. Кроме того, исихаст должен упражняться в трех боголюбезных занятиях: в пении псалмов, в молитве, в чтении благочестивых книг, а при умственной немощи — в труде.

Однако дела — *πρᾶξις*, по учению Григория Синаита, не только недостаточны для совершенства, но для совершенного излишни и даже вредны. «Много петь псалмов подобает упражняющемуся в практических добродетелях, — говорит Григорий, но не исихастам, для которых достаточно молиться в сердце единому богу и воздерживаться от помыслов. Ибо, истощив всю свою силу во многом

¹ К. Радченко. Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. Киев, 1898, стр. 62.

² Там же, стр. 63.

псалмопении, ум не будет довольно бодрым для напряженной и постоянной молитвы». . . «Совершенные не нуждаются в произнесении псалмов, — говорит Григорий, — но в безмолвии, неусыпной молитве и созерцании, если достигли просвещения. Ведь они соединены с богом и не должны отвлекать мысль от него и производить в ней беспорядок». Таким образом, — замечает исследователь, — внешним религиозным действиям Григорий придает чисто подчиненное значение. Сосредоточение в себе, сердечная молитва, полный разрыв с внешним миром — вот чего требует Григорий от своих учеников, видя в этом, и только в этом, высочайшую цель человеческого существования — возможность полного единения с божеством. . . Занимаясь исключительно своим внутренним миром, освобождая душу не только от всего порочного, но и от всего отвлекающего от бога и связывающего с внешним миром, человек, по представлению Григория, подготавливает себя к восприятию действия благодати. . . Необходимым условием θεωρία Григорий признает, прежде всего, совершенное уединение, даже от общества монахов. . .¹

Дальнейшее развитие учение Григория Синаита получило в трудах Григория Паламы (Παλαμᾶς), принадлежавшего, по рождению, как и Григорий Синаит, к высшему кругу византийского общества. Отец его был министром при дворе Андроника Старшего Палеолога (1282—1328). Вместе со своими двумя братьями Григорий воспитывался при царском дворе. Главными его учителями были Григорий Дрими, профессор словесности и светских наук, и «один из великих аскетов XIV в., подвизавшихся на св. горе», митрополит Филадельфийский Феолит, известный тремя сочинениями аскетического характера; он был учителем Григория в области догматического и нравственного богословия. Оба названные наставника Григория еще в юности научили его «умному деланию». По свидетельству современников, Григорий был глубоким знатоком богословия, философии и естественных наук, — словом, «был одним из ученейших мужей своего времени». Двадцати лет от роду Григорий Палама с братьями оставил царский дворец и удалился на Афон, где вступил в число монахов Ватопедской лавры. Здесь, под руководством старца Никифора, Григорий научился «умному трезвению и умной молитве» и вскоре получил широкую известность своею мудростью и подвижническою жизнью аскета и безмолвника.² Впоследствии Григорий Палама был солунским архиепископом и одним из столпов самого крайнего мистико-аскетического направления в византийском православии.

В своем учении Григорий Палама идет гораздо дальше Григория Синаита. От желающего упражняться в исихии и созерцании Григорий Палама требует самого строгого уединения. Он считает, что для тех, кто избрал подлинно иноческую жизнь, неудобно частое общение даже с другими иноками, так как постоянное общение с ними расстраивает общение с богом. «Единое ума, свойственное истинному внутреннему монаху, становится двойственным или многообразным. Здесь есть и память о приближении и ожидание прихода и соединенного с последним свидания — все это нарушает совершенное спокойствие мышления». . . «Вредно и писание, так как

¹ К. Радченко. Назв. соч. 63—67; более подробный обзор учения Григория Синаита см. в исследовании П. А. Сырку — К истории исправления книг в Болгарии в XIV в., т. I, вып. I. Время и жизнь патриарха Евфимия Тырновского. СПб., 1899, стр. 168—235.

² П. А. Сырку. Назв. соч., стр. 78—102.

пишущий отягощает заботой ум. Конечно, любовь божия производит свое действие на усовершенствовавшихся в ней и при писании, но не непосредственно и неясно. Кроме того, писанием общаешься с другими, хотя они и отсутствуют, и очень часто с такими, с которыми не желал бы общаться, так как писание переживает писавшего его. Поэтому многие из прославившихся исихией отцов ничего не писали».¹

Противником учения исихастов выступил ученый монах ордена Василия, Варлаам, прибывший в Византию из Калабрии. Это был философски образованный человек, талантливый оратор и живой общественный деятель. В Византии он хорошо овладел греческим языком, приобрел широкие познания в области древнегреческой литературы и принял византийское православие. В кругах византийской интеллигенции он пользовался большим уважением и широкою известностью как прекрасный знаток и талантливый преподаватель философии. Пользовался он вниманием и расположением и императора Андроника Младшего (1328—1341) и его великого domestика Ивана Кантакузина. В 1338 г., по секретному поручению Андроника, Варлаам отправляется к папе и к королям сицилийскому и французскому для переговоров об унии католического Запада с Византией в целях организации общими силами крестового похода против наступавших на Византию османских турок, и с достоинством выполняет данное ему поручение, как честный гражданин своей второй родины. Сохранившиеся документы, относящиеся к этой миссии, характеризуют Варлаама как умного и талантливого дипломата. Во время пребывания в Италии «Варлааму удалось завязать такие знакомства в литературном мире, — говорит Ф. Ив. Успенский, — которые уже сами по себе оправдывают тот почет, каким он пользовался в Константинополе в придворном кругу. Историк эпохи Возрождения не может обойти молчанием имя Варлаама уже потому, что он оставил в Италии довольно заметные следы, что к нему с уважением и благодарностью относились выдающиеся деятели той эпохи: Петрарка, Боккачио, Перуджино и Леонтий Пилат».² Варлаам был учителем Петрарки по греческому языку и дал ему широкую ориентировку в области античной греческой литературы и мифологии. Учеником Варлаама был также и итальянский «возрожденец», библиотекарь неаполитанского короля Перуджино, а ученик Варлаама Леонтий Пилат первый, по внушению Петрарки, дал латинский перевод Гомера, благодаря чему итальянцы впервые познакомились с этим автором. В итальянском обществе не изучался греческий язык, так что его не знали даже Петрарка и Боккачио, о чем крайне сожалели, так как незнание греческого языка лишало их возможности читать греческих авторов. Петрарка изучал греческий язык под руководством Варлаама, а Боккачио — под руководством названного выше ученика Варлаама, грека Леонтия Пилата. «В письмах Петрарки, равно в сочинениях Боккачио, — отмечает Ф. Ив. Успенский, — находим любопытный материал для освещения просветительной роли монаха Варлаама в Италии и выяснения разнообразных научных влияний, которые шли от него».³ В своих письмах Петрарка неоднократно дает самые лестные и трогательные отзывы о своем учителе

¹ К. Радченко. Назв. соч., стр. 115.

² Ф. Ив. Успенский. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1892, стр. 298.

³ Там же, стр. 300 и сл.

Варлааме, о его широких познаниях и его благотворном влиянии, что совершенно ясно говорит о том, какую значительную культурную силу представлял собою Варлаам.

Боккачио называет Варлаама человеком громадных знаний, который отличался выдающейся ученостью: «Императоры, князья и греческие ученые, — замечает Боккачио, — говорят о нем в своих грамотах, что ни в нынешнее время, ни даже в течение многих столетий не было у греков человека, одаренного такой обширной и блестящей ученостью». . . «Как же мне не положиться, — заключает Боккачио, — на его авторитет, в особенности по вопросам эллинской науки. Я не имел случая ознакомиться с его сочинениями, хотя слышал, что ему принадлежит несколько трудов». ¹ «Что Перуджино много позаимствовал при составлении своих *Collectiones* от Варлаама, — говорит Успенский, — об этом прямо говорит Боккачио. . . Но, в свою очередь, и сам Боккачио при посредстве Перуджино воспользовался многими сведениями, идущими от Варлаама. Стоит со вниманием отнестись к *Genealogia deorum*, чтобы убедиться, как обширно было влияние Варлаама на автора этого сочинения, в котором весьма нередки, впрочем, и прямые ссылки на греческого ученого. Едва ли мы преувеличим действительное положение дела, сказав, что от Варлаама, главнейше, идут сведения Боккачио по греческой мифологии». ²

Не был одинок Варлаам и у себя в Византии. У него был большой круг единомышленников, учеников и друзей среди образованных кругов византийской общественности, которым могли быть доступны интересы науки и философии, причем число сторонников Варлаама и его учения было настолько значительно и вместе с тем политически влиятельно в византийской жизни XIV в., что, характеризуя умственные настроения и культурную жизнь Византии в XIV в., обыкновенно говорят о трех партиях: о партии Григория Паламы (паламиты), о партии Варлаама (варлаамиты) и о промежуточной между ними партии патриарха Иоанна Калеки, стремившегося в обостренной полемике паламитов с варлаамитами, продолжавшейся несколько десятилетий и расколовшей византийскую общественность на два враждебных лагеря, найти, в целях примирения враждующих партий, компромиссный выход. Если в этой борьбе одерживали верх паламиты, они отлучали от церкви варлаамитов и предавали их анафеме; если побеждали варлаамиты, то они проделывали то же самое со своими противниками паламитами. Окончательную победу в этой напряженной борьбе партий одержали паламиты. Произошло это потому, что захвативший в порядке государственного переворота византийский престол Иоанн Кантакузин нашел себе поддержку в паламитах. Одержав победу над варлаамитами, паламиты отлучили от церкви и предали анафеме Варлаама и его ближайшего ученика Акиндина, как уличенных в еретическом учении, а патриарха Иоанна Калеку лишили патриаршего престола.

По характеристике Ф. Ив. Успенского, разгоревшаяся в Византии в XIV в. полемика паламитов с варлаамитами, поднявшая на ноги всю культурную византийскую общественность, была, по существу, борьбою двух философских школ, столкнувшихся на почве догматического богословия.

¹ Ф. Ив. Успенский. Назв. соч., стр. 306.

² Там же, стр. 306 и сл.

«Как философ, — говорит Ф. Ив. Успенский, — Варлаам настойчиво проводил мысль, что логика есть одно из лучших средств к постижению истины, в силлогизмах он видел главнейшую силу доказательности при исследовании причин всего сущего. Знание он считал выше всего и преклонялся перед исследованием и изучением, видя в нем единственный и надежнейший путь к постижению истины. Стремление же к истине было для него не отвлеченным началом, а живым и деятельным стимулом, ибо стремление к истине есть стремление к божеству, так как бог есть истина. В то время как противники его выставляли на вид, что соединение с божеством невозможно без сверхъестественного озарения, Варлаам настаивал на возможности постигнуть истину, т. е. божество, посредством науки, посредством изучения древних философов...¹ По воззрению Варлаама, который является представителем довольно ясно выраженного рационализма, ум человеческий может постигать природу вещей, потому что представления ума тождественны с реальными вещами. Самым безошибочным средством к познанию сущего служит логика; раз дано одно положение, при правильном пользовании силлогизмами оно ведет к правильным заключениям и выводам. Существует такая тесная связь между стремлением духа к истине и познанием высочайшей истины — бога, что одно без другого невысказано, так что соединение с богом тождественно с постижением истины... По мнению Варлаама, познание бога не нуждается в чувственных органах, но сообщается как акт особенного просвещения тем, кто чист сердцем и исполняет заповеди божии, это есть акт сообщения высшего знания. То, что называется блаженным созерцанием бога, есть мысленное восприятие божества или осияние, доступное избранным, но не приобщение человека существа божия, которое недоступно внешним чувствам. Палама же и афонские монахи, не признавая за логикой и вообще за внешней мудростью могущественного орудия к познанию причины всего сущего, ссылались на авторитет церковного предания и святоотческих писаний, как на единственный надежный путь к познанию сущего»...²

Анализируя теорию мышления Варлаама, академик Ф. Ив. Успенский приходит к заключению, что Варлаам является в Византии выразителем философского мышления, сходного с западно-европейским конца XIII и начала XIV в., а это дает основание исследователю характеризовать Варлаама, на основании документальных данных, касающихся его политического и морального направления, как представителя партии византийских западников, а Григория Паламу как представителя национальной греческой партии в борьбе с западничеством.³

Познакомившись в 1340 г. на Афоне непосредственно с учением исихастов, Варлаам пришел к заключению, что «монахи считают священное писание бесполезным, а науку вредною, и думают, что существо божие можно видеть телесными очами и что для достижения того нужны некоторые чувственные воздействия и приемы».⁴ По объяснению, данному Варлааму афонским старцем Симеоном, приемы созерцательной жизни афонских подвижников состоят в том, чтобы, занимаясь умной молитвой, сидя в запертой келье, прижав бороду к груди и смотря на свой пуп, удерживать дыхание, сколько можно.

¹ Ф. Ив. Успенский. Назв. соч., стр. 274.

² Там же, стр. 278 и сл.

³ Там же, стр. 280, 295, 315, 366.

⁴ Там же, стр. 322.

произносить непрестанно молитву господню в уме, устремленном внутрь сердца, до тех пор, пока вокруг не показывался во время молитвы внутренний свет; этот свет можно было видеть телесными очами и чувствовать неизреченную радость, и т. п.¹ Это оригинальное направление Варлаам остроумно назвал «пупоумием», по-гречески «омфалопсихия», что вызвало протест со стороны исихастов, Григория Паламы. Оттуда и началась затем их длительная и обостренная полемика, не лишенная с обеих сторон крайностей и перегибов в обвинениях друг другу в коварном лукавстве и в еретичестве.

Мы далеко не исчерпали вопроса о борьбе двух направлений философской мысли в Византии в XIV в. и не дали развернутой картины учения исихастов, так как это не входит в наши задачи. Обстоятельный очерк этой борьбы в русской историографии дан в названной выше монографии Ф. И. Успенского — «Очерки по истории византийской образованности» (1892) и в исследовании П. А. Сырку — «К истории исправления книг в Болгарии в XIV в.» (т. I, вып. I, СПб., 1899), к которым и отсылаем читателя. Однако и то, что весьма суммарно сказано нами выше относительно учения исихастов, совершенно ясно говорит о том, что в руках эксплуататорских феодальных верхов как византийского, так и болгарского общества XIV в. это учение как нельзя лучше выполняло двойную роль: оно давало им известное «утешение», отвлекая мысль от неприглядной, тяжелой и угрожающей социальной и политической действительности в сферу «заумного» отдохновения в единении с богом, и одновременно давало возможность проповедью рабских добродетелей — покорности, смирения, молчания, терпения и т. п. — держать эксплуатируемые народные массы в повиновении. Этим, в частности, и объясняется та широкая поддержка, которою исихасты пользовались в Болгарии со стороны болгарских царей.

Вместе с отвлечением общественной мысли в область мистики исихазм популяризировал в массах веру в видения и прорицания и усыплял сознание малокультурной среды бесконечным количеством фантастических рассказов о видениях, бесах, кознях дьявола, о борьбе подвижников с дьяволом, о колдунах и колдовстве, — наполняя подобным содержанием свою повествовательную литературу. Образцом в этом смысле в болгарской литературе может служить «Житие Иоанна Рильского», принадлежащее перу крупнейшего из представителей болгарской литературы XIV в., ученика Феодосия Тырновского, Евфимия.

Болгарская общественность XIV в., обильно насыщенная учением исихастов, представляла собою благоприятную почву для широкого развития сектантского движения, имевшего в своей основе чаще всего богомильскую догматику, но в извращенном виде. Так, например, в Тырново прибыли с Афона Лазарь и Кирилл по прозвищу Босота. Лазарь был скопец и открыто демонстрировал свое физическое уродство. «Ходящи наг в весь град, на срамных же удех тыкву ношаше, тою покрывашеся, странен и грозен позор всем зрящим, и детородным удом, их же чадородия ради бог человеком дарова, сам казнитель», — так характеризует сектанта-скопца Лазаря «Житие Феодосия Тырновского», написанное константинопольским патриархом исихастом Каллистом, и представляющее собою исключительно ценный по материалу источник для изучения богомильского движения в Болгарии в XIV в. Единомышленник скопца Лазаря

¹ П. А. Сырку. Назв. соч., стр. 96.

Кирилл Босота «хулил иконы и святых угодников, попирал животворящий крест», и, кроме того, «сонная мечтания боговидения быти учаше, женам же и мужем законного брака отступати, и иная таковая многа, скверна же и хульна». Сотрудник Кирилла монах Феодосий, «обходя горы же и холмы», проповедовал безбрачие, разлучал жен и мужей и восстанавливал всех против церковного устава.¹ Скопец Лазарь проповедовал оскотление младенцев, что входило в теорию и практику мессалианской секты.²

Разновидностью богомильской секты в Болгарии в XIV в. была секта люцифериан, учившая, что небесный бог несправедлив, так как насилем изгнал с неба Люцифера, которого прозелиты этой секты называли своим вышним отцом. Люцифериане одобряли всякого рода преступления, рассматривая их как угождение высшему отцу — Люциферу. Отвергая брак, люцифериане разрешали кровосмесительные связи, устраивали ночные сборища, на которых предавались разврату, и т. п. Можно предполагать, что возникновение болгарской секты люцифериан стояло в известной связи с развитием демонологии в Западной Европе и в Византии, характерной для последних веков средневековья.³

Во главе литературного движения в Болгарии в XIV в. стоял Феодосий Тырновский. Биография Феодосия, рассказанная в его «Житии», написанном учеником Григория Синаита, константинопольским патриархом Каллистом, настолько неинтересна и бессодержательна, настолько шаблонна для исихаста, что из экономии места и времени мы не будем на ней останавливаться. Вся она, в основном, проходит в бездельном скитании по афонским и солунским монастырям в поисках наилучшей обстановки для уединения, для полного отрешения от внешнего мира, от его тревожений и интересов, и полного погружения в созерцание и «умную молитву». Встреча Феодосия в Парории с Григорием Синаитом произвела на него столь сильное впечатление, что, по словам жития, «и не можно изрещи, колики радости духовныя и сладости неизреченные исполнися Феодосий». Повидимому эта встреча сыграла решающую роль в жизни и в умонастроении болгарского подвижника, так что, когда вскоре после смерти Григория Синаита (1346) были разрушены и ограблены турецкими разбойниками (1350) его обитель в Парории, построенная и богато снабженная в 1330 г. царем Иваном Александром всем необходимым для безбедного существования монахов, а вместе с нею и «гора Эмонская» на Черноморском побережье у Месемврии (турецк. Эмине), где после Григория Синаита проживал Феодосий, последний обосновался в живописной местности Килифарево, расположенной на расстоянии двух часов езды к югу от Тырнова. Здесь болгарский царь Иван Александр построил для него монастырь по образцу Парорийского, обставив его всеми удобствами для уединенной и беспечальной жизни Феодосия в «трезвении, безмолвии и умной молитве или умном делании».

Килифаревская обитель Феодосия сделалась центром и рассадником монашествующего аскетизма в Болгарии, в Сербии и в России, откуда к Феодосию в Килифарево стекались ученики и почитатели болгарского подвижника. Среди учеников Феодосия было несколько

¹ Ф. Ив. Успенский. Назв. соч., стр. 377 и сл.

² К. Радченко. Назв. соч., стр. 208.

³ Там же, стр. 211—212.

выдающихся в свое время деятелей болгарской письменности, как то: Д и о н и с и й, известный переводчик на болгарский язык «Маргарита» Иоанна Златоуста; Е в ф и м и й, впоследствии патриарх тырновский, бывший при Феодосии его наместником по управлению Килифаревским монастырем; К и п р и а н, впоследствии «митрополит всея Руси». Верный ученик Григория Синаита, Феодосий Тырновский известен в истории культуры и просвещения в Болгарии XIV в., как ревностный защитник основ византийского православного вероучения против всевозможных уродливых извращений богомильских догматов, получивших в то время широкое распространение в Болгарии.

В числе еретиков, с именем которого связано одно из разоблачительных выступлений Феодосия Тырновского, был, например, монах Феодорит. Он прибыл в Болгарию из Константинополя, поселился в Тырнове и посвятил себя врачебной практике, чем создал себе широкую популярность не только среди народа, но и среди высших кругов болгарского общества. Не ограничиваясь, однако, врачеванием, как рассказывает «Житие» Феодосия Тырновского, он собирал своих тырновских пациентов у дуба в одном из оврагов в окрестностях Тырнова и вел пропаганду поклонения этому дубу с обильными жертвоприношениями дубу овец и барашков в целях исцеления от болезней. Феодосию Тырновскому принадлежит также выступление против скопческой агитации Лазаря и адамитской ереси Кирилла Босоты и его ученика, попа Стефана. Выступление это происходило в заседании собора, созванного Иваном Александром около 1350 г. в целях борьбы с этими лжеучениями. В прениях с еретиками, как они изложены в «Житии», Феодосий проявил недюжинные диалектические способности и хорошее знание канонической литературы. Кроме названных выступлений Феодосия, «Житие» его рассказывает еще о его же выступлении против адамита Феодосия. Обходя города и села, этот Феодосий проповедывал, чтобы жены оставляли своих мужей, а мужья жен и шли за ним. Проповедь Феодосия имела успех. За ним шла толпа мужчин и женщин, одетых по-монашески. Он водил за собою эту толпу «по пустыням, вертепам» и вообще по таким глухим местам, которых «не посещает и бог», по выражению «Жития». Во время этих хождений Феодосий шел, сняв с себя одежду, совершенно голый; за ним в таком же виде шли его ученики и последователи, и притом шли так, чтобы, следуя примеру учеников Христа, ступать в том именно месте, где ступала нога учителя. Таким образом, ученики Феодосия доподлинно «шли по стопам учителя». Ночи эти бродячие «подвижники» проводили вповалку «в единой хлевнине». Феодосию Тырновскому удалось словом увещания убедить этих адамитов в беспутстве и безнравственности их поведения, и они обратились на путь истинный. Кроме названных выше еретиков, в «Житии» Феодосия Тырновского упоминаются, как «богомильские, сиречь масалианские, ереси», — варламова, акиндинова, згоранова и афанасиева ереси, от которых Феодосий в своем предсмертном завещании предостерегает своих учеников и последователей. Что в числе еретиков здесь названы Варлаам со своим учеником Акиндином, это указывает на то, что «Житие» Феодосия Тырновского писалось учеником Григория Синаита, константинопольским патриархом Каллистом после 1347 г., когда на Константинопольском соборе восторжествовавшие паламиты окончательно объявили Варлаама и Акиндина еретиками, отлучили от церкви и предали анафеме.

Таким образом, мы видим, что «Житие и жизнь Феодосия Тырновского», написанное Каллистом, представляет собою ценный исторический источник в том отношении, что оно рисует яркую картину того «шатания умов» и идейного разброда, в котором находилось болгарское общество накануне турецкого завоевания.

Характерную деталь для настроений, господствовавших в феодальных верхах болгарского общества XIV в., представляет личность в этих кругах расхождений в толковании компетенции тырновского патриарха, как главы болгарской церкви, в ее отношениях к византийской церкви и византийскому патриарху. Для Болгарии XIV в. это был уже старый вопрос, поставленный впервые еще царем Симеоном четыреста лет тому назад, как вопрос культурно-национального и национально-политического самоопределения. В правящих болгарских кругах XIV в. при Иване Александре (1331—1370) и его преемнике Иване Шишмане (1371—1393) вопрос этот разрешался в смысле полной независимости болгарской церкви от юрисдикции византийского патриарха, что отвечало национально-демократическим тенденциям Ивана Александра, опиравшегося в своей политике на широкие, националистически настроенные круги болгарской богомильской общественности. Византийское правительство, однако, попрежнему не склонно было выпускать Болгарию и болгарскую церковь из своих рук и, опираясь на канонические правила и постановления вселенских соборов, вело против этой болгарско-национальной сепаратистской тенденции упорную борьбу с болгарскими патриархами. Эта борьба, не ликвидированная в болгарско-греческих церковных отношениях вплоть до настоящего дня, в XIV в. имела сторонников и среди болгарского общества в лице ортодоксальной, или греческой, партии, представленной исихастами, во главе с Феодосием Тырновским и его Килифаревской школой.

В XIV в. эта борьба поднята константинопольским патриархом Каллистом, другом Феодосия Тырновского, по инициативе последнего.¹ Таким образом, в XIV в. в Болгарии существовало два политических течения, или две партии: греческая и национальная. Первая партия, представленная исихастами во главе с Феодосием Тырновским, придерживалась византийской ориентации, поддерживала политику тесного единения и сотрудничества с Византией; вторая, национальная, партия поддерживала исторически сложившуюся, выросшую в вековой борьбе болгарского народа с Византией свою культурную и политическую независимость, тенденцию национальной свободы и национально-политическое равноправие в международных отношениях. Представителями этой политической программы и борцами за ее проведение в жизнь в Болгарии XIV в., как и раньше, начиная с X в., попрежнему были наиболее передовые элементы богомильской общественности. В обострившейся в XIV в. борьбе этих партий внутри Болгарии победу одержала национальная партия; в результате чего представители греческой партии после доноса Феодосия Тырновского и антиболгарского выступления патриарха Каллиста должны были эмигрировать из Болгарии. В числе эмигрантов были, главным образом, деятели Килифаревской школы: Феодосий Тырновский, его ближайший и старый сподвижник и друг Ромил, Цамвлаки—в их числе и Киприан Цамвлак, впоследствии митропо-

¹ Подробнее на эту тему см. у П. А. Сырку в его исследовании «К истории исправления книг в Болгарии» (стр. 278—411); впрочем некоторые высказывания П. А. Сырку страдают односторонностью и нуждаются в критическом отношении.

лит московский, и ученик Феодосия Евфимий, впоследствии патриарх Тырновский, и др.

Как писатель, Феодосий Тырновский известен переводом на болгарский язык статьи Григория Синаита под заглавием—«Главы зело полезны», представляющей собою, повидимому, отрывок из основного труда Григория об умной молитве или сокровенном желании, написанного в Парории и состоящего из 150 глав.

Умер Феодосий Тырновский 17 ноября 1362 г. в одном из константинопольских монастырей.¹

Крупнейшим представителем болгарской литературы XIV в. был ученик Феодосия Тырновского, впоследствии болгарский патриарх Евфимий. По своему происхождению (род. ок. 1320 г.) он принадлежал к тому же социальному слою верхов феодальной общности, к какому у болгар принадлежал, повидимому, и его учитель Феодосий Тырновский, и семья Цамвлаков, а у греков—Григорий Синаит и Григорий Палама, т. е. известные нам до сих пор вожди и теоретики исихазма. Существует предположение, что Евфимий состоял в родстве с Цамвлаками: Киприаном, впоследствии митрополитом московским, и Григорием, его племянником, митрополитом киевским. О богатстве Евфимия говорит тот факт, что византийский император Иоанн Палеолог вымогал у него деньги.²

Юношеские годы Евфимий провел в Килифаревской обители в качестве ближайшего ученика и сотрудника Феодосия и был его наместником по управлению монастырем. Это говорит о том, что Евфимий уже в молодости не только был подвижником-аскетом, но и обладал административными дарованиями. Он был образованным человеком, о чем говорит тот факт, что Феодосий привлекал его к участию в соборных прениях против еретиков, как основательного знатока догматов веры. Получив воспитание под непосредственным руководством Феодосия, Евфимий на всю жизнь остался верен заветам своего учителя—исихаста. Вместе с ним и его Килифаревской группой он принадлежал к ортодоксальной греческой партии и вместе с ним же он отправился и в эмиграцию в Константинополь, где неотлучно находился при тяжело больном учителе до последних минут его жизни. На него же главным образом легли и заботы по погребению Феодосия. После смерти Феодосия Евфимий остался в Константинополе и жил в Студийском монастыре и в монастыре Перивленте, где занимался литературной работой. Из Константинополя в 1365 г. Евфимий отправился на Афон, где жил сначала в той же лавре св. Афанасия, где до него жили Григорий Синаит и его ученик, патриарх Каллист, а затем в болгарском Зографском монастыре, в ските Селин, посвятив себя аскетической безмолвнической

¹ «Житие» Феодосия Тырновского впервые было напечатано проф. О. Бодянским в «Чтениях в Общ. истории и древностей российских при Московском университете» (1860 г., кн. I); вторично то же «Житие» с поправками к изданию Бодянского, допустившего искажения текста оригинала, было издано проф. В. Н. Златарским в «Сборнике за народни умотворения, науки и книжнина», (кн. XX, София, 1904); о «Житии» Феодосия, как историческом памятнике, см. исследование В. Сл. Киселкова «Житието на св. Теодоси Тырновски като исторически паметник» (С. 1926); обстоятельный очерк жизни и деятельности Феодосия дан в исследовании П. А. Сырку «К истории исправления книг в Болгарии» (т. I, вып. I, СПб., 1899, стр. 141—411); см. также: К. Радченко. Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. Киев, 1898 («Университетские известия»); Ф. Ив. Успенский. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1892, стр. 372, 353.

² П. А. Сырку. К истории исправления книг в Болгарии, т. I, вып. I, Время и жизнь патриарха Евфимия Тырновского. СПб., 1899, стр. 249.

жизни. С Афона через Константинополь Евфимий около 1370 г. возвратился в Болгарию.

В это время турки вели уже решительное наступление на Болгарию. В 1366 г. Иоанн Шишман, сменивший на болгарском престоле своего отца, вступил в союз с османскими турками против венгров, захвативших г. Видин, и одновременно принужден был признать себя турецким вассалом и выдать замуж за эмира Амурата свою сестру, кир Тamarь. Это, однако, не остановило наступления турок на Болгарию и за время с 1365 по 1370 г. они завоевали всю Фракию, отняли у болгар на Черноморском побережье города Айтос, Карнобат и Созополь, а внутри страны Ямбол, Самоков и Ихтиман. Одновременно Болгария стала жертвою вторжения на ее территорию Амадея VI Савойского, приходившегося племянником византийскому императору Ивану Палеологу и вызванного в Константинополь на помощь против турок. С отборным войском из итальянских и французских рыцарей Амадей направился из Венеции в Константинополь и изгнал турок из Каллиполя. Возвращаясь из Константинополя на Запад вдоль болгарского побережья, он занял болгарские города: Созополь, Анхиало, Месеврию, Эмону и Калиакру, но под Варною потерпел неудачу. Занятые Амадеем черноморские болгарские города остались затем во власти Византии вплоть до завоевания их турками.¹

По прибытии в Болгарию принятый радушно Иваном Шишманом Евфимий поселился в монастыре св. Троицы, бывшем монастыре Феодосия, предоставленном болгарским царем в распоряжение Евфимия. В этом монастыре Евфимий вместе со своими сотрудниками посвятил себя обширной литературно-переводческой деятельности, поставив своею задачей заменить старые переводы, неудовлетворительные вследствие плохого знания переводчиками греческого языка или ставшие с течением времени неудовлетворительными вследствие малограмотности переписчиков, новыми переводами, более точно воспроизводящими греческий текст. Таким образом, исправление культовых книг, переведенных с греческого языка на славянский, было первым делом Евфимия по возвращении его в Болгарию,² органически вытекавшим из его основных исихастских установок и ортодоксально-греческой идеологии. Помимо того, что исправление славянских культовых книг вызывалось конкретной необходимостью, в виду того, что к XIV в. эти книги пришли в негодность или, выражаясь словами панегирика Григория Цамвлака, в «търновских странах писмена погыбла была соуть», — Евфимий в данном случае имел в виду также подтянуть болгарскую церковь к греческому православному канону; поэтому он вносил в болгарские переводы не только грамматические и лексические исправления, но также и исправления уставно-канонического порядка в те частности культа, в которых болгарская национальная схизматическая церковь расходилась с вселенской константинопольской восточно-православной

¹ П. А. Сырку. Назв. соч., стр. 557—559.

² Отзывы об этой стороне культурно-просветительной деятельности Евфимия и ее оценка были даны современниками Евфимия: его учеником Григорием Цамвлаком в «Похвальном слове Евфимию» (напечатано в сербском «Гласнике», XXXI, стр. 258—291) и сербским писателем, болгарин по рождению, принадлежавшем по своей филологической выучке и литературной подготовке к школе Евфимия, — Константином Костенечским, известным часто в рукописях под именем Константина-Философа, в его большом сочинении «О письменах» (напечатано академиком В. Ягичем с вводною статьею и комментарием в монографии «Рассуждения старины о церковнославянском языке. Исследования по русскому языку», изд. ОРЯС АН, СПб., 1885—1895, стр. 366—581).

церковью, в чем обвинял болгар патриарх Каллист в своей ответной грамоте на донос Феодосия.¹

Вскоре после возвращения в Болгарию Евфимий был избран на болгарский патриарший престол, т. е. получил верховную власть в церковных делах, что дало ему возможность при поддержке Ивана Шишмана побороть оппозицию против православной реформы и исправления книг и провести свою реформу в жизнь. «Новые тырновские изводы» Евфимия сделались после этого образцами дальнейшего развития письменности не только в Болгарии, но также в Сербии и в России. В истории славянской письменности правописная реформа Евфимия Тырновского была крупнейшим историческим событием, стоявшим в тесной связи с общим подъемом болгарской политической, экономической и культурной жизни, которым в последний раз при Иване Александре и Иване Шишмане во второй половине XIV в. отмечены немногие страницы ее истории перед турецким завоеванием.

Не только современные болгарские авторы, но и греки дают самые лестные и восторженные отзывы об Иване Александре. Так, например, греческий патриарх Каллист в составленном им житии Григория Синаита называет имя болгарского царя чудным и преславным во всяком мужестве и владычестве, чрезмерном величии и царственности, а его называет высочайшим и дивным царем болгарским, подчеркивает его высокие добродетели и, в частности, ставит ему в большую заслугу то, что он очистил Болгарию от разбойников. Болгарские авторы в этом отношении шли еще дальше Каллиста, сравнивали своего царя с Александром Македонским и Константином Великим, и т. д.²

Все эти панегирические отзывы современников имеют, конечно, весьма относительную ценность, но, тем не менее, они говорят о том, что Иван Александр, занимавший в течение сорока лет болгарский престол, что уже само по себе представляет для феодальной Болгарии необычайный факт, пользовался в населении известной популярностью, для чего умел, очевидно, создать соответствующую обстановку.

Как во внутренней, так и во внешней политике Иван Александр был умным дипломатом и трезвым политиком. Опираясь на национальную партию, как на наиболее мощную и влиятельную в стране, и сам всецело разделяя ее основные политические установки, он умел в то же время щедрыми подачками, выдержкой и внешними знаками внимания поддерживать добрые отношения и с греческой партией, используя ее авторитетных представителей как культурную силу для своих государственных целей. В международных отношениях он никогда не переоценивал ни сил, ни реальных возможностей своих соседей, всегда был прекрасно ориентирован в их внутренних делах, поддерживал со всеми, с Сербией, с Византией и с Венецией, добрососедские отношения, но никому из них не верил и твердо проводил собственную политику, диктовавшуюся ему здраво понятыми интересами государственной независимости и экономическими выгодами страны. В результате этой политики Болгария в правление Ивана Александра значительно оправилась после перенесенных потрясений и сделала шаг вперед и в культурном отношении;

¹ Обвинения патриарха Каллиста, выдвинутые против болгар, в нарушении ими церковного устава, изложены и подробно рассмотрены у П. А. Сырку в его монографии «К истории исправления книг в Болгарии» (стр. 278—353).

² П. А. Сырку. Назв. соч., стр. 366—376.

в результате этого в области искусства и письменности она дала в то время такие замечательные образцы мастерства художественной техники, вроде, например, знаменитого Евангелия Ивана Александра 1356 г., украшенного 369 художественными миниатюрами, или не менее знаменитой иллюстрированной болгарской рукописи византийской хроники Константина Манасии, украшенной 70 художественными миниатюрами и хранящейся сейчас в Ватиканской библиотеке.

Оба эти памятника представляют собою документы, характеризующие высокий уровень развития живописного мастерства и орнаментальной техники в Болгарии во второй половине XIV в.

Таких же успехов Болгария в это время достигла и в области зодчества. Иван Александр заботился о благоустройстве своей столицы и добился известных успехов: современники называли Тырново Царьградом, а византийский патриарх Каллист в житии Феодосия говорит о красоте и богатстве болгарской столицы и называет ее вторым после Константинополя городом. «Есть основание думать,— замечает проф. Сырку,— что в Тырнове во время Ивана Александра и Ивана Шишмана хранились огромные богатства и драгоценности, как царская и боярская собственность, а затем в виде церковных украшений».¹ К сожалению, в нашем распоряжении нет необходимых материалов для того, чтобы составить себе более широкое и более конкретное представление о финансовом и экономическом положении Болгарии в царствование Ивана Александра, но то обстоятельство, что Иван Кантакузин, император богатейшего когда-то в мире государства, обратился к болгарскому царю с просьбой одолжить ему необходимую сумму денег для постройки флота, говорит о том, что экономическое положение Болгарии при Иване Александре в действительности было не в плохом состоянии.

Таким образом, во второй половине XIV в. Болгария, повидимому, располагала достаточной материальной базой для того, чтобы могла вырасти настолько значительная культура и письменность и такая книжная продукция, что в этом отношении время Ивана Александра можно сравнить только с Симеоновым временем (400 лет тому назад).

Помимо наличия необходимых условий и соответственной обстановки, болгарская письменность и литература обязаны своими успехами в это время и непосредственному, активному участию в культурном строительстве самого Ивана Александра. Располагая хорошей личной библиотекой, он постоянно заботился о ее пополнении и лично заказывал для себя книги. В таком порядке специально для Ивана Александра были изготовлены шесть кодексов: 1) так называемая Следованная Псалтырь 1337 г. с «похвалою» Ивану Александру, названная писателем кодекса «Песнивцем», в которой, помимо всего прочего, автором дан ценный исторический материал для времени Ивана Александра; 2) компилятивный Сборник 1345 г., в состав которого вошло 15 сочинений, в том числе и болгарский перевод стихотворной византийской хроники Константина Манасии; 3) отдельный, богато иллюстрированный и роскошно оформленный список хроники Манасии, о котором упомянули мы выше, хранящийся сейчас в Ватиканской библиотеке. Иллюстрации списка изображают сцены и лиц из византийской, болгарской и русской истории. По содержанию хроника Манасии представляет собою всеобщую историю в том объеме, как этот предмет понимался ви-

¹ П. А. Сырку. Назв. соч., стр. 397.

зантийскими историографами, т. е. библейскую историю от сотворения мира, затем троянскую, римскую и византийскую до времени византийского императора Никифора Вотаниата (1081). Болгарская редакция этой хроники отличается, однако, от греческого оригинала в том отношении, что она дополнена, во-первых, материалом по болгарской истории, извлеченным, повидимому, из болгарских летописей, и, во-вторых, известною в средние века «Повестью о кралех», или так называемой «Троянскою притчей»; 4) компилятивный Сборник 1348 г., в состав которого вошло 10 сочинений разнообразного содержания, в том числе и известная старая статья болгарского автора Черноризца Храбра «О письменех»; 5) роскошный список, стоящий в смысле художественности оформления выше ватиканского списка Манасии, Евангелия 1356 г., хранящийся сейчас в Британском музее в Лондоне; второй такой же экземпляр Евангелия, сделанный тем же художником, известен сейчас под именем «Елисаветградское евангелие»; 6) пергаментный Апостол с толкованиями, современный, приблизительно, как полагает проф. Сырку, «Следованной Псалтыри» 1337 г.

Подводя итог приведенному выше обзору дошедшего до нас материала, характеризующего состав библиотеки Ивана Александра, а следовательно, и его умственные, литературные и художественные интересы, мы видим, что чтение болгарского царя и его ближайшего окружения было довольно разнообразно и состояло из книг религиозного, богословского, исторического и литературно-художественного содержания. Все это говорит об известной широте умственного кругозора и культурных интересов представителя верхов болгарской феодальной общественности XIV в.

Интересным, с этой точки зрения, памятником болгарской литературы рассматриваемого периода является так называемый «Бдинский сборник», принадлежавший сыну Ивана Александра, Ивану Срацимиру, который получил от отца в удел г. Видин (болг. Бъдин) с его округом и стремился сделать из своей столицы второй в Болгарии культурный центр, каким был и Тырново. Названный сборник проф. Сырку называет одним из самых важных памятников для истории культуры в Болгарии в XIV в.¹ Он важен, прежде всего, как показатель наличности культурных интересов, которыми в Болгарии XIV в. жила не только столичная, но и провинциальная феодальная общественность, не желавшая отставать в этом смысле от столицы. Он необычайно интересен по своему замыслу. Написанный для жены Ивана Срацимира, царицы Анны, он представляет собою сборник литературных произведений, житий и похвал, посвященных женщине. В истории славянской литературы это оригинальный женский сборник, вскрывающий, повидимому, наличие в культурной жизни болгарского феодального общества XIV в. общеевропейских мотивов и настроений, связанных с культом женщины. Жизнь болгарской общественности в это время не только не была отделена непроницаемой стеной от европейского Запада, а наоборот, тесно соприкасалась с ним через Венгрию, Дубровник и Венецию, так что путь западным культурным влияниям был свободно открыт в болгарское общество. Об этом, в частности, говорит и появление в «Сборнике» Ивана Александра 1345 г. интересного западного романа об Александре (Парисе) и Елене, известного в славянских литературах под заглавием «Троянская притча» или «Повесть о кралех», со следами

¹ П. А. Сырку. Назв. соч., стр. 444.

венгерского и хорватского языков, т. е. западных влияний на болгарский язык. К сожалению, история болгарской культуры с этой точки зрения почти не изучена. Одновременно болгарская феодальная общественность XIV в. поддерживала и самые тесные культурные и персональные связи с Россией, о чем говорит не только большая общественно-политическая, культурно-просветительная и литературная работа в России дяди и племянника Цамвлаков — Киприана, митрополита киевского и литовского, а затем московского, начиная с 1373 и до смерти в 1406 г., и Григория — митрополита киевского, явившихся в Россию в качестве пионеров культурного наследия Евфимия Тырновского. О том же говорят и отдельные произведения болгарской литературы XIV в., вроде, например, пергаментного «Пролога» 1333 г., изготовленного по заказу болгарского игумена одного из крупных тырновских монастырей, Митрофана, со значительными следами в содержании и в языке влияния русской литературы и русского языка.¹ И таких памятников болгарской литературы XIV в., говорящих о наличии в то время тесных болгарско-русских культурных связей, имеется значительное количество.²

Как в Болгарии образованные люди хорошо знали в то время русскую литературу, так и в России и в Сербии не хуже знали болгарскую, о чем свидетельствуют аналогичные русские литературные сборники вроде, например, «Прологов» Румянцевского музея и собрания Хлудова.³

Знакомясь с дошедшими до нас списками произведений болгарской литературы XIV в., и, в частности, времени Ивана Александра, поражаешься той огромной книжной продукцией, которую характеризует болгарская литература того времени. Не следует забывать при этом, что дошедшее до нас представляет собою, собственно говоря, жалкие клочки подлинной исторической действительности.

Кроме весьма значительного количества литературных сборников повествовательного характера (прологи, синаксари, патерики), часто с сохранением имен их списывателей, болгарская литература XIV в. представлена и такими классическими, по тому времени произведениями, как, например, «Маргарит» Иоанна Златоуста; сочинениями, приписываемыми авторству Дионисия Ареопагита, относящимися к V или VI вв. н. э. и оказавшими значительное влияние на развитие богословской науки как на Востоке, так и на Западе; сочинениями уже известного нам Григория Синаита, Ефрема Сирина, Иоанна Дамаскина, Григория Великого, папы римского, Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Лествичника и др. Проф П. А. Сырку называет 30 имен крупнейших писателей восточного и западного христианского средневековья, представленных своими произведениями в болгарской литературе XIV в., и 13 имен болгарских писателей и переводчиков, известных по дошедшим до нас рукописям.⁴

К числу литературных явлений, характерных для культурной жизни болгарской феодальной общественности XIV в., особенно времени Ивана Александра, относится возрождение чествования памяти основоположников славянской письменности на болгарском языке

¹ Этот памятник болгарской литературы XIV в. хранится сейчас в собрании Погодина (№ 58) Государственной Публичной Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

² П. А. Сырку. Назв. соч., стр. 461—465 и др.

³ Там же, стр. 463 и сл.; А. И. Соболевский. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV вв. СПб., 1894; П. А. Сырку. Очерки по истории литературных сношений болгар и сербов в XIV—XVII вв. СПб., 1901.

⁴ П. А. Сырку. Назв. соч., стр. 493 и сл.

солунских братьев, Константина (Кирилла) и Мефодия, причем просветительная деятельность их приурочивается теперь уже непосредственно к Болгарии, а сами они рассматриваются как болгары по национальности, родившиеся, воспитавшиеся и выросшие в Болгарии. Эта болгарская национализация славянских просветителей стояла, несомненно, в тесной связи с общим подъемом национального сознания в руководящих, наиболее передовых тогда кругах болгарской культурной общественности, который выразился, в частности, и в широком развитии болгарской литературы. В качестве типичных произведений, в которых болгарская национализация солунских братьев отразилась наиболее ярко, могут быть указаны: «Успение Кирилла» и так называемая «Солунская легенда», посвященная жизни и деятельности того же Кирилла. Другим таким же произведением было краткое житие ближайшего и непосредственного ученика славянских просветителей, работавшего в конце IX и в начале X в. в Болгарии, Климента Величского. В истории болгарской литературы это произведение известно под названием «Охридская легенда». Оно построено исключительно на основе болгарских материалов, т. е. на основе тех данных, касающихся жизни и деятельности Климента, которые сложились на болгарской почве.¹

Из произведений светской литературы в это же время, кроме романа об Александре и Елене («Троянская притча»), были известны: 1) «Слово о царе Фоке и о братии его, како погуби их едина крѣчмарица Феофана в едину ночь», представляющее собою, по характеристике проф. Сырку, «сокращение целого произведения вроде придворного романа или, вернее, придворной романической драмы, наподобие поэмы Готье из Арра (Gautier d'Arras, XII в.): «Ираклий» (Erakles), или немецкой «Eraclius»;² 2) «Слово о ветхом Александре», сыне царя Амора, представляющее собою другую редакцию романа о Парисе (Александре) и Елене (Егилуда); и 3) «Слово премудрого Иоспа како бысть житие его», представляющее собою сказочную повесть об известном баснописце Эзопе и Дигине царе (т. е. Дигенисе).

Наиболее крупным болгарским писателем последних десятилетий перед турецким завоеванием, автором оригинальных произведений на болгарском языке был патриарх Евфимий Тырновский. Выше мы познакомились с начальным периодом его жизни и с его деятельностью по исправлению книг. Как писатель, Евфимий Тырновский известен рядом литературных трудов, среди которых имеются труды литургического характера, похвальные слова, жития и послания.

Первая группа произведений Евфимия Тырновского — литургические труды (Устав литургии Иоанна Златоуста, Литургия апостола Иакова, Служебник и др.) были тесно связаны с его деятельностью в качестве главы и руководителя болгарской церкви и были направлены к той же цели — исправления и упорядочения болгарского церковного культа по греческим нормам, какой служила и его работа по реформе правописания и исправлению книг.

Как глава и руководитель болгарской церкви и крупнейший авторитет в вопросах церковного культа и вероисповедной догматики Евфимий пользовался широкою популярностью в церковных кругах не

¹ П. А. Сырку. Назв. соч., стр. 516—526.

² Там же, стр. 540 и сл.; А. Н. Веселовский. Журнал МНПр... ч. ССXXXI, стр. 85—86; его же. Южно-русские былины. СПб., 1884, стр. 67, прим. I.

только в Болгарии, но и за ее пределами. Поэтому к Евфимию, вероятно, нередко обращались за разъяснениями недоуменных теоретических и практических вопросов, возникавших в связи с проведением в жизнь реформы церковного культа. Евфимий отвечал на эти обращения посланиями. До нас дошло три таких послания: 1) Киприану, монаху на Афоне; 2) угро-валахийскому митрополиту Анфиму и 3) священноиноку Никодиму в Тисмене (Валахия). В послании Киприану, который впоследствии был митрополитом киевским и московским, затрагиваются вопросы, имеющие отношение к монашескому уставу, и трактуются они Евфимием в духе теории исихастов о «делании» (πράξις) и «созерцании» или «умной молитве» (θεωρία). В послании митрополиту Анфиму Евфимий отвечает на вопрос социально-бытового порядка о двоебрачии и троебрачии. Послание Евфимия Никодиму затрагивает догматические вопросы, интересовавшие современное общество в связи с распространением ересей.

Названные произведения Евфимия Тырновского представляют исторический интерес, как произведения, в которых дается конкретный материал для характеристики культурной жизни болгарского феодального общества второй половины XIV в. и господствовавших в нем идеологических течений. Литературный интерес представляет группа произведений Евфимия житийно-повествовательного характера. К этой группе относятся: «Житие Ивана Рильского», «Житие Иллариона Мегленского», «Житие преподобной матери Филофеи» и «Житие святой Петки».

Образцом, которому следовал в данном случае болгарский автор, была современная византийская агиографическая литература, и в первую очередь известное житие Григория Синаита, написанное его учеником, константинопольским патриархом Каллистом, о котором мы говорили выше. По характеру содержания и приемам трактовки материала византийские жития XIV в. отходят от традиций старой житийной литературы и представляют собою произведения переходного типа от старого жития к биографии в современном смысле слова.¹ Следуя своему образцу, Евфимий критически подходит к житийному материалу и берет из него только «от истинных и неложных свидетелей нелестная разумения»... В основе жизнеописаний Евфимия лежит стремление к обстоятельности рассказа, что достигается автором путем распространения данных апокрифических житий речами, молитвами святых, письмами, в случае же недостатка сведений — дополнительными подробностями общего характера. Избегая в своем житийном творчестве «басен», Евфимий, однако, обильно уснащает их характерным для византийской агиографии XIV в. элементом видений, пророчеств и демонологии. Героев своих житий, независимо от времени их жизни и деятельности, Евфимий рисует исихастами в духе исихазма XIV в. и таким образом широко использует форму литературно-художественного повествования для агитации своей исихиастической идеологии. Вместе с тем в своем житийном творчестве Евфимий нередко откликается и на вопросы современной общественно-политической жизни. Так, например, эпизод с отказом от золота Ивана Рильского, болгарского подвижника X в., о котором рассказывает апокрифическое житие этого национального болгарского святого и патрона болгарского народа, на том основании, что оно нужнее царю, Евфимий развертывает в целое послание нравоучительного характера от Ивана Рильского к царю, в котором

¹ К. Радченко. Назв. соч., стр. 273.

подвижник убеждает царя заботиться об оружии и войске.¹ Такое использование литературно-художественного творчества говорит о том, что исихаст Евфимий в действительности был далеко не исихастиически настроенным аскетом, но писателем, которому были весьма близки интересы живой, современной общественной жизни его родины, стоявшей на краю гибели.

Что касается формы житийных произведений, то в этом отношении болгарский автор остается верным своим византийским образцам, как он остается верным и в схеме построения биографий своих героев, что накладывает на них печать искусственности и шаблонности.² Будучи по своему характеру литературно-художественными произведениями, житийные рассказы Евфимия представляют собою вместе с тем и ценный исторический источник не только в том отношении, что своим идейным содержанием и самой тематикой они прекрасно характеризуют культурную жизнь болгарского общества второй половины XIV в., но также и в том отношении, что, касаясь отдельных частных особенностей жизни и деятельности своих героев, автор попутно дает в них и некоторые детальные сведения и характеристики исторических деятелей болгарского прошлого. Так, например, рассказывая о встрече Ивана Рильского с болгарским царем Петром (927—969), Евфимий говорит о положении Болгарии при Петре и дает характеристику его личности. Рассказывая о перенесении останков Ивана Рильского в 1194 г. в столицу Болгарии Тырново, Евфимий останавливается на личности царя Ивана Асеня II (1218—1241) и дает о нем свой отзыв, а в «Житии св. Петки» он дает обширную характеристику того же царя, вызывающего в авторе восторженное отношение. Новым здесь явилось то, что нашло затем отражение в русской и в сербской литературах, это утонченный литературный язык, отвечавший культурным запросам верхов современной болгарской феодальной общественности, воспитавшей свои литературные вкусы на знакомстве с произведениями современных византийских авторов. Проф. Радченко видит в этом отражение в культурной жизни болгарского общества XIV в. характерной для периода гуманизма любви к слову, подчеркивая при этом, что церковно-славянский язык, своеобразно понятый, сыграл в данном случае у болгар ту же роль, какую латинский в Италии в эпоху Возрождения. Это новое культурное течение, по определению исследователя, шло в Болгарию из Византии, где в агиографической литературе оно с особенной силой обнаружилось в произведениях Константина Акрополиты.³

¹ К. Радченко. Назв. соч., стр. 277.

² Подробнее на эту тему см. там же, стр. 282—298.

³ К. Радченко. Назв. соч., стр. 299. О жизни и деятельности Евфимия Тырнового см.: 1) Emil Kalužniacki. Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthimius (1375—1393) nach den besten Handschriften. Wien, 1910; 2) В. В. Каченовский. Новые данные для изучения литературной деятельности болгарского тырнового патриарха Евфимия. Христ. чтение, 1888, кн. 3—4; 3) К. Радченко. Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. Киев, 1898; 4) П. А. Сырку. К истории исправления книг в Болгарии, т. I, вып. 1. Время и жизнь патриарха Евфимия Тырнового. СПб., 1898; вып. 2, Литургические труды патриарха Евфимия Тырнового. СПб., 1890; 5) его же. Несколько заметок о двух произведениях тырнового патриарха Евфимия. Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского, СПб., 1883, стр. 348—401; 6) Хр. Ив. Попов (Капнилов). Евтимий, последен тырновоки и трапезицки патриарх. Пловдив, 1901; 7) А. И. Яцимирский. Григорий Цамблак. СПб., 1904; 8) В. Н. Златарский. Де и кога бил заточен и умрял българският патриарх Евтимий? (отд. оттиск. s. a. 1.); 9) Голубинский. История православных церквей — болгарской,

§ 3. ОСМАНСКИЕ ТУРКИ. ВОДВОРЕНИЕ ИХ НА ЕВРОПЕЙСКОЙ ТЕРРИТОРИИ

Далекие предки османских турок жили некогда в Алтайских горах, в Азии. В V в. н. э. они занимают Туркестан и в середине VI в. уже вступают в дипломатические сношения с Византией. Это были предки турок-сельджуков, получивших свое имя от имени вождя орды Сельджука, обосновавшегося в X в. на р. Сыр-дарье. С этого времени Туркестан становится исходной территорией, откуда отдельные турецкие орды ведут наступление на юг и юго-запад и захватывают в свои руки Бухару и Иран, а затем в XI в. распространяют свое владычество и на огромные пространства Малой Азии и Закавказья и включают в свои владения Хорасан, Герат, Курдистан, Армению, Грузию, Сирию и Египет. Таким образом, ко второй половине XI в. на территории Малой Азии и прилегающих стран сложилось мощное государство или царство турок-сельджуков, достигшее наивысшего расцвета при султани Мелеке (1072—1092). Когда со второй половины XII в. на Востоке выросло не менее мощное государство монголов, и в начале XIII в. при Чингис-хане, монголы начинают наступление на юго-запад и запад и в первую очередь, в самом начале 20-х годов XIII в., захватывают Бухару и Хорезм, это приводит в движение турок-огузов Хорасана, и они во главе со своим ханом Сулейманом или Сулейман-шахом начинают завоевательное наступление на Запад, начиная с Армении.

После смерти Сулейман-шаха, погибшего в 1231 г. при переправе через Евфрат, турки продолжают дальнейшее наступление на Запад во главе с преемником Сулейман-шаха одним из его сыновей, Эртогрулом (1231—1288).

Вступив в союзные отношения с султаном конийских (или иконийских) сельджуков Алаэддином, Эртогрул за оказанную помощь Алаэддину в борьбе с Византией получает от него в ленное владение территорию на западной границе области Ангоры, между городами Ангорой и Бруссой. Характеризуя Эртогрула, автор классического труда по истории османских турок в Европе, Joh. Zinkeisen называет его «основателем могущества османов в Передней Азии».¹

Помогая Алаэддину в борьбе с монголами, наступавшими с востока, Эртогрул одновременно укреплял свои позиции на Западе, питая серьезные виды на создание собственного могущественного государства на развалинах дряхлевшей Византии. Но завоевательные устремления Эртогрула еще не шли далее пределов Малой Азии. На 90-м году жизни, в 1288 г., Эртогрул умер.

сербской, и румынской. М., 1871; 10) «Слово похвальное Евфимию, патриарху тырновскому» Григория Цамвлака, в котором содержатся биографические сведения о Евфимии, напечатано в «Гласнике» Сербского ученого дружества (кн. 31, 1871, стр. 245—291); то же у Е. Kalužniacki. Aus der panegirischen Literatur der Südslaven. Wien, 1901, стр. 28—60; в переводе на современный болгарский язык оно же напечатано в хрестоматии: Б. Ангелов и М. Генев. Стара българска литература (IX—XVIII в.). София, 1922, стр. 513—524; 11) Dr. M. Murko. Geschichte der älteren südslavischen Litteraturen. Leipzig, 1908, стр. 123—127; 12) Б. Ангелов. Българска литература, часть I. София, 1923, стр. 80—85. — Для ориентировки в материале по болгарско-византийским политическим отношениям в XIV в. см.: Т. Флоринский. Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в. СПб., 1882.

¹ Johann W. Zinkeisen. Geschichte des osmanischen Reiches in Europa, I Theil, Hamburg, 1840, S. 59.

Преемником Эртогрула на султанском престоле Сулейман-шаха был старший из его сыновей Осман (1288—1326), родившийся предположительно в 1258 г. Ко времени вступления на престол он был уже взрослым молодым человеком, успевшим присмотреться к окружающей его политической обстановке и приобрести некоторую ориентировку в государственных делах. Посвятив себя в первые годы правления почти исключительно внутренним делам своих владений, Осман значительно укрепил свои силы и своею возрастающею мощью стал внушать серьезные опасения Византии. Однако попытка последней избавиться от своего опасного соседа убийством или разгромом его военных сил и взятием его в плен не увенчалась успехом. Между тем, несмотря на значительно выросшую мощь своего молодого государства, Осман оставался верным своим обязательствам вассала сельджукских турок, но в 1299 г. после смерти султана Алаэддина, опираясь на поддержку мелких вассалов и вождей отдельных орд, провозгласил себя независимым от иконийских сельджуков и принял титул султана. Таким образом, и в истории образования первого государственного объединения османских турок на территории Малой Азии решающую роль сыграл процесс возникновения частной собственности, который привел к распаду родо-племенные отношения и вызвал к жизни новые феодальные отношения. Мелкие вассалы и предводители отдельных родов и племен или «орд» поддерживали экономически мощного Османа, признали его верховенство, потому что, в силу своей маломощности, не могли и думать о борьбе с Османом за власть, но экономически более мощные вассалы, опиравшиеся на солидные военные силы и материальные возможности, не признали власти Османа и продолжали оставаться полунезависимыми вассалами иконийских сельджуков. Со времени образования первого государственного объединения султана Османа I, турки, входившие в состав возглавлявшегося им до тех пор союза племен, получили имя османских турок.

Первою столицею Османа была крепость Мелангена или Караджахиссар. Отсюда Осман вместе со своим сыном Урханом или Орханом начал наступление на византийские владения по направлению к Мраморному морю, имея в виду, в первую очередь, завоевание городов Бруссы, Никомидии и Nikeи. Легко преодолевая по пути своего наступления попытки бессильных византийских стратиггов и архонтов оказать туркам сопротивление, Осман очень быстро овладел обширной Византийской территорией, и в 1326 г. Брусса сдалась Урхану без боя. Вскоре после этого она стала столицею Османского царства. Во время осады и взятия Бруссы Осман I был при смерти, в это время ему было 70 лет. Согласно его предсмертной воле он был похоронен в Бруссе. Вступивший на престол после смерти Османа I его сын Урхан (1326—1356) с успехом продолжает завоевательную политику отца, в 1328 г. завоевывает Никомидию на северо-восточном побережье Мраморного моря, а в 1330 г. берет и Nikeю, важнейшую из крепостей Византии на малоазийской стороне Мраморного моря, защищавшую подступы к столице империи со стороны Азии. С завоеванием османскими турками Nikeи Византия окончательно потеряла все свои малоазийские владения.

Первые вторжения турок на европейскую территорию византийских владений восходят к XIV в. Но это были не османские, а сельджукские турки, образовавшие на развалинах мощного не-

когда государства сельджуков в Малой Азии ряд мелких княжеств, и вторжения их на европейскую территорию носили спорадический, бесплановый характер пиратских и разбойничьих нападений. Так, например, в 1326 г. во Фракии высадился отряд турецкой пехоты и продвинулся вверх по р. Марице до г. Дидимотихон (совр. Димотика, несколько южнее г. Адрианополя), но здесь был уничтожен византийскими войсками. Подобные набеги сельджукских турок на европейские владения Византии отмечены затем в 1331, 1332 и 1335 гг. Во главе набега 1335 г. стоял сельджук Умурбег, владетель Смирны, Эфеса и других ионийских городов. Снарядив флот из 75 кораблей, он занял остров Самофракию и отсюда вторгся на материк. Андроник III Младший (1328—1341) встретил Умурбега у Кумуцены (совр. Гюмюльджина, северо-восточнее залива Епиджекарасу), но дело до битвы не дошло; конфликт был улажен заключением Андроником Младшим договора о дружбе с сельджукским султаном Саруханом. Этот акт, впрочем, не остановил дальнейших вторжений на европейскую территорию Византии отдельных сельджукских банд, но обострил отношения между османскими турками и Андроником. Урхан воспользовался этим и в 1337 г. предпринял первое организованное нападение османов на империю. Переправившись на 24 кораблях через Мраморное море, он высадил свои войска у Регианона, на побережье Мраморного моря, почти у самых ворот Константинополя, и стал грабить и жечь ближайшие окрестности, а женщин и детей уводить на корабли. Однако первый опыт вторжения османов на европейскую территорию окончился для них неудачей: османы были разбиты наголову.

В 1340 г. уже вся византийская область Вифиния, примыкавшая к восточному побережью Мраморного моря на Малоазиатском материке, была в руках Урхана. Одновременно Урхан подчинил своей власти и всех оставшихся до сих пор независимыми сельджукских султанов (эмиров) и в том же 1340 г. с восьмьютысячным войском предпринял новый поход на европейские владения Византии, беспрепятственно проник на Балканский полуостров и, не встречая на своем пути никакого сопротивления со стороны Византии, проник в глубь полуострова вплоть до Мизии, опустошая и грабя на своем пути византийские владения, а главное — не проявляя при этом никакого намерения вернуться в Азию. В 1341 г. Андроник Младший заключил мирный договор с Урханом и одновременно с сельджуком Саруханом, который продолжал свои нападения и грабежи на Фракию.

С вступлением на византийский престол в 1341 г. 11-летнего сына Андроника III, Ивана V Палеолога, Византия становится жертвою гражданской войны, поднятой представителем аристократии, Иваном Кантакузином. Поддержанный имущими классами и знатью, или так называемыми «динатами», Кантакузин объявил себя во Фракии императором и вместе с динатами довел эксплуатацию народных масс или так называемых «убогих», т. е. класс мелких землевладельцев, париков, мелких ремесленников и подмастерьев, до крайних пределов. Борьба за власть между Иваном V и Кантакузином превратилась, таким образом, в классовую борьбу между «динатами» и «убогими» и уже в 1341 г., в первом году гражданской войны, в крупнейших провинциальных центрах империи — Адрианополе, Гераклее, Солуни поднялось народное восстание.¹

¹ М. В. Левченко. История Византии. 1940, стр. 243—245.

Война «динатов» с «убогими» тянулась шесть лет и носила с обеих сторон ожесточенный характер. Особенно упорное и стойкое сопротивление Кантакузину оказали салоницкие зилоты, и если, в конце концов, Кантакузину и партии динатов удалось выйти победителями из этой войны, то только потому, что он призвал к себе на помощь из Азии сельджукских турок во главе с султаном Омарбегом, предавших Фракию ужасающему по жестокости и размерам разорению, и потому, что центральное правительство, боясь захвата Солуни (Фессалоники) сербским королем Стефаном Душаном, предало народ, примирившись с Кантакузином и признав за ним владетельские права в захваченных им областях в Македонии и во Фракии. С этого времени во главе Византийской империи стояли два императора: Иван V Палеолог и его соправитель — Иван Кантакузин.

Под угрозой нападения османских турок Урхана, Кантакузин, заключив мирный договор с Урханом, в своей внешней политике опирался, однако, на поддержку злейшего врага Урхана, сельджука Умурбега, властителя Аидина. Эту поддержкою Умурбега Кантакузин пользовался в течение четырех лет в борьбе с болгарами и сербами, что стоило неисчислимым жертв населению Фракии, на территории которой турки обыкновенно высаживались со своих кораблей, приходя на помощь Кантакузину, и беспрепятственно опустошали страну убивая, грабя и массами уводя в плен ее население, которое затем в качестве рабов распродавалось на рынках Малой Азии. Такие походы на помощь Кантакузину предпринимались Умурбегом в 1342, 1343 и 1345 гг. Первые два похода были морскими, третий — сухопутным, через владения эмира Сарухана. В этот третий поход на помощь Кантакузину против болгар и сербов Умурбег шел с 20-тысячным войском всадников. Благополучно переправившись через Геллеспонт, Умурбег подошел к Димотике, пограбил и разорил окрестности, захватил Перитор (совр. Енидже-карасу) и Ксанти (Ескидже), расположенные на запад от Димотики, и направился к Константинополю. Но в это время в лагере Умурбега умер принимавший участие в походе сын султана Сарухана Сулейман. Обеспокоенный этим Умурбег поспешил вернуться в Азию, боясь возможности, в связи со смертью Сулеймана, захвата своих незащищенных владений Саруханом.

В то время пока сельджуки Умурбег и Сарухан, поддерживая Кантакузина, истощали в походах в Европу свои силы, Урхан оставался верным мирному договору, заключенному с Кантакузином, и не тревожил Византии. Инициатива привлечения османских турок в Европу принадлежала матери Ивана V Палеолога, вдовствующей императрице Анне. Соправительство Кантакузина тяготило Палеологов, и они решили так или иначе от него избавиться, используя для этой цели османских турок на исключительно выгодных для них условиях. Урхан предоставил в распоряжение Палеологов 10-тысячную армию, но Кантакузину на этот раз удалось справиться с объединенными византийско-турецкими силами: Палеологи потерпели поражение. Дальновидный Кантакузин не ограничился, однако, торжеством победителя, но решил переманить на свою сторону Урхана, и это ему удалось сделать наилучшим образом путем выдачи своей молодой дочери Феодоры замуж за престарелого Урхана. Брак османского турка с византийской принцессой состоялся в 1346 г., и вскоре после этого Урхан отправил в помощь Кантакузину для войны с сербами 10-тысячное войско. Однако, вместо помощи Кантакузину, турки, отказавшись от повиновения грекам, стали незна-

казанно грабить незащищенные фракийские и македонские города и с богатой добычей и множеством пленного народа вернулись в Азию. Кантакузин был очень смущен вероломством своего союзника, но тем не менее в 1349 г. опять обратился к своему зятю за помощью против сербов. Урхан охотно откликнулся на просьбу тестя и выслал ему 20-тысячный конный отряд под командою Сулеймана. Однако не успели союзники пройти несколько дневных переходов от Константинополя, как Урхан предложил сыну немедленно вернуться домой в виду нападения на его владения (Вифиния) соседних турецких князей. Сулейман безоговорочно подчинился воле отца и вернулся со своею армией в Азию, разграбив все, что ни попадалось ему на пути.

Палеологи, между тем, продолжали борьбу с Кантакузином, но, так как Урхан перешел на сторону Кантакузина, императрица Анна обратилась в 1346 г. за помощью к сельджукам, к султану Сарухану и другим независимым малоазиатским князьям, которые немедленно выслали ей отряд в 6 тысяч человек. Не успел, однако, этот отряд переправиться через Геллеспонт, как он разбился на отдельные части и, вместо помощи Палеологам, стал грабить и разорять беззащитное население Фракии и забирать его массами в плен. Бесконечные вторжения сельджукских и османских турок на территорию европейских владений Византии привели страну к полному разорению и нищете, что соответственным образом отразилось и на ее материальных ресурсах. Византия влачила жалкое существование и доживала последние дни, не будучи в состоянии оказать какое-либо сопротивление любому из претендентов на ее наследие. Это положение вещей у своего соседа прекрасно учитывал могущественнейший из претендентов, султан османов, Урхан, мечтавший о завоевании византийской столицы с первых же дней утверждения своего владычества на территории бывших византийских владений в Малой Азии. Лучших времен для осуществления этой мечты ему не надо было ждать. Обессиленная, истощенная и разоренная Византия была уже, собственно говоря, в его руках. Оставалось только обдумать план наступления для того, чтобы в кратчайший срок и с максимальным успехом осуществить намеченное предприятие. И такой план был разработан Урханом совместно с сыном Сулейманом на совещаниях с выдающимися представителями османской общественности. На этих совещаниях было решено занять на европейской стороне какой-нибудь укрепленный пункт и сделать его основной оперативной базой для развертывания дальнейшего наступления на Константинополь с европейской стороны. Таким пунктом была намечена крепость Цимпе на Дарданельском побережье, несколько южнее Галлиполи. Предварительная разведка дала благоприятные результаты: крепость была очень слабо защищена, и подступы к ней не вызывали никаких затруднений. Через несколько дней после этого крепость Цимпе, не оказавшая нападающим никакого сопротивления, была занята османским отрядом в составе 80 человек. Захватив византийские суда, стоявшие в соседних бухтах, Сулейман в несколько рейсов доставил с малоазиатского берега на полуостров 3-тысячную армию. Вскоре после занятия Цимпе турки овладели и Галлиполи. Попытка византийского наместника Галлиполи оказать сопротивление наступавшим с юга туркам окончилась для византийцев неудачей: они были разбиты и укрылись в крепости. Следуя по пятам за разбитым гарнизоном крепости, турки осадили Галлиполи, и крепость сдалась им без боя. Занятие османскими турками Галлиполи произошло

в 1357 г. Укрепив Галлиполи, пострадавший в это время от землетрясения, новыми стенами и снабдив его сильным гарнизоном, Сулейман в том же году начал наступление на север, и, почти не встречая сопротивления, занял Булаир, Малгара, Ипсала и Родосто. Занимая византийскую территорию, Сулейман выселял гарнизоны занятых крепостей вместе с земледельческой и чиновной византийской аристократией в Азию, обезлюдившие же города и опустевшие земли заселял турками-колонистами, переселяя их массами из Малой Азии. Но местного крестьянского населения, где таковое еще уцелело после пережитых бесконечных турецких погромов, пожарищ и массового увода в плен, Сулейман не трогал. В завоеванных византийских областях на полуострове Сулейман налаживал нормальную административную жизнь, от которой при византийской власти народ давно отвык, поручая управление страной своим ближайшим и активным сотрудникам.

Таким образом, с 1357 г., с завоевания османскими турками Галлиполи и фракийского Херсонеса (Галлипольский полуостров) с прилегающей к нему территорией, в границах — на востоке Родосто, на западе Ипсала, на севере по течению р. Марицы — Чорлу и Иераболи, начинается история владычества османских турок на Балканском полуострове, откуда они в ближайшие же десятилетия завоевали Сербию и Болгарию, а затем быстро распространили свое владычество и далее на европейские страны, за Дунаем. Первым основателем османского владычества в Европе был сын Урхана, Сулейман, погибший в следующем 1358 г. при падении с лошади во время охоты в окрестностях Булаира. После смерти Сулеймана Урхан передал свой престол второму сыну, Мураду, управлявшему владениями османских турок под именем Мурада I с 1359 по 1389 г.¹

§ 4. ЗАВОЕВАНИЕ БОЛГАРИИ ТУРКАМИ

Без особых усилий Мурад I занял окрестности Константинополя на полуострове (Чорлу, Димотика), завоевал Фракию и сделал город Адрианополь своей столицей (1365), после чего турки продвинулись по р. Марице на Болгарскую территорию и заняли в 1362 г. города Старую Загору и Филиппополь. В то же время они двигались и на запад, по Эгейскому побережью, к Солуни и Македонии. Македонские князья Углеш и Волкашин, объединившись с босняками и хорватами, готовились дать отпор турецкому вторжению, но в ночь на 26 сентября 1371 г. при Чермене на р. Марице они подверглись нападению со стороны турок. Войско князей было уничтожено, и сами они вместе с множеством бояр погибли в этой битве. Европа оставалась пассивной зрительницей происходящей на Балканах трагедии; Византия была бессильна оказать туркам какое-либо сопротивление; бессильны были бороться с турками и балканские державы. Турки, чувствуя себя господами положения, беспрепятственно и победоносно двигались вперед.

Весною 1372 г. они заняли Ихтиман, Самоков и всю Южно-болгарскую область вплоть до г. Ямбола, а в Македонии заняли Щип, Прилеп и Битоль. В 1383 г. ими был взят г. София.

Случайное поражение, нанесенное туркам в 1389 г. при р. Топлице у с. Плочник объединенными силами сербского короля Л а з а

¹ Joh. Zinkeisen. Назв. соч., ч. I, гл. IV, стр. 184—217.

ря и боснийского бана Твардко, подняло дух балканских феодалов, но у них не оказалось достаточно ни государственного ума, ни солидарности для того, чтобы во имя общего дела пожертвовать личными интересами и прекратить распри. В то время как болгарский царь Иван Шишман вместе с князем Восточно-болгарской черноморской области (между реками Дунаем и Камичия) Добротичем готовы были лицом к лицу встретиться с турками, видинский князь Иван Срацимир продолжал оставаться в непримиримой вражде к своему брату, Ивану Шишману, а валашский князь Мирчо, обязанный Ивану Шишману своим престолом, поджидал поражения болгар, надеясь извлечь из этого личные выгоды.

Между тем Мурад собрал огромные силы и под начальством Али-паши направил их в Болгарию против Шишмана. У Шипки Али-паша перешел Балканы, осадил и взял Тырново, оставленный перед этим Шишманом, укрепившимся в Никополе. В то же время отдельными турецкими отрядами были взяты города Провадия, Варна и Шумен. Никополь был прекрасно укреплен и обильно снабжен всеми необходимыми припасами. Не надеясь на свои силы, Али-паша вызвал из Адрианополя подкрепление, вместе с которым под Никополь прибыл и сам Султан Мурад. Силы турок были так велики, что Шишман согласился на мир, обязавшись платить туркам дань и передать им крепость Силистру. Однако, как только султан удалился от Никополя, Шишман отказался от мира и решил продолжать отчаянное сопротивление, но Али-паша осадой Никополя принудил его вновь просить мира. Мир был заключен, но Шишман на этот раз уже был отправлен в лагерь Мурада (1388).

Расправившись с Болгарией, обращенной в вассальное княжество, Мурад направил все свои силы против сербов, опираясь на передавшихся ему вассалов, кюстендильского деспота Константина Драгоша и знаменитого сына македонского князя Волкашина, кралеви́ча Марко.

Соединенные войска сербского короля Лазаря, Вука Бранковича, бана Твардко, Ивана Хорвата и черногорского господаря Балшича в количестве 60 тысяч человек встретились с турками, в рядах которых были и войска кралеви́ча Марко и Константина Драгоша, на знаменитом Коссовом поле. Сербский воевода Милош Обилич проник в лагерь Мурада и убил его. Это вызвало панику в турецком войске, но в это время сын Мурада, Баязид I (1389—1403) со своею конницею ударил на отряд короля Лазаря, разбил его и взял в плен Лазаря, обезглавив его вместе с пленными сербскими боярами над трупом Мурада. Трагическая смерть короля Лазаря вызвала панику в сербских рядах, чем воспользовались турки, нанеся сербам решительное поражение (15 июня 1389 г.).

Баязиду принадлежит и завершение дела полного завоевания Болгарии, где Иван Шишман, хотя и состоял в вассальной зависимости от турок, однако не склонен был окончательно им сдаваться.

Отправленный против Болгарии сын Баязида, Сюлейман Челеби осадил Тырново и 17 июня 1393 г. после трехмесячной осады предательски взял болгарскую столицу и предал ее погрому и разорению. Патриарх Евфимий, явившийся пред турками представителем города и ходатаем за смягчение печальной участи его населения, был арестован и осужден на изгнание в Македонию; другие, наиболее видные граждане, уцелевшие от погрома, были сосланы в Малую Азию, где и погибли бесследно. Патриарх Евфимий был заточен в Банковский монастырь в Родопах, последний

болгарский царь, Иван Шишман, взятый в плен в Никополе, был сослан в Пловдив, где в 1395 г. был убит. Видинский князь Иван Срацимир, сдавшийся туркам без боя (1396), сначала оставался в роли турецкого вассала на своем посту в Видине, а затем был сослан в г. Бруссу. Добруджа, Силистра и вся северо-восточная часть Болгарии были завоеваны турками в 1394 г.

С падением Видины Второе болгарское царство прекратило свое существование, и болгарский народ подпал под турецкое иго, которое он и нес на своих плечах в течение почти пяти столетий, с 1393—1396 по 1878 г. Феодалная Болгария, а также Сербия, оказались не в состоянии справиться со стоявшими у них на очереди основными задачами государственного строительства и хозяйственного укрепления страны.¹

¹ Ф. Ив. Успенский. Образование Второго болгарского царства. Одесса, 1879, ч. II, стр. 74—256. Конст. Иречек. История на българите. Търново, 1888, гл. XIV—XXIII; Я. Сакъзов. Българите в своята история; 2-е изд., София, 1918, гл. V, стр. 124—184; Prof. Dr. W. N. Slatarski. Geschichte der Bulgaren, I Teil, Leipzig, 1918, S. 99—182; Fr. H y b l. Dějiny národa bulgarského, I. V Praze, 1930, стр. 148—231.

Из более ранней литературы по истории Второго болгарского царства отметим: С. Н. Палаузов. Юго-восток Европы в XIV ст. ЖМНП. 1857, №№ 4, 10; В. Макушев. Болгария в конце XII и в первой половине XIII в. Варшавские университетские известия, № 3, 1872, стр. 1—66.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Глава I. История Первого болгарского царства (стр. 5—15)	5
§ 1. Очерк политической истории Болгарии со времени Аспаруха до Бориса-Михаила (679—852)	—
§ 2. Борис-Михаил (852—888; ум. в 907)	8
§ 3. Симеон (893—927)	10
§ 4. Болгария после Симеона и падение Первого болгарского царства	12
Глава II. Государственно-правовой и социальный строй, народное хозяйство и торговля Болгарии времени Первого болгарского царства стр. 16—38)	16
§ 1. Территория	—
§ 2. Население, его этнический и социальный состав	17
§ 3. Верховная власть	20
§ 4. Функции главы государства	24
§ 5. Органы верховной власти	28
§ 6. Управление	—
§ 7. Государственное хозяйство, финансы и налоги	30
§ 8. Военное управление	31
§ 9. Народное хозяйство и торговля	32
Глава III. Богомилство и богомилы (стр. 39—51)	39
Глава IV. Болгарская литература эпохи Первого болгарского царства (стр. 52—90)	52
§ 1. Византийская литература — основной источник болгарской литературы.	—
§ 2. Болгарская литература века царя Симеона в ее главнейших представителях.	59
Глава V. Болгария под византийским владычеством (1018—1187) (стр. 91—127)	91
§ 1. Болгарская политика Василия (1018—1025)	—
§ 2. Внутреннее положение Болгарии при ближайших преемниках Василия II	94
§ 3. Восстание Петра Деляна 1040 г.	96
§ 4. Восстание Георгия Войтеха 1072 г.	97
§ 5. „Усмирение“ византийским правительством „славянского народа“	98
§ 6. Первое знакомство болгарского народа с европейцами.	100
§ 7. Внутреннее положение Болгарии в XII в.	107
§ 8. Восстание Петра и Асеня 1185—1187 гг. и начало Второго болгарского царства.	118
Глава VI. Второе болгарское царство [и завоевание Болгарии турками (1187—1396)] (стр. 128—161)	126
§ 1. Политическая история Второго болгарского царства	—
§ 2. Умственные течения и литература в Болгарии накануне завоевания ее турками	133
§ 3. Османские турки. Водворение их на европейской территории	154
§ 4. Завоевание Болгарии турками.	159

Редактор *Ц. М. Подгорненская*

Подписано к печати II/XII 1945 г. М 04089. Тираж 8.000. Заказ № 164.
Объем 10¹/₄ печ. л. + 9 вклеек. Учетн. изд. л. 16,5.

2-я типография „Печатный Двор“ им. А. М. Горького треста „Полиграфкнига“
ОГИЗа при СНК РСФСР. Ленинград, Гатчинская, 26.

Славяне на Балканском полуострове

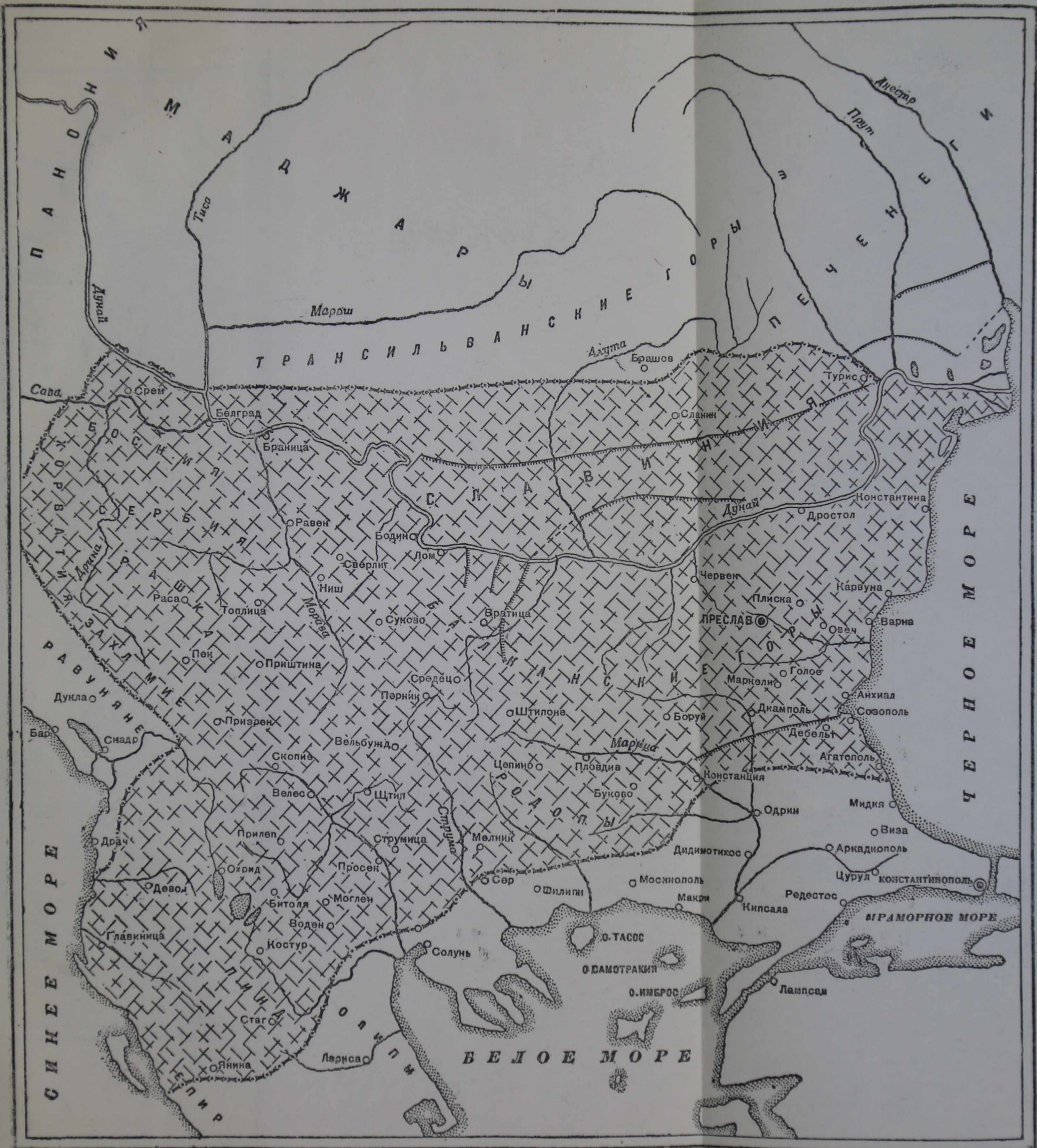
Болгария в VII—VIII вв.

Болгария при Круме и Омортиче (начало IX века)

Болгария при Борисе-Михаиле (852—888)

Болгария при царе Семеоне (893 - 927)

Болгария при царе Самуиле

Болгария при Асене и Петре (1185—1197)

Болгария при Иване и Асене II (1218—1271)

България при последних Шишмановицах

